

Робин Данбар

НАУКА ЛЮБВИ И ИЗМЕНЫ

Ярко и оригинально о том,
почему мы влюбляемся, и какие
факторы определяют наш выбор.

Sunday Times

Аннотация

Любовь романтическая и родительская, страсть, секс, взаимные обязательства, верность, измена – в этой книге предстают в свете самых последних научных открытий. Известный британский антрополог и эволюционный психолог, профессор Оксфордского университета Робин Данбар рассматривает природу этих загадочных явлений и показывает, как эволюционное «программирование» все еще влияет на наше поведение. Это захватывающее исследование романтических отношений – ответ каждому, кто хоть раз в жизни задавал себе вопрос: почему мы влюбляемся и что с нами при этом происходит?

Робин Данбар Наука любви и измены

Robin Dunbar
THE SCIENCE OF LOVE AND BETRAYAL
© Robin Dunbar, 2012

This edition is published by arrangement with *Faber and Faber Limited* and *Andrew Nurnberg Literary Agency*.

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2016

* * *

Посвящается Пэтси

1

Теперь мы – одно целое

*Любовь, как роза, роза красная,
Цветет в моем саду.
Любовь моя – как песенка,
С которой в путь иду.
Роберт Бернс. Любовь, как роза...¹*

Это самое таинственное, что может с вами случиться. Я говорю о влюбленности. Только представьте себе: вот вы мирно живете своей детской жизнью, а потом в нее вдруг врываются гормоны – и вы влюбляетесь. В первый раз – робко; затем вместе с опытом приходит уверенность и решимость. И всю дальнейшую жизнь, пусть и не каждый день, это будет с вами случаться – и всегда застигать врасплох. Удивительное дело! Внезапно вы теряете способность думать о чем-либо еще, кроме вот этого вроде бы случайного человека, который только что шагнул – возможно, тоже ничего не подозревая, – в вашу жизнь. Ваше внимание приковано почти исключительно к предмету ваших желаний. Кажется, что невозможно на него насмотреться. Вам вдруг становится необыкновенно хорошо, глаза при этом блестят, лицо приобретает отрешенно-мечтательное выражение, вас охватывает

¹ Перевод С. Я. Маршака.

странное возбуждение. Недаром влюбленность часто сравнивают с одержимостью.

И конца этому чувству, кажется, нет. Уже потом оно вспыхивает вновь и вновь, из ничего и в самый неожиданный момент. Романтическая любовь – одержимость не только очень сильная, но и – по сравнению с партнерскими отношениями у большинства других животных – довольно длительная. Обычно эта ранняя, яркая фаза человеческих отношений длится от года до полутора, но нередко растягивается до нескольких лет, постепенно теряя накал. В бурные 1960-е некоторые интеллектуалы – особенно из числа антропологов – заговорили о том, что влюбленность – это мода, присущая исключительно западному, капиталистическому обществу и навязанная ему с помощью бульварных романов. Дескать, в традиционных обществах браки заключаются не по любви, а по экономическим или политическим причинам. Такое мнение часто можно услышать и сегодня. Но думать так – значит, путать причины, по которым заключаются брачные контракты, с самими отношениями в браке. Человек – существо прагматическое, люди женились по политическим или экономическим соображениям испокон веков, а договорные и династические браки практиковались во всех человеческих культурах и во всем мире. В наше время такие браки распространены главным образом в азиатских странах, от Ирака до Японии, однако они были неременным требованием для всех благородных домов Европы с тех самых пор, как пала Римская империя. Еще и сегодня во всем западном мире браки заключаются ради удобства или из экономических соображений. Но это совсем не означает, что люди перестали влюбляться! *Женятся* ли они из-за того, что влюбляются, – это уже отдельный вопрос. Ведь сюжет вполне может развиваться и в другом порядке: людей соединил расчет – а потом они нежданно-негаданно влюбляются друг в друга. Как сказано у Мольера в пьесе «Сганарель, или Мнимый рогоносец» (1660): «И очень часто страсть рождается только в браке»².

Сколько мы слышали историй о том, как сосватанная пара, казалось бы, обреченная на несчастливую жизнь, в конце концов проникается взаимной любовью – иногда через несколько месяцев, а порой и через несколько лет после свадьбы. И называть бездушной, узаконенной обществом проституцией подобные браки оснований ничуть не больше, чем супружество по взаимной любви. Многие – если не большинство – из супругов, которых поженили, не спрашивая об их чувствах, со временем влюбляются в своих партнеров. Но ведь западному человеку, живущему в постромантическую эпоху, только кажется, будто у нас есть огромная свобода выбора – в кого хотим влюбляемся, на ком хотим жениться. Однако в действительности наш выбор – как я покажу в следующих главах – сужен целым рядом ограничений, как умышленных, так и случайных. На самом деле потенциального жениха или невесту мы отбираем из очень небольшого числа «кандидатов». И это еще вопрос, когда мы влюбляемся – до или после того, как соглашаемся вступить в брак с данным человеком? Причем и это дано не всем, даже на якобы эмансипированном Западе. Многим приходится, стиснув зубы, довольствоваться тем, что досталось. Однако это вовсе не означает, что феномен влюбленности – всего лишь некая социальная конструкция и люди будто бы влюбляются лишь потому, что «так надо».

Истина же, вопреки множеству яростных попыток доказать противоположное, состоит в том, что романтическая влюбленность, привязанность в той или иной форме существовала всегда, не ведая никаких исторических и культурных преград и границ. А потому можно утверждать, что она заложена в человеческой природе (хотя степень ее проявления различается даже внутри одной культуры).

Ты мне ответишь на зов едва ли,
И тяжко бремя моей печали.
О, как терзаешь меня жестоко!
Должно быть, это веленье рока.

2 Перевод А. И. Оношквич-Яцыны.

В груди не сердце, а чаша горя.
Вместимость чаши иссякнет вскоре.
Зачах я, точно без влаги колос.
Как я, пожалуй, не тонок волос.
Познав жестокой любовь и чары,
Считаю лаской судьбы удары.
Слезами таю, как тают свечи,
И все ж надеюсь и жажду встречи³.

Эти строки принадлежат средневековому персидскому поэту Амиру Хосрову Дехлеви (1253–1325). Приблизительно в то же время – и задолго до эпохи бульварных романов – прославленный французский трубадур Гийом де Машо (1300–1377) писал так:

Моя любовь созвездий ярче,
Моя любовь пожара жарче,
Стихий сильней.
Не помешают мне бураны,
Гроза, шторма и ураганы
Стремиться к Ней.
А вот что сказано в другой его канцоне:
Моя возлюбленная Дама
Навек пленила сердце мне.
Чуть скроют нежный взор ресницы —
Душа тоскует, и томится,
И мотыльком спешит упрямо
Сгореть на сладостном огне⁴.

В написанных на санскрите стихах индийского поэта V века Калидасы есть такая щемящая строфа:

О темноокая, прошу, на миг прекрати
Сплетать в узел прекрасные пряди волос:
Ибо в них запутались мои очи,
Целый день силюсь вытащить их из пут.

А еще раньше, примерно в 900 году до н. э., автор библейской «Песни песней» (или, как ее иногда называют, «Песни Соломоновой»), изливал свои чувства так:

Да лобзает он меня
лобзанием уст своих!
Ибо ласки твои лучше вина.
От благовония мастей твоих
имя твое – как разлитое миро.

И дальше, в том же цикле стихотворений (ибо это не что иное, как стихи):

О, как прекрасны ноги твои в сандалиях,
дщерь именитая!

3 Перевод Дмитрия Седых.

4 Перевод Елены Головиной.

Округление бедр твоих, как ожерелье,
дело рук искусного художника;
живот твой – круглая чаша,
в которой не истощается ароматное вино;
чрево твое – ворох пшеницы,
обставленный лилиями;
два сосца твои – как два козленка, двойня серны;
шея твоя – как столп из слоновой кости;
глаза твои – озерки Есевонские,
что у ворот Батраббима...

...и так далее, и тому подобное.

А можно обратиться и вовсе к седой древности и вспомнить египетского фараона Рамсеса II Великого, который больше 3500 лет назад велел высечь на гробнице любимой жены, могущественной царицы Нефертари (не следует путать ее с еще более знаменитой Нефертити – та жила на столетие раньше): «Та, для кого светит солнце...» Сколько раз на протяжении человеческой истории произносились подобные слова – и не только теми, кто ухитрился прочесть иероглифы в поземной погребальной камере царицы, – задолго до раскопок и расшифровки? Вот строки, нанесенные клинописью примерно в 2025 году до н. э. на глиняную табличку – ее нашли в 1889 году при раскопках шумерского города Ниппура на территории современного Ирака. Возможно, перед нами древнейшее любовное стихотворение на земле:

Супруг, дозвожь мне ласкать тебя, —
Мои нежные ласки слаще меда.
В опочивальне, наполненной медом,
Мы насладимся твоей чудесной красотой.
Лев, дозвожь мне ласкать тебя, —
Мои нежные ласки слаще меда.

Самюэль Крамер, написавший книгу о шумерах⁵, отмечал, что чувство любви им отнюдь не было чуждо – несмотря на то что браки в древнем Шумере неизменно заключались из экономических соображений, исчисляемых в конкретных мерах серебра.

Иными словами, любовь знакома всем народам: люди влюблялись всегда и везде, это происходило бесконечное множество раз, на протяжении всей человеческой истории, начиная с того отдаленного мига, когда некая древняя Ева проснулась однажды утром – и обомлела при виде Адама. Я вовсе не утверждаю, что пережить такое довелось каждому из нас или что эти переживания так или иначе связаны с супружеством. Я просто хочу сказать, что такое происходило и происходит сплошь и рядом. И для человека это очень важно. Сандра Мюррей и ее коллеги, в течение нескольких десятилетий изучавшие романтические отношения, выяснили, что верный путь к счастливому браку – это идеализация партнера; более того, чем выше сам идеал и чем сильнее один из партнеров идеализирует другого, тем больше ему нравится их союз и тем выше вероятность, что брак окажется долговечным. И дело не в том, что людям, которые привыкли идеализировать партнеров, достаются наиболее достойные супруги; на самом деле существует лишь незначительная корреляция между тем, как тот или иной человек воспринимает своего партнера, и тем, как этот партнер сам оценивает свои качества. Похоже, причина успешного брака кроется в самом феномене идеализации. И тут возникает вопрос: раз любовь – явление универсальное, значит, у нее должны быть

⁵ С. Крамер. История начинается в Шумере. Прочитанный стихотворный отрывок приведен в переводе Ф. Л. Мендельсона.

биологические причины и биологическая функция. Однако учеными вопрос этот долгое время упорно игнорировался. Мы до сих пор толком не знаем ни что такое любовь, ни как она возникает, ни даже есть ли ей аналоги у других животных.

Вот этой, биологической, стороне предмета и посвящена данная книга. Мы попытаемся понять, что заставляет нас испытывать подобное чувство. Впрочем, я не собираюсь слишком углубляться в дебри физиологии и генетики. Это – дело биологов. Моя же задача – рассмотреть элементарные биологические причины нашего поведения в связке с теми психологическими, социальными, историческими и эволюционными обстоятельствами, которые модулируют это поведение и влияют на него. Не в последнюю очередь меня интересуют принципы выбора партнеров и тактика, к которой мы прибегаем, чтобы завладеть вниманием наших избранников. Я намерен рассмотреть любовь как феномен – и время от времени буду обращаться за помощью к поэтам. Обычно (хотя и не обязательно) любовь соединяет гетеросексуальную пару, хотя позволю себе высказать догадку, что причины, ведущие к любовным отношениям, определяются отнюдь не разнополостью или однополостью партнеров, поэтому в дальнейшем я эту тему никак специально не выделяю.

Не отвести глаз...

Всем известно, что когда мы влюбляемся, наше внимание оказывается целиком приковано к одному человеку – а до других нам и дела нет. Споры велись о причинах: вызвано ли это тем, что влюбленный теряет интерес к другим представителям противоположного пола (так называемая гипотеза смещения), или тем, что он настолько поглощен новым предметом любви, что заметить кого-либо другого ему попросту некогда (так называемая гипотеза внимания). Разница может показаться несущественной – однако на самом деле перед нами две взаимоисключающие модели поведения. Согласно гипотезе смещения, влюбленный не интересуется другими людьми потому, что теряет к этому мотивацию, а в соответствии с гипотезой внимания любое случайное стечение обстоятельств может заставить его заметить кого-то еще, а в дальнейшем и забыть про прежний предмет любви. В сущности, первый вариант подразумевает существование некоего психологического механизма, который всячески мешает влюбленному засмотреться на кого-нибудь еще, а вторая гипотеза ничего подобного не предполагает.

Обычно мы легко отвлекаемся на представителей противоположного пола – куда легче, чем на лиц нашего собственного. Несколько лет назад мы со студентами исследовали явление социального мониторинга на примере поведения людей в столовой одного большого лондонского университета, а также в близлежащих парках и скверах. Нам хотелось проверить четыре разные гипотезы насчет того, почему люди, занятые едой или разговором, периодически оглядываются по сторонам, словно кого-то ища. Гипотезы были следующие: 1) чтобы убедиться, что поблизости нет хищника (или, в нашем случае, потенциально опасного человека); 2) чтобы проверить, не подошел ли кто-нибудь из друзей; 3) чтобы не упустить потенциального нового партнера (партнерши); 4) чтобы заметить соперника, способного увести партнера (партнершу). С сильным отрывом от остальных победила третья гипотеза, согласно которой люди ищут глазами представителей противоположного пола, чье появление, быть может, сулит новые романтические отношения. Наблюдения за тем, когда и как люди оглядывались по сторонам и на кого они при этом смотрели, позволили сделать однозначный вывод: правильное объяснение – это «выбор партнера». Оказалось, и мужчины, и женщины гораздо чаще поднимали голову и смотрели на входящего, если человек принадлежал к противоположному полу. Более того: они проявляли такую восприимчивость к половой принадлежности человека, что угадывали ее с большого расстояния. Похоже, наше периферическое зрение считывает подобную информацию исключительно точно.

Влюбленные гораздо меньше засматриваются на привлекательных представителей противоположного пола, к тому же они склонны считать тех, кого видят, менее привлекательными, чем кажется одиноким людям. Джон Мейнер и его коллеги придумали

довольно оригинальный тест: в одном углу компьютерного экрана они показывали испытуемым фотографии привлекательных и заурадных лиц своего и противоположного пола, а затем просили их выполнить задание, для которого нужно было смотреть в другую часть экрана. Те, кто был влюблен, гораздо быстрее переключали внимание с фотографий привлекательных лиц противоположного пола, чем одинокие испытуемые; при этом показатели относительно лиц своего пола и не слишком симпатичных лиц противоположного у обеих групп оказались одинаковыми. Ученые пришли к выводу, что человеку, связанному романтическими отношениями, что-то мешает отвлечься на серьезных соперников избранника. Похоже, в состоянии влюбленности мы склонны недооценивать внешность остальных людей, даже такую, которая в иной ситуации наверняка привлекла бы наше внимание.

Юхан Лундстрём и Мэрилин Джонс-Готман проверили, как в аналогичной ситуации воспринимаются запахи. Они просили молодых женщин, имеющих партнера, оценить в баллах силу своего чувства к нему, а затем сравнить три запаха. Один принадлежал возлюбленному, второй – мужчине-приятелю, а третий – подруге. Сами запахи были получены заранее: исследователи просили выбранных лиц семь ночей подряд спать (в одиночку) в хлопчатобумажной футболке со специальными тампонами под мышками, чтобы те впитали естественный запах их тела. Выяснилось, что не существует никакой корреляции между силой романтической привязанности женщины к своему избраннику и ее способностью идентифицировать запах бойфренда или подруги, зато наблюдается явная обратная зависимость между силой любви к партнеру и способностью определить запах приятеля-мужчины. Иными словами, романтическое отношение не столько вызывает одержимость предметом любви в ущерб всем остальным, сколько заставляет активно игнорировать потенциальных соперников возлюбленного.

Под маминым крылышком

Разумеется, романтические отношения – не единственная эмоциональная привязанность. Другим, самым очевидным ее примером является то невероятно сильное чувство, которое связывает мать и ребенка. Недаром для его обозначения мы употребляем то же самое слово, что и для романтических отношений, – любовь. Явление это общечеловеческое, хотя сила такой любви варьирует от человека к человеку. Например, вряд ли кому-то покажется спорным утверждение, что мужчины в среднем меньше, чем женщины, любят детей, особенно грудных, – даже собственных. У женщин – во всяком случае некоторых – родительские чувства куда сильнее, чем у мужчин; но верно и то, что одни мужчины куда заботливее, чем другие, – и даже чем некоторые женщины. Однако подобные индивидуальные различия не должны заслонять от нас главное: что существует иной вид глубокого и сильного чувства, которое неборимо привязывает нас к другому человеку, что оно является универсальным человеческим свойством (пожалуй, присущим большинству млекопитающих) и что для него должны существовать какие-то веские основания.

Отношениям «мать – ребенок» присущи многие из черт, свойственных романтическим отношениям: фокусировка всего внимания на предмете любви; чувство удивления, восхищения и удовлетворенности; желание не просто находиться рядом с любимым существом, но и трогать его, гладить; готовность пойти ради него на любые жертвы. Можно предположить, что процессы, задействованные в романтических отношениях, изначально отвечали за связь между матерью и ребенком, а затем распространились на более широкий контекст. Гипотеза небезосновательна, ведь рождение ребенка и романтические чувства, которые к этому подводят, – только прелюдия к более долгому и трудному делу: ребенка надо вырастить. Так почему бы не воспользоваться имеющейся технологией и для первой, подготовительной стадии процесса воспроизводства?

Материнский инстинкт – фундаментальное свойство млекопитающих, эволюционное преимущество которых состоит в двухэтапном цикле воспроизводства: внутриутробном

развитии плода и вскармливании молоком. Вынашивание плода внутри организма взрослой особи наблюдается и у других представителей животного царства. Например, самцы морских коньков вынашивают икру и рожают молодь; рыба цихлида заглатывает икру, и мальки развиваются у нее во рту; жаба-повитуха мечет икру в особых шнурах, а самец наматывает их на спину и носит до появления головастиков. Однако подобное вынашивание детенышей – явление в животном царстве относительно редкое. Лишь для млекопитающих вынашивание плода является обязательным признаком⁶. Эта непростая опция позволяет производить на свет детенышей с крупным мозгом, которые, достигнув зрелости, лучше приспособляются к самым разным жизненным обстоятельствам. В этом смысле длительный период вскармливания крайне важен: родители заботятся о потомстве все время, пока растут его мозг и тело. А поскольку формирование мозговой ткани имеет определенную скорость, то чем крупнее мозг, тем он дольше формируется и соответственно тем более продолжительная родительская опека требуется детенышу.

Процесс этот отнимает у родителей немало сил и времени. По сравнению с ним вынашивание – не такая уж трудная задача: ведь детеныш еще очень мал и к тому же находится внутри материнского тела. Но после рождения его потребность в питании возрастает в геометрической прогрессии до той поры, пока он не сможет прокормиться самостоятельно. А у некоторых видов обезьян существует и дополнительный этап выращивания детеныша – его социализация, которая начинается с окончанием вскармливания. Воспитание у детеныша необходимых навыков общения и умения их применять иногда занимает не один год. Все это можно смело назвать «усилиями любви» – особенно в первые месяцы, когда сами детеныши не подают к ней особых поводов. Особенно это актуально для людей: человеческие младенцы по сравнению с обезьяньими совершенно беспомощные. Новорожденные обезьяны могут стоять и кое-как ходить уже через несколько дней (а то и часов) после своего появления на свет, а человек рождается с настолько несформированной нервной системой, что большинство детей начинают ходить не раньше годовалого возраста.

Таков побочный эффект эволюционного достижения наших предков, перешедших к прямохождению. Это привело к перестройке таза – так, чтобы он сделался надежной опорой для туловища, а это в свой черед повлекло сужение родовых путей. Потом, спустя еще несколько миллионов лет, наш мозг значительно увеличился в размерах. В результате возникла проблема: ведь даже незначительное увеличение объема мозга у младенца в утробе означало, что в момент рождения его голова окажется слишком большой, чтобы преодолеть довольно тесные родовые пути. Проблемы могло бы и не быть, если бы не одна историческая случайность, произошедшая сотни миллионов лет назад, когда только появились наши далекие предки – рыбы и рептилии. А именно – репродуктивный тракт у них прошел между будущими тазовыми костями, а не поверх них. Безусловно, было бы гораздо разумнее, если бы мочевые и половые пути имели выход под самым пупком. Такое устройство избавило бы человеческий род от множества сложностей. Но – что поделать – эволюция недальновидна, и позднейшие поколения часто оказываются заложниками неблагоприятных побочных эффектов от ее достижений.

В нашем случае выходом оказалось рождение ребенка настолько недоношенным, насколько его возможно выходить. По обезьяньим меркам наши новорожденные критически, даже катастрофически недоразвиты и, покинув материнскую утробу, могут выжить в течение первого года лишь при условии неустанной и неусыпной родительской заботы. Особая роль тут отводится матери, которая по идее должна самоотверженно кормить ребенка грудью до тех пор, пока тот не начнет есть самостоятельно. Значит, существует некая могучая сила, заставляющая нас, несмотря ни на что, упорно закачивать в этот вечно пустой животик молоко и другую пищу.

⁶ Единственными исключениями, разумеется, являются однопроходные – отряд довольно примитивных яйцекладущих млекопитающих, к которым относятся утконос и ехидна.

На самом деле отношения матери и ребенка – не единственный вид взаимодействия, у которого явно имеется нечто общее с романтической привязанностью. Хотя слово «друг» в последнее время явно обесценилось (в том числе благодаря социальным сетям), дружба тем не менее является третьей известной нам разновидностью близких отношений. Верных друзей соединяет привязанность не менее сильная и глубокая, чем та, что существует между влюбленными, и она, бывает, переходит в полноценные сексуальные отношения. Обычно мы делим друзей на разные категории – от «самых лучших» до «просто приятелей», потому что и сама дружба может быть разной. Есть убедительные доказательства того, что нам трудно поддерживать больше одной подлинно близкой романтической связи одновременно. А вот дружить мы способны со многими людьми сразу, причем одна степень дружбы может незаметно переходить в другую.

Еще одна важная человеческая привязанность – родственная. И я сейчас имею в виду не любовь к родителям, которая во многом – выражение благодарности за их самоотверженную заботу о нас. Родство – очень странная штука. У большинства из нас буквально что-то шевелится внутри, когда мы вдруг узнаем о том, что некто – наш родственник, пускай даже очень дальний. В одно мгновение абсолютно чужой человек обретает в наших глазах совершенно другое значение. Он уже не просто «человек», а родственник, связанный с нами узами крови, один из «нашего рода». И, повинувшись могучей силе одного этого коротенького слова – «род», – мы уже зовем незнакомца пообедать, приглашаем в гости или даже одалживаем ему машину. И я говорю совсем не о тех случаях, когда человек, выросший в приемной семье, вдруг находит своих биологических родителей. Я говорю о четвероюродных братьях или сестрах – о той степени родства, при которой у людей общий родственник – прапрабабушка или прапрадедушка. Что еще удивительнее – родство при этом определимо только посредством слова. Ведь ни вы, ни ваш дальний кузен никогда лично не знали своего прапрадеда или свою прапрабабку, разве что слышали о них. Очень мало кто из нас помнит своих прапрадедов, мало кто даже в младенчестве сидел у них на коленках или бывал в гостях. Но стоит только одному этому волшебному слову сорваться с губ – и вот вы уже кровные братья, связанные нерасторжимыми узами родства.

Мы связаны этими родственными узами гораздо крепче, чем сами сознаём. Исследования показывают, что около половины людей, которые нам дороги, – это члены наших семей, родня по крови или через брак. Под семьей я, конечно, подразумеваю не только детей, родителей и братьев с сестрами, а «большую семью», вплоть до троюродных родственников. У среднестатистического человека таких родичей наберется от пятидесяти до семидесяти. Мы отдаем им предпочтение перед всеми остальными и, если нужно, расшибемся ради них в лепешку, хотя нам в голову не пришло бы так напрягаться ради чужих. Инуиты (эскимосы), живущие на побережье Аляски, и в наши дни иногда выходят охотиться на китов на маленьких открытых лодках – как описано в «Моби Дике» и как их предки охотились веками. Это очень опасное дело: киты часто переворачивают лодки, когда китобой приближается к ним на расстояние, позволяющее метнуть гарпун. Поскольку риск оказаться в воде очень высок, китобойные команды всегда набираются из близких родственников: как объясняют сами инуиты, если тебя выбросит за борт, то никто и не подумает нырять за тобой в ледяные воды Арктики, кроме близкой родни. Недаром говорят, что кровь – не водица.

Чем же романтические отношения отличаются от дружбы, а дружба – от родства? И в чем отличие близких друзей от приятелей, а близкой родни – от дальней? В течение последних десяти лет я изучал социальное устройство нашего мира, и эта книга во многом базируется на полученном материале. В процессе исследований я искал опорную понятийную структуру, позволяющую сравнивать различные типы человеческих взаимоотношений. Главным в ней я считаю понятие доверия: именно оно позволяет выстроить между двумя индивидуумами такую связь, которая стала бы для них источником взаимной поддержки и удовольствия. Но вначале нам придется рассмотреть еще один вопрос.

Что такое любовь?

Разумеется, Фрейд не прошел мимо этой темы, положив начало долгой и во многом непродуктивной традиции чисто медицинского подхода к вопросу. Внутри этого подхода проводится разграничение между *эросом* и *агапэ*; оба термина взяты из древнегреческого для обозначения соответственно плотской, чувственной любви и любви возвышенной, больше похожей на дружбу, с присущими ей бескорыстием и безмерной самоотверженностью (а в христианстве – еще и любви к Спасителю или к одному из святых). Эта психоаналитика, большей частью занудная, фокусируется на негативе, аномалиях и неудачных союзах, так что лучше я расскажу вам о других исследователях, которых интересовал феномен романтических отношений (и, в несколько меньшей степени, дружбы), – а именно о социальных психологах.

У социальных психологов есть два базовых подхода. Один – теория привязанности – исходит из эволюционного принципа и гласит, что взрослые романтические и другие близкие отношения происходят из младенческого и детского опыта отношений с матерью (или опираются на этот опыт). Теория привязанности во многом сложилась под влиянием авторитетного британского психиатра Джона Боулби, который попытался совместить психиатрию, включая фрейдовский психоанализ, с этологией. Именно он после Второй мировой занимался просветительской работой в родильных домах, убеждая врачей, что не надо разлучать новорожденных младенцев с матерями сразу же после родов. Он горячо отстаивал свои взгляды: а именно что матери и младенцу необходимо установить тесную связь друг с другом в первые часы после рождения и что для дальнейшего развития и благополучия ребенка жизненно важно, чтобы все протекало естественным путем, а для этого нужно оставить новорожденного с матерью. Именно поэтому теперь во многих странах младенцев прикладывают к материнской груди сразу после рождения, а купают уже потом. Идеи Боулби получили широкую поддержку и распространение, и многие из вас, мои читатели, имели возможность воспользоваться результатами его трудов. Но правда ли, что ваши взрослые романтические отношения обусловлены исключительно младенческими отношениями с матерью? Ответ в силу очевидных причин будет скорее отрицательным – хотя, как я покажу далее, отношения с родителями все-таки влияют на наш выбор спутника жизни, причем довольно неожиданно. Однако итоговый вывод таков: данные нейровизуализации показывают, что материнская любовь и романтическая любовь – это совершенно разные вещи: наряду с одними и теми же они затрагивают и разные участки мозга.

Характер романтических отношений оказывает существенное воздействие на наше эмоциональное и психологическое благополучие как в подростковом возрасте, так и в зрелые годы. Общеизвестно, что романтические отношения, особенно глубокие и серьезные, положительно влияют на самооценку и психологическое здоровье – и соответственно на физическое здоровье и иммунитет. И наоборот, кризис или разрыв таких отношений является фактором риска, чреватым депрессией. Сходным образом опыт внутрисемейных отношений в детские годы (это касается отношений как между родителями и детьми, так и между братьями и сестрами) служит своего рода канвой для любых межличностных отношений, которые будут складываться у человека во взрослой жизни. Черета недолговечных, непрочных отношений в подростковом периоде – предвестие не слишком хороших отношений в зрелости. По-видимому, неспособность овладеть навыками, необходимыми для взрослых отношений, имеет большое значение: одним из самых верных и неоспоримых признаков, по которому можно спрогнозировать неудовлетворенность супружеской жизнью и развод, являются подростковые отношения, завершившиеся ранним браком. Это вовсе не означает, что все подобные связи заканчиваются крахом, но с точки зрения статистики такое начало не сулит ничего хорошего.

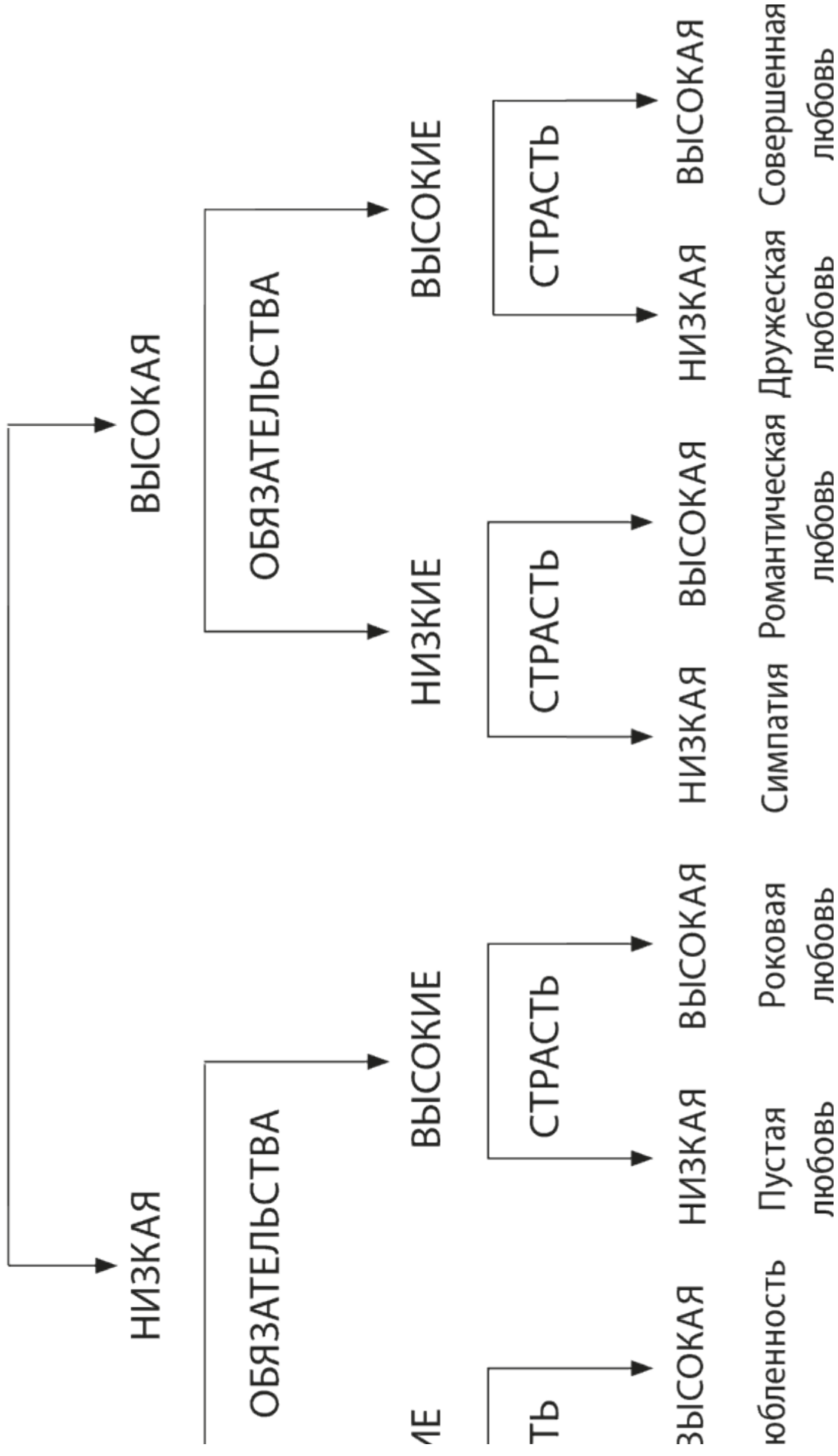
Другой подход, применяемый в социальной психологии романтических отношений, фокусируется преимущественно на том, как мы воспринимаем в них самих себя, причем

особое внимание уделяется эмоциональным и когнитивным составляющим, а также возможности предсказывать по ним благополучие, прочность и долговечность такого союза. Используя систему анкетирования, хорошо зарекомендовавшую себя при оценке интеллекта, а в дальнейшем и личности, исследователи просят испытуемых согласиться или не согласиться, например, с такими утверждениями: «Я ощущаю эмоциональный подъем, когда вижу [человека X]», или «Я ощущаю огромное счастье, когда я вместе с [X]», или «Я не могу даже представить себе, что когда-нибудь расстанусь с [X]». Затем несколько сотен ответов на подобные вопросы, полученных от многих тысяч людей, подвергаются глубокому статистическому анализу для выявления общих тенденций и закономерностей. При этом выявляются сквозные темы ответов, которые оцениваются как опорные факторы или параметры измерений. Например, в теории личностных факторов это такие всем известные параметры, как «экстраверсия», «невротизм», «открытость опыту», «добросовестность» и «доброжелательность», называемые также «большой пятеркой». Но если личностная теория работает практически без сбоев и сделанные на ее основе замеры психологических профилей не меняются в зависимости от времени и места, то попытки социальных психологов выявить при помощи того же подхода сущность любви, романтической и иной, оказались куда менее успешными. Как отмечают многие исследователи, мало найдется менее определенных понятий в психологии, чем понятие любви. Почему-то оказалось чрезвычайно сложно точно очертить значение этого слова, а соответственно и описать само явление.

Пожалуй, наиболее успешной попыткой определить романтические отношения стала выдвинутая Робертом Стернбергом «Трехкомпонентная теория любви». Согласно его теории их можно классифицировать по трем независимым признакам: близость, страсть и обязательства. Страсть отражает те стороны романтических отношений, которые обычно ассоциируются с нашими представлениями о «влюбленности» (непреодолимое влечение к предмету желаний и эмоциональное возбуждение, иногда имеющее сексуальную составляющую, а иногда нет). Близость включает чувство привязанности и сопричастности, а под обязательствами подразумевается стремление всячески поддерживать другого человека и всегда быть рядом с ним.

Классификация Стернберга хороша тем, что наглядно показывает, насколько могут отличаться отношения в зависимости от этих трех параметров (см. схему). Например, влюбленность диагностируется, когда показатель страсти высокий, а показатели близости и обязательства низкие; романтическая любовь наблюдается при сочетании высокой близости и высокой страсти в отсутствие обязательств. Дружеская любовь – это сочетание высокой степени близости и уровня обязательств в отсутствие страсти, а роковая любовь – это сочетание страсти и обязательств в отсутствие близости. Когда все три параметра имеют высокие показатели, мы получаем полную, или совершенную, любовь. Интуитивно это понятно, хотя о терминологии, конечно же, можно поспорить. Но в любом случае эта теория не позволяет нам забыть о том, что отношения и в самом деле принимают очень разный характер и проявляются в разных формах. Они и не обязаны быть одинаковыми. По крайней мере мотивация и побуждения, лежащие в их основе, существенно различаются по силе и ценности, как и порождаемые ими связи.

БЛИЗОСТЬ

«Трехкомпонентная теория любви» Стернберга.

Всесторонний анализ ответов испытуемых на множество вопросов, касавшихся их любовных отношений, позволил Стернбергу прийти к заключению, что эти отношения имеют три измерения: близость, обязательства и страсть. Поскольку каждый из названных признаков может проявляться в высокой или низкой степени, это позволяет выделить восемь различных типов отношений (см. определения внизу схемы). Качественно они заметно различаются, варьируя от «нелюбви» (равнодушия или отсутствия любви) к «симпатии» и таким формам, как «влюбленность», «пустая», «роковая» или «дружеская любовь» и, наконец, к «совершенной любви», при которой все три признака имеют высокие показатели.

Данная классификация при всех ее несовершенствах также служит полезным напоминанием о том, насколько важной чертой всех близких отношений является взаимность. Похоже, безответная, неразделенная любовь больше воодушевляет поэтов, и то лишь потому, что вызывает сильные чувства – утраты и неутоленного желания. Отношения вполне могут быть одномерными – например, если они основаны на одной только похоти (или «страсти» – если прибегнуть к более деликатному термину, выбранному Стернбергом). А некоторые из них могут отражать просто переходные стадии в развитии отношений: от первоначальной безответной любви через разделенную страсть к дружбе в более зрелых романтических отношениях. Однако, сколь бы полезна ни была эта схема, она все равно дает лишь самое поверхностное представление о любовных отношениях, не позволяя проникнуть вглубь. У нас по-прежнему нет объяснения: что же такое любовь? Что вызывает эту бурю эмоций, этот выплеск чувств, когда наши робкие ухаживания наталкиваются на презрение или отказ или когда возлюбленный или возлюбленная нам изменяет? Теория несколько не помогает продвинуться дальше самых приблизительных догадок о том, как же мы выбираем себе любимых и друзей. И конечно же не поднимает вопроса, почему все это вообще происходит? Как принято у психологов, изучаемый мир берется как данность, как пресловутый Панглоссос «лучший из миров», и никто не задается вопросом, почему все получилось именно так. Если же взглянуть на предмет с эволюционной точки зрения, разобраться в происхождении и биологических функциях тех или иных феноменов, то зачастую можно наткнуться на неожиданные странности – и убедиться, что лучший из миров местами устроен не слишком разумно. Очень часто мы имеем дело с эволюционными компромиссами – вроде рождения беспомощных младенцев, – и общая логика становится понятна лишь при взгляде на целостную картину.

Когда язык бессилен

В конце своей книги «Символический вид» нейрофизиолог Терренс Дикон отмечает очень необычное устройство жизни у людей. Моногамные пары, входящие в большую общину, живут бок о бок с множеством других мужчин и женщин. И все бы ничего, если бы не явление, которое антропологи окрестили разделением труда: время от времени мужчины и женщины расходятся по своим делам – особенно в традиционных обществах, где мужчины отправляются, например, на охоту, а женщины – на сбор съедобных растений. Проблема, по мнению Дикона, заключается в том, что всякий раз, когда пара разлучена, есть риск, что партнершу похитит соперник или произойдет внебрачное сокоупление. Особенно актуальны такие опасения для мужчин. Они всегда могут сомневаться в своем отцовстве: у млекопитающих самка всегда знает, что потомство, которое она вынашивает, – ее собственное, но самцы никогда не могут быть уверены в этом на 100 %. Дикон отмечает, что людей подобные сомнения преследуют особенно навязчиво. Ведь нас всегда окружает слишком большое количество соперников, конкурирующих за внимание наших партнеров, и существует так называемый открытый сезон, когда разделение труда вынуждает пары

разлучаться на длительное время (например, приходит пора охоты, рыбной ловли и т. д.).

Решение этой проблемы, предполагает Дикон, состояло в том, чтобы публично заявить о своем праве собственности, для чего были придуманы брачные церемонии и разного рода сигналы. Для обозначения семейного положения мы используем целый ряд символов – например носим обручальные кольца. Во многих культурах женщины прибегают к множеству дополнительных мер: после замужества пишут перед своей фамилией «миссис» вместо «мисс», берут фамилию супруга, меняют прическу или манеру одеваться. В традиционных обществах Полинезии мужчина и женщина, решив пожениться, надевают друг другу на шею *лейс* (ожерелье из цветов), причем женщина начинает носить цветок не за правым ухом (что означает «еще доступна»), а за левым («помолвлена»). Дикон утверждает, что все эти знаки, будучи символами, создавали запрос на появление языка, и, таким образом, подобные символические союзы стали ключевым фактором отбора и эволюции языка (отсюда название книги). Коль скоро моногамия возникла давно (Дикон полагает, что это произошло очень давно), то столь же давно возник и язык; давно – это, по Дикону, около двух миллионов лет назад, с появлением *Homo erectus* (человека прямоходящего), первого представителя нашего рода.

Дикон справедливо считает человеческую моногамию главной аномалией, нуждающейся в объяснении. Но самый важный вопрос (и центральный для нашего исследования) – откуда вообще взялись брачные отношения, а не как нам удастся их поддерживать, несмотря на все риски и угрозы. Самое распространенное объяснение – что для воспитания человеческого потомства необходимы двое (причем подразумевается, что эти двое – мама и папа). Лично мне не кажется очевидным, что для выращивания потомства обязательно требуется наличие именно мамы и папы, хотя частота возникновения устойчивых моногамных пар, например у птиц, наводит на мысль, что, возможно, перед нами – один из базовых инстинктов. По крайней мере для людей столь же логично можно было бы объяснить воспитательный союз мамы и бабушки. Иначе почему женщины теряют способность к зачатию в таком возрасте, когда они как раз набираются максимального материнского опыта и мудрости – примерно в сорок пять лет? Менопауза – явление почти исключительно человеческое. Утверждают, правда, будто менопауза также свойственна шимпанзе и слонам – тоже млекопитающим-долгожителям, – но правильнее все-таки было бы назвать это явление снижением репродуктивной функции по причине старения.

Люди явно состоят в другой «лиге»: никакой другой вид не отказывается от воспроизводства так рано (с учетом средней продолжительности жизни). Самое распространенное объяснение этой загадки опирается на следующий факт: время выхода женщины из детородного возраста приходится как раз на ту пору, когда в него входят ее дочери. Мать перестает рожать сама, чтобы помогать дочерям, – так гласит «гипотеза бабушек». В то же время становится понятно, почему так важны отношения между матерью и дочерью и почему их нужно сохранять в зрелые годы – и почему бабушки, как правило, души не чают во внуках.

Но остаются еще две загадки. Во-первых, почему между мужчиной и женщиной все же устанавливаются брачные отношения, коль скоро это не является обязательным условием? Во-вторых, действительно ли для создания системы, при которой устойчивые пары существуют внутри большого сообщества и где имеется множество особей обоих полов, необходимы язык и способность распознавать символы? Являются ли брачные отношения неким когнитивным феноменом, который поддается логическому осмыслению и требует языка как регулятора, или же это феномен эмоциональной сферы, недоступной активному сознанию?

На второй из этих вопросов ответить гораздо проще, потому что брачные/социальные структуры, которыми занимался Дикон, оказались вовсе не такими редкими, как он полагал. Например, самцы гамадрилов держат гаремы, куда может входить до четырех самок. Верности он добивается силой: самок, которые чересчур приближаются к другим самцам, хозяин гарема так больно кусает за загривок, что те потом еще много часов не решаются

отойти от своего супруга. С другой стороны, прочность уз между самкой и ее самцом обусловлена не только упреждающими наказаниями со стороны хозяина гарема: многое зависит еще и от желания других самцов испытать крепость этих уз. Обычно самцы «уважают» брачные отношения других самцов и всячески избегают заигрывать с чужими самками. Если посадить самца в клетку к самцу и самке и он увидит, как они общаются, то он уйдет в дальний конец клетки, где начнет проявлять повышенный интерес ко всему, что происходит за пределами клетки, или возиться с травой под ногами; словом, он будет смотреть куда угодно, но только не на подругу второго самца, потому что такие взгляды означали бы угрозу и мгновенно привели бы к драке. Такое явление (его называют триадной дифференциацией), по-видимому, предусмотрено природой именно для защиты брачных уз.

Однако поведение самцов-соперников зависит еще и от того, как они оценивают степень привязанности самки к партнеру, о чем они могут судить по знакам внимания, которые она ему оказывает. Если она не проявляет к нему особого интереса или даже игнорирует, то самец-соперник, посаженный в клетку, иногда делает попытку увести самку – и даже при необходимости готов драться со вторым самцом. Если самка равнодушна к партнеру, возможно, она заинтересуется другим самцом – и порой этого достаточно, чтобы равновесие сместилось в пользу новичка, даже если тот стоит в иерархии ниже, чем соперник. И напротив, если самец видит, что самка постоянно поглядывает на своего партнера и повсюду за ним следует, то не станет и утруждаться. Если она крепко привязана к своему «супругу», то ее никак не отбить у него, даже если новичок физически сильнее партнера. Вот именно в таких случаях самцы, посаженные в клетку, начинают проявлять интерес к тому, что происходит по другую сторону решетки, или внимательно рассматривать пальцы у себя на ногах.

У видов с еще более выраженной моногамией, вроде южноамериканской обезьяны-прыгуна, оба партнера активно оберегают прочность брачных уз, даже близко не подпуская особей своего пола. Подобное же поведение наблюдается у антилоп вроде клиппшпрингера (антилопы-прыгуна). Эта маленькая африканская антилопа (не намного крупнее ягненка) – пожалуй, одно из самых моногамных млекопитающих на свете. Каждая брачная пара живет на крошечной территории, едва ли вдвое большей по площади, чем футбольное поле, на выступах горных пород среди травянистой саванны Восточной и Южной Африки. Эти прыгуны тоже чрезвычайно ревниво относятся к партнерам и отгоняют любых чужаков собственного пола, которые случайно забредают на их территорию.

Но есть один биологический вид с социальной структурой, почти идентичной человеческой: это карликовая щурка – крошечная африканская птичка, строящая норы в песчаных обрывах вдоль рек. Поскольку для такого гнездования подходят далеко не все места, то щурки вынуждены ютиться в тесноте, осваивая немногочисленные участки, где можно вырыть нору без особого труда. А значит, на одном относительно небольшом участке песчаного берега одновременно обитают сотни, а то и тысячи птиц. Хотя у каждой птичьей пары имеется своя отдельная нора, этих нор так много в самом ближайшем соседстве, что самке, отправляющейся на поиски пищи, всякий раз приходится проходить буквально сквозь строй холостых самцов, слоняющихся на окраине птичьей колонии. Чтобы уменьшить риск насилия со стороны чужаков, щурки образуют чрезвычайно крепкие брачные узлы, так что самец сопровождает самку повсюду, куда бы та ни шла. По сути, он выступает ее телохранителем. При этом щурки обходятся без языка и без символов.

Коль скоро целью подобного поведения перечисленных животных является защита супружеских отношений (по крайней мере, в течение ограниченного времени), то встает вопрос: с какой стати людям понадобилось ради того же самого изобретать такие сложные вещи, как общественный договор или язык? В самом деле, мы же видим, что обезьяны и птицы умеют решать ту же проблему сугубо поведенческими средствами. А значит, система символических сигналов и язык сами по себе не являются главными средствами защиты брачных отношений в социуме. Иными словами, парные союзы возникли гораздо раньше языка, который потом был подключен к уже существующим механизмам защиты

моногамного союза.

Я не даром заговорил о языке. Давайте вернемся к нашей отправной точке и к поэтам, чьими прочувствованными строками мы так восхищаемся. Большинство людей, похоже, испытывает большие трудности при попытке высказать свои чувства. Нужные слова ускользают как раз в тот момент, когда мы по-настоящему в них нуждаемся. Как часто мы говорим: «Ну ты же понимаешь, что я хочу сказать?» – в полном отчаянии от собственной неспособности передать словами то, что думаем и чувствуем. Впрочем, некоторым людям дано очень точно формулировать то, что большинство высказать не в силах: в их словах мы тотчас узнаем собственные неизъяснимые чувства.

Из этого следует два вывода. Во-первых, эмоции не слишком связаны с мышлением и с теми участками мозга, которые отвечают за язык. Ими ведают правое полушарие мозга, ответственное за наши иррациональные, животные реакции. Языковые же способности, согласно мнению большинства ученых, базируются по большей части в левом полушарии мозга, и связи между обоими центрами далеко не столь развиты, как нам бы хотелось. Похоже, влюбленность порождается глубоко встроенными в нас эмоциональными механизмами, которые никак не могли возникнуть под воздействием прочитанных романчиков. Скорее речь идет о неких очень древних структурах, возможно, унаследованных от далеких предков и сложившихся задолго до появления языка. Второй же вывод состоит в том, что теперь понятно, почему мы должны с особым почтением относиться к поэтам. Эти редкие личности (я думаю, сложно поспорить с тем, что способность писать хорошие стихи действительно уникальна), – по-видимому, наделены умением оценивать собственные правополушарные эмоции левополушарным мыслительным аппаратом – и выражать бурю чувств при помощи слов.

Это в самом деле удивительное, исключительное умение, и человечество не даром чтит поэтов. Однако оно лишь подтверждает тот факт, что большинство людей, как правило, не умеет объяснить того, что творится у нас в душе. Мы ощущаем свои эмоции, но далеко не всегда их осознаём. Проблема состоит в том, что нам очень трудно пробиться сквозь поверхностный слой и понять, что происходит на самом деле. Эта проблема обрекала на неудачу все попытки проанализировать романтические отношения – да и все остальные виды отношений тоже – при помощи научных методов. Посмотрим, получится ли это у нас.

* * *

В этой книге мы попытаемся разобраться, что же именно делает романтические отношения такими, какие они есть. В следующих главах мы рассмотрим как нейробиологическую, так и психологическую сторону этих отношений, постараемся понять, чем романтическая привязанность отличается от других привязанностей, и попробуем прояснить некоторые их эволюционные истоки. Итак, начнем с нейробиологической причины той бури чувств, которая поднимается в душе человека, когда он влюбляется.

2

Нелепо, смешно, безрассудно...

*Поцелуй – и до могилы
Мы простимся, друг мой милый.
Ропот сердца отовсюду
Посылать тебе я буду.*
Роберт Бернс. Прощальный поцелуй⁷

Поэты говорят о любви как о боли или муке – это возбуждение, окрашенное горечью,

⁷ Перевод С. Я. Маршака.

томление по несбыточному. Что же порождает столь неординарное чувство? И почему оно так часто застаёт нас врасплох? Один из возможных ответов, который так взбудоражил неврологов несколько лет назад, основывался на роли нейрогормона окситоцина. Изначальная биологическая функция этого гормона заключалась в регулировании водного баланса, но позднее, в ходе эволюции млекопитающих, он оказался вовлечен в процессы, связанные с размножением, включая рождение и лактацию. Несложно понять, почему химический реагент, связанный с управлением водным балансом внутри организма, оказался втянут в процесс лактации. Грудное вскармливание напрямую связано с водным балансом: воду, входящую в состав молока, необходимо возмещать, чтобы у кормящей матери не наступало обезвоживание. Ну а отсюда, пожалуй, уже совсем маленький шаг до ключевой предпосылки лактации – а именно для родового процесса. Это, кстати, очередной пример того, как эволюция берет элемент, развившийся для выполнения одной функции, и приспособливает его для совсем другой, порой имеющей к первой весьма отдаленное отношение.

Сенсационные свойства окситоцина обнаружили в начале 1990-х годов в ходе наблюдений над небольшой популяцией североамериканских полевок – мелких мышевидных грызунов, строящих норы и обитающих в густом подлеске. Главное открытие состояло в том, что самки двух подвидов полевок, система парных отношений внутри которых существенно различалась, также обнаруживали заметные отличия в количестве рецепторных клеток в мозгу, отвечавших за окситоцин. Хотя мозг у обоих видов вырабатывал одинаковое количество окситоцина, один из видов, похоже, был гораздо более восприимчив к этому гормону, чем другой. И как раз этот вид – желтобрюхая полевка – оказался моногамным (что у таких мелких млекопитающих встречается крайне редко): после спаривания самец остается вместе с самкой до тех пор, пока детеныши не перестают сосать мать, а это происходит через сорок пять дней. А вот горные полевки, самки которых менее восприимчивы к окситоцину, спариваются беспорядочно, и самец после спаривания с самкой не остается. Из чего был сделан, пожалуй, чересчур банальный вывод: стало быть, именно окситоцин отвечает за брачное поведение. И вот уже бульварная пресса окрестила его «гормоном моногамии» или даже «гормоном объятий», потому что он заставляет обычно агрессивных полевок тесно прижиматься друг к другу в норке. Иными словами, окситоцин, по-видимому, делает самку желтобрюхой полевки терпимее к постоянному близкому присутствию самца, с которым она спарилась, – в такой степени, что ему позволено жить у нее в норе. Вот это да! Оказывается, вся загадка объясняется одним-единственным нехитрым химическим процессом! Во всяком случае, многим так казалось.

Гормоны любви?

Изначально массовый интерес к окситоцину вызвало открытие, что этот гормон в больших количествах выбрасывается в организм при спаривании – в особенности во время оргазма у женщин. Зная о роли окситоцина в регуляции родов и грудного вскармливания, пожалуй, можно уже не слишком удивляться тому, что он же причастен к женскому оргазму. Его выброс во время оргазма совпадает с активной механической стимуляцией как верхней части туловища (особенно груди), так и половых путей, так что, возможно, перед нами тот же самый процесс, который приводит к выработке окситоцина во время родов и вскармливания грудью. Как бы то ни было, тот факт, что окситоцин выбрасывается вследствие оргазма, вероятно, объясняет, почему при этом возникают многие из тех ощущений и эмоций, которые сопровождают процесс родов и кормления. Такая явная связь с сексом конечно же породила вопросы: а каким образом задействован этот гормон в других процессах, сопутствующих романтическому поведению и брачным отношениям? Если окситоцин отвечает за парные связи, тогда, быть может, его задача – просто укрепить ту связь, которая уже существует в настоящий момент: в первом случае – с ребенком, во втором – с половым партнером? В таком случае это – дешевый химический трюк, позволяющий преодолеть природную систему

самозащиты. Сколь бы вы ни были благоразумны, гормон просто лупит вам по мозгам и отключает способность рассуждать.

На крыс большие дозы окситоцина производят успокаивающий эффект: в частности, понижается кровяное давление и уменьшается двигательная активность. Физическая стимуляция при грудном кормлении (которая приводит к выбросу окситоцина) тоже оказывает антистрессовый эффект; есть указания и на то, что окситоцин вообще связан с физическими прикосновениями: при поглаживании крысы по брюху у нее повышается уровень окситоцина, что оказывает анальгетическое действие – снижается порог болевой чувствительности. Сходным образом самки мышей с дефицитом окситоцина, попадая в незнакомую обстановку, выказывают большее беспокойство и обнаруживают более высокий уровень психологического стресса, чем генетически нормальные мыши. Эти симптомы можно облегчить впрыскиванием окситоцина прямо в мозг крысы. Любопытно, что подобный же эффект наблюдается и у женщин: чем чаще они обнимаются с партнером, тем выше уровень окситоцина и ниже кровяное давление (что указывает на более спокойное состояние и снижение стресса) в стрессовых ситуациях. Кроме того, у женщин выброс окситоцина сразу после естественных родов сопровождается личностными изменениями: новоиспеченная мать становится гораздо спокойнее, общительнее и (пожалуй, в той же степени) терпимее к однообразию. Кажется даже, что окситоцин каким-то таинственным образом участвует в процессах установления обычных межличностных связей. Но что бы в этом случае ни служило медиатором (тут могут быть задействованы и другие нейрогормоны, о чем я расскажу ниже), похоже, обниматься в любом случае полезно. Эксперимент показал: чем чаще пара обнимается, тем ниже у нее уровень кортизола – «гормона стресса», причем результат объятий сказывается в тот же день.

Готовность животного разделить свою нору с партнером означает доверие: самка не опасается, что самец может убить ее детенышей (а за полевками такое водится) или напасть на нее саму. Так что никого особенно не удивило, когда выяснилось, что окситоцин играет определенную роль и в установлении доверительных отношений между людьми: если дать человеку понюхать окситоцин, он проявляет больше великодушия к другим. Участникам эксперимента предложили сыграть в «Доверие». По условиям игры одному игроку выдается некоторая сумма денег, а затем он должен на свое усмотрение отдать ее второму игроку целиком, поделиться частью или вовсе ничего ему не давать. Сумма, переданная второму игроку, независимо от ее величины, удваивается, после чего второму игроку предлагается поделиться ею с первым – отдать ее целиком либо не давать ничего. Получается, что наилучшая стратегия для первого игрока – передать всю сумму второму. В том случае, если второй игрок окажется честным и поделится выросшей суммой с первым игроком, они оба останутся в максимальном выигрыше. Но существует риск, что второй игрок прикарманит всю кассу и сбежит. В этом случае игрок номер два получает двойной куш, а игрок номер один остается с носом. Поэтому большинство предпочитает страховаться от полного проигрыша и отдает второму игроку лишь часть всей суммы, оставляя другую часть себе – хоть что-то, да останется.

Однако когда игрокам давали понюхать окситоцин, это решительно меняло дело: получившие дозу окситоцина отдавали партнеру в среднем на 17 % больше денег, чем те, что понюхали плацебо. Но почему же это позволяет нам говорить именно о доверии? Дело в том, что при повторном эксперименте, когда второго игрока заменил компьютер (подбирающий «решения» в произвольном порядке), разница между воздействием окситоцина и плацебо на первого (знающего, что он играет с машиной) не проявлялась никак. Иными словами, в первом эксперименте игрок не только считался с вероятностными рисками, но и делал поправку на человеческое коварство и вероломство.

Другое исследование показало, что окситоцин увеличивает способность человека правильно считывать социально значимую информацию по глазам. Однако улучшение этого показателя составило ничтожных 3 % и наблюдалось только у двух третей участников. К тому же проверявшиеся навыки были, пожалуй, не слишком социально важными:

требовалось определить по глазам другого человека, куда он смотрит – прямо на вас или в сторону. И хотя такой эксперимент – неплохая проверка на аутизм (практическое отсутствие навыков социального взаимодействия), но как тест на способность нормальных людей считывать социально значимую информацию и «читать чужие мысли» он, на мой взгляд, не оптимален. Ведь непонятно, о чем говорят его результаты на самом деле. Куда убедительнее выглядят данные, полученные в ходе другого исследования, проводившегося той же командой ученых: что окситоцин снижает активность мозжечковых миндалин у мужчин во время рассматривания ими фотографий лиц, отражающих сильные эмоции. Данные области мозга участвуют в формировании негативных эмоций (страха, тревоги, гнева), поэтому кажется вполне логичным – памятуя о действии окситоцина на женщин, – что гормон смягчает негативные реакции и у мужчин.

Хотя окситоцин присутствует и в мозгу мужчин, действует он там, похоже, не столь радикально, как у женщин. Зато опыты, проведенные на полевках, позволяют предположить, что самцы более восприимчивы к другому, похожему нейрогормону – вазопрессину. У самцов моногамной желтобрюхой полевки имеется больше рецепторов вазопрессина в вентральном палеостриатуме (отделе древней лимбической системы головного мозга, ответственном в том числе за наши эмоции), тогда как у неразборчивых в связях горных полевок таких рецепторов заметно меньше. Примечательно, что если посредством так называемого вирусного вектора – специальной молекулы, передающей генетическую информацию, – изменить количество рецепторов вазопрессина в вентральном палеостриатуме, то это напрямую скажется на привязанности самца полевки к самке вне брачного периода. Сходным образом вирусный перенос генов вазопрессина в вентральный передний мозг самцов луговой полевки (еще одного вида, у которого наблюдается промискуитет) приводил к тому, что они заметно чаще оставались рядом с самкой и прижимались к ней (то есть демонстрировали поведение, типичное для брачных отношений). Было сделано и еще одно любопытное наблюдение: вазопрессин, похоже, играет важную роль в социальной памяти самцов полевок. Они лучше запоминали, с кем спаривались и оставались в предыдущий раз, когда им впрыскивали дозу вазопрессина.

Поскольку почти все опыты с окситоцином и вазопрессином проводились на грызунах, неизбежно встает щекотливый вопрос: насколько корректны параллели между ними и людьми? Социальное поведение предковых форм млекопитающих (в том числе грызунов) и предшественников приматов существенно различается. Впрочем, недавние эксперименты на обезьянах выявили сходные закономерности. Оказалось, у самцов обезьяны-прыгуна при первом спаривании с новой самкой активируются два участка мозга, чувствительных к окситоцину и вазопрессино (соответственно прилежащее ядро и вентральный палеостриатум). Кроме того, некоторые данные указывают на определенную роль вазопрессина и в поведении человека. Эксперимент, охвативший несколько сотен шведских близнецов, показал, что мужчины, у которых имелся особый (и сравнительно редкий) вид гена вазопрессинового рецептора, как правило, оказывались плохими партнерами в любовных отношениях. Они получали более низкую оценку со стороны своих партнерш, и им чаще грозил развод – несмотря на то что все участники эксперимента прожили с партнершей не меньше пяти лет и имели от нее хотя бы одного ребенка. Исследователи заключили, что им удалось найти «брачный ген» у мужчин.

Поначалу все выглядело очень стройно. Элементарный нейроэндокринный механизм – вот и все, что нужно, чтобы переключить вид с одного типа брачного поведения на другой. И тот же механизм вроде бы способен превратить злых донжуанов в нежных и верных спутников жизни. То есть один укол вазопрессина в местной поликлинике – и ваш беспутный муженек превратится в домовитого романтика, готового ради вас на все на свете. Увы, в биологии все не так просто. Дело в том, что у полевок ген вазопрессинового рецептора, предположительно отвечающий за моногамию, никак с ней не коррелирует. Исследования показали, что он встречается практически у всех видов полевок, чей геном удалось расшифровать, независимо от того, является ли этот вид моногамным или полигамным (а из

155 видов полевок полигамны лишь несколько). Иными словами, необычно вовсе не наличие гена вазопрессинового рецептора у моногамных видов, а то, что он отсутствует не у всех полигамных видов. То есть ученые явно поторопились с выводами.

Выяснились и другие моменты. Например, что действие пресловутого механизма по превращении гуляки в семьянина очень непродолжительно. Уже упоминавшиеся наблюдения над обезьянами-прыгунами показали, что вазопрессин действует только на «новобрачных» самцов: те же, что состояли в паре давно, вели себя так же, как «холостяки». Сходные результаты были получены при изучении роли окситоцина в поведении морских свинок: окситоциновый эффект улетучивался уже через пару недель. Конечно, для полевок и морских свинок – видов с непродолжительными брачными связями – и этого вполне достаточно. Но как объяснить более длительные парные отношения, присущие, например, обезьянам и людям? Напрашивается вывод, что окситоцино-вазопрессиновый механизм – просто система удержания внимания самца: сосредоточься *вот на этой*, пока можешь. Однако его действие заканчивается очень быстро. Эксперимент со шведскими близнецами при более критическом рассмотрении тоже вызывает сомнения. Представляется, что вариант гена вазопрессинового рецептора, присущего неверным мужьям, просто влияет на склонность к опрометчивым поступкам или рискованным действиям без просчета последствий. В четвертой главе мы еще поговорим о том, что готовность идти на риск – это преимущественно мужское качество и что подобные авантюристы порой очень привлекательны для женщин как случайные половые партнеры. Возможно, столь явное разделение на тех, кто может вступать в длительные связи, и тех, кто на них не способен, связано не столько с мужской брачной стратегией, сколько со свойствами самих брачных отношений.

Стоит немного абстрагироваться от этой окситоцино-вазопрессиновой истории, как мы заметим еще одну странность. Зачем вообще понадобились столь непохожие брачные механизмы для каждого из полов? Ведь в этом нет ни эволюционного, ни биологического смысла. Коль скоро у обоих полов вырабатывается и окситоцин, и вазопрессин, почему было бы не запустить для них одинаковый нейроэндокринный механизм? Будь брачные отношения обусловлены только им, физиология брачной игры у полов различалась бы кардинально, равно как и сопутствующий этому эмоциональный фон. Не исключено, что в этом есть доля правды: в конце концов, мы же не можем залезть другому человеку в голову или ощутить чужие чувства, а ведь мужчины и женщины часто жалуются, что не могут понять друг друга (не зря говорят: мужчины – с Марса, а женщины – с Венеры). Тем не менее эмоциональные и поведенческие различия между полами отнюдь не столь велики, чтобы безоговорочно принять нейроэндокринную теорию.

Все куда сложнее

На самом деле образование пар происходит благодаря участию ряда других нейромедиаторов, обретающихся в мозгу. Один из них – дофамин. Он, в частности, отвечает за плавность и ловкость движений: когда клетки перестают производить дофамин, у человека развивается паркинсонизм – нарушение координации, утрата контроля над движением конечностей, шаткость походки и так далее. И этот же гормон, похоже, играет важную роль в системе химического вознаграждения. По-видимому, каждый раз, когда мы видим своего возлюбленного, мы получаем заряд дофамина, сходный по действию с дозой кокаина. Снижение уровня дофамина, особенно в лобных долях, оказывает угнетающее действие на внимание и память, а хронически низкий уровень дофамина в лобных долях часто сопровождается синдромом дефицита внимания и неспособностью сосредоточиться – фактически речь идет о той самой социальной безответственности, которая наблюдалась у шведских мужчин-близнецов с необычным геном вазопрессинового рецептора. Так что когда при первой встрече вас словно током ударяет, это работает именно дофамин.

Еще одна потенциально важная группа нейромедиаторов, по-видимому участвующих в установлении социальных связей, – это эндорфины. Эндорфины являются частью системы,

контролирующей боль; они вырабатываются главным образом в гипоталамусе, а соответствующие рецепторы рассредоточены по всему мозгу. Выброс эндорфинов в мозгу происходит в ответ на любой стресс. Что бы ни вызывало боль или напряжение в мышцах – мозг отвечает выбросом эндорфинов, причем это происходит при любых нагрузках, от пробежки трусцой до полного круга гимнастических тренировок и марафонского забега. Даже психологическая травма или ожидание боли приводит к выбросу эндорфинов. Их уровень резко возрастает у марафонцев в преддверии соревнований и у женщин с приближением родов. Все больше данных, что именно эндорфины отвечают за обезболивающее и расслабляющее действие объятий, а вовсе не окситоцин, как полагали раньше, – судя по тому, что антагонисты опиатов вроде налтрексона блокируют такой эффект, а антагонисты окситоцина – нет. Зато окситоцин, похоже, запускает выброс эндорфинов, провоцируя нейрогормональный каскад.

Обезьянам (в том числе человекообразным) свойственен так называемый социальный груминг. Когда они ищутся друг у друга в шерстке, происходит своего рода массаж. Принято было считать, что груминг призван прежде всего помочь избавиться от блох. Однако в природных условиях паразиты не так уж и донимают животных: эта напасть преследует только тех, кто обитает в ограниченном пространстве (как мы, например) или носит защитный слой теплой нарядной одежды (и это опять про нас). Обезьяны же удаляют из шерстки друг друга кусочки листьев или веток, струпья от болячек и отслоившийся эпителий. Обычно груминг сопровождается легким поглаживанием и почесыванием кожи. Нечто подобное можно наблюдать и у людей, когда мамы ерошат волосы малышам. Собственно говоря, это и есть массаж, и в ответ на легкий стресс, который испытывают кожа и мышцы, мозг отвечает выбросом эндорфинов.

Да мы и сами занимаемся тем же самым, просто называем это иначе: мы обнимаем и ласкаем друг друга. Для нас, как и для обезьян, такое занятие – очень интимное, поэтому обычно мы обнимаемся и обмениваемся ласками только с избранными: с собственными детьми, возлюбленными и самыми близкими друзьями. Чрезмерное поглаживание и массажирование постороннего человека может вызвать нежелательный сексуальный отклик – отчасти, возможно, вследствие ощущения близости, порождаемого выбросом эндорфинов при механической стимуляции кожи. Поэтому мы приберегаем данный механизм для более уместного (на наш взгляд) употребления – для самых близких. Однако прежде чем войти с кем-либо в подобную специфическую близость, мы должны перешагнуть через окружающую нас пропасть – сократить личную дистанцию, отделяющую нас от других. Обезьяны устанавливают близкие отношения постепенно, с помощью целого ряда шагов: знакомятся, трогают друг друга, залезают друг на друга без сексуальных намерений (залезая на животное своего пола, обезьяна еще и демонстрирует доминирование) и лишь потом приступают к грумингу. Роль эндорфинов наглядно продемонстрировал эксперимент, при котором у женщин, состоявших в длительных отношениях, при виде фотографии партнера повышался болевой порог (свидетельство резкого выброса эндорфинов), а когда они смотрели на фотографию чужого мужчины или каструли, ничего такого не происходило; точно такой же эффект давало прикосновение через ширму к руке партнера (в отличие от прикосновения к руке незнакомого мужчины и просто к мячику).

Если резкое повышение уровня окситоцина случается у всех млекопитающих, от полевок до людей, то участие эндорфинов в поддержании длительных близких отношений свойственно, похоже, только приматам. Возможно, потому что высокий уровень окситоцина (не исключено, что и дофамина) держится совсем недолго и его воздействие проходит через неделю, максимум через две. Для полевок это не так уж важно – ведь у них очень короткий репродуктивный цикл, да и продолжительность жизни – три-четыре месяца, изредка год. Но, как мы увидим в следующей главе, обезьяны уже в самом начале своего эволюционного пути выработали новую, более устойчивую систему социальных связей. Для их поддержания скорее всего потребовался более мощный механизм, и можно предположить, что химической основой для нового типа взаимоотношений послужил механизм выброса эндорфинов.

Впрочем, к эндорфиновому механизму еще надо подобраться. Обезьянам в этом смысле проще, они живут относительно небольшими стаями – в отличие от наших сообществ, где далеко не все вообще знакомы. Во многом нам помогло появление языка и речи. Однако разговор – штука слишком прикладная и будничная, для выстраивания близких отношений его маловато. И мы изобрели смех – похоже, именно чтобы перекинуть мостик через бездну, окружающую каждого из нас, потому что смех оказался сильнейшим стимулом для выработки эндорфинов. Смех обладает более широким действием по сравнению с грумингом, ведь он одновременно и одинаково охватывает всех собеседников, сколько бы их ни было, тогда как физический контакт – дело интимное и тонкое. Смех же дает нам более безопасную и надежную эндорфиновую разрядку.

Смех – лучшее лекарство

Смех – вот вокруг чего вращается наш мир. Разговор, полностью лишенный юмора, кажется нам скучным, мы стараемся побыстрее закруглить его и найти другого собеседника. Хотя способность смеяться свойственна и человекообразным обезьянам (и происходит из игрового поведения), только люди отвели ей главную роль в общении друг с другом. Мои коллеги Татьяна Влаховиц и Сэм Робертс в ходе недавно завершеного исследования коммуникативной роли смеха выяснили, что после общения, в течение которого людям удалось хоть немного посмеяться, уровень счастья значительно выше, чем после абсолютно серьезного акта коммуникации. Присутствие смеха (пускай даже в символической форме – в виде акронима LOL⁸ или эмоджикона-смайлика) гораздо больше влияет на наше ощущение счастья после общения, чем продолжительность самого общения – причем не важно, непосредственного, по телефону, СМС или электронной почте. Удивительно, но даже простое LOL в СМС способно повысить показатель уровня счастья от общения примерно на 30 %.

Важным элементом здесь является искренний, или дюшенновский, смех, названный так в честь великого французского нейроанатома XIX века Дюшенна, исследовавшего мышечные механизмы человеческой мимики. Следует иметь в виду разницу между искренним и «вежливым», контролируемым смехом, у которого гораздо больше общего с нервными ухмылками и с теми оскаленными гримасами подчинения, какие можно наблюдать у обезьян. Дюшенновский смех – сердечный, успокаивающий, после него остается чувство, что на свете все хорошо. Такой вид смеха – особенно действенное средство для выработки эндорфинов: сотрясение грудной клетки и живота задает мышцам такую работу, что мозг просто вынужден выбрасывать эндорфины, чтобы противодействовать стрессу. Недаром есть выражение «смеяться до колик». Легкое наркотическое опьянение от заразительного смеха – не просто вознаграждение: оно заставляет чувствовать большее доверие и проявлять большее великодушие по отношению к тем, с кем мы смеемся. Действительно, один из наших экспериментов показал, что совместный смех настолько располагает нас к незнакомцам, что мы начинаем относиться к ним так же великодушно, как к друзьям.

Я подозреваю, что смех имеет очень древнее происхождение – не в последнюю очередь потому, что он свойственен и другим высшим приматам. Однако человеческий смех отличается от обезьяньего тем, что состоит из гораздо более длинной серии выдохов, не перемежающихся вдохами: именно поэтому смех порой бывает таким изнурительным. А еще наш смех имеет более выраженный социальный характер, чем у обезьян, для которых такие эпизоды – чаще всего короткие и мимолетные. Человеческий смех больше походит на хоровое пение без слов, и у меня даже есть предположение, что он и зародился как пение, подкрепляющее коллективный груминг. А с развитием языка мы обрели новый отличный

⁸ Для тех, кто не знает: LOL – это акроним, расшифровывающийся как Laugh Out Loud («Громко смеюсь»), широко принятый сейчас в СМС и на чат-форумах. Старшее поколение, больше привыкшее писать обычные письма, возможно, полагает, что за этим сокращением скрывается фраза Lots of Love («Море любви»).

механизм, позволяющий вызвать смех, а вслед за ним и выработку эндорфинов: шутку.

Известно, что анализ на эндорфины – дело очень хлопотное и рискованное, потому что они (в отличие от окситоцина и дофамина) не могут преодолеть гематоэнцефалический барьер, так что их уровень невозможно измерить простым забором крови. Нужна или люмбальная пункция (поясничный прокол), чтобы получить спинномозговую жидкость из позвоночного столба (это далеко не самая приятная и безопасная операция, потому что примерно у 30 % пациентов, которым делают поясничный прокол, проявляются те или иные побочные эффекты⁹), или исследование мозга, известное под названием ПЭТ (позитронно-эмиссионная томография). При ПЭТ в кровоток вводится радиоактивная краска, и, помимо всех сопутствующих рисков, которые это неизбежно влечет, такое исследование еще и очень дорогостоящее, так что второй вариант ненамного лучше первого. Самый простой альтернативный способ диагностировать уровень эндорфинов – это воспользоваться тем фактом, что они задействованы в механизме снятия боли, и проверить уровень болевого порога. Если после того или иного занятия болевой порог у человека окажется выше, чем был до этого, – значит, произошел выброс эндорфинов.

Для изучения взаимосвязи между смехом и эндорфинами в различных обстоятельствах мы пользовались как раз болевым порогом. В большинстве случаев испытуемые смотрели либо видеозаписи выступлений юмористов, либо скучные документальные фильмы (типа «Как научиться хорошо играть в гольф»), а до и после просмотра у них измеряли болевой порог. После просмотра юмористических передач порог у испытуемых неизменно повышался, а после скучных фильмов оставался прежним (а в ряде случаев – даже снижался). Одна из моих студенток, Ребекка Барон, проводила опыты на Эдинбургском фестивале искусств «Фриндж», где выступали юмористы и разыгрывались короткие драматические спектакли. И снова выяснилось, что комедийные номера повышают болевой порог, а театральные представления (в которых не было ничего смешного) – нет.

Итак, смех играет очень важную роль в управлении нашими социальными отношениями, причем происходит это за счет его способности вызывать выброс эндорфинов. Благодаря им мы испытываем расположение и симпатию к тем, с кем нам удалось хорошо повеселиться. И можно не сомневаться, что именно поэтому смех занял существенное место в процессах ухаживания. Благодаря эйфории, вызываемой эндорфинами, смех внушает нам доверие к недавнему незнакомцу, а это позволяет узнать его поближе. Постепенно, шаг за шагом, увлекаемые непрерывным потоком юмора и острот, забавных словечек и шутливых замечаний, мы поневоле попадаем в расставленные сети.

Сладкий запах успеха

С установлением близких отношений наше здравомыслие становится уязвимо для еще более дешевых химических фокусов. Например, запаха. Недаром парфюмерная промышленность ежегодно зарабатывает миллиарды. Наши предпочтения в этой области очень индивидуальны: те ароматы, которыми нам нравится душиться, похоже, напрямую связаны с естественными запахами нашего тела. Иными словами, мы выбираем духи, которые усиливают наш естественный запах, а не те, что его «забивают». Потому-то так трудно купить духи в подарок человеку, которого мы не слишком хорошо знаем. Как бы то ни было, отличный способ определить, подходит ли нам партнер, – это приблизиться к нему настолько, чтобы ощутить его запах.

Но прежде чем углубиться в тему, я хочу рассказать одну поучительную историю. Если чем и знамениты эскимосы, так это тем, что при встрече они трутся носами, вместо того чтобы пожимать друг другу руки. Но увы – это лишь очередная байка. Европейцы, впервые

⁹ Кроме всего прочего, при этом берется довольно толстая игла (чтобы она не сломалась о хрящ) и вводится в путь, ведущий прямоком в мозг. Таким образом, ничего не стоит занести в мозг инфекцию – поэтому подобный риск без достаточных оснований неприемлем, даже в интересах науки.

обнаружившие эскимосов, очень удивились такому странному ритуалу и, пытаясь истолковать его, решили, что эскимосы трутся носами. На самом деле – ничего подобного: они просто приближают носы к лицу друг друга и делают глубокий вдох. Точно так же поступают маори – аборигены Новой Зеландии: у них подобное обнюхивание называется *хонги*. Правда, в их случае происходит и легкое соприкосновение носами, символизирующее единение хозяина и гостя. Однако смысл обычая – в том, что человек вдыхает душу другого человека.

В обеих культурах происходит одно и то же: люди просто обнюхиваются и тем самым, по сути, идентифицируют друг друга. Если вдуматься, это не сильно отличается от южноевропейского обычая приветствовать друзей и знакомых, чмокая воздух рядом с их щекой. В последние десятилетия такие поцелуи сделались на юге почти повсеместными, а мы, северные европейцы, так привыкли к настоящим быстрым поцелуям в щеку, что постоянно делаем промах: пытаемся коснуться губами щеки знакомых, тогда как нам следует просто сделать глубокий вдох. Другая ситуация, еще более наглядная, – это манера взрослых здороваться с маленькими детьми. При случае обратите внимание на то, как люди ведут себя, когда впервые видят малыша, особенно если они родственники. Обычно они подносят ребенка лицом или грудью к своему носу – чтобы вдохнуть его запах, не слишком это демонстрируя. А некоторые вообще обнюхивают детей не таясь. Я слышал от многих, что им просто нравится запах младенцев. Ага, как же! Нет, голубчики, вы просто хотите узнать, как пахнет именно этот малыш.

Другая история, связанная со знаменитым Чингисханом, иллюстрирует коммуникативную роль запаха еще нагляднее. В «Сокровенном сказании монголов», написанном в XIII веке, рассказывается о том, как однажды отец Чингисхана, Есугей-баатур, встретил на соколиной охоте возок, в котором ехала молодая женщина в сопровождении мужа. По одежде Есугей опознал в них меркитов – представителей другого монгольского рода. Взглянув на молодую женщину, Есугей поразился ее красоте. Он отправился за подмогой, а потом бросился в погоню, собираясь захватить красавицу в плен. Женщина, которую звали Оэлун, стала умолять мужа, Еке-Чиледу, спасти себе жизнь бегством. Он послушался ее, и тогда она сорвала с себя сорочку и бросила ему, крикнув: «Вот, помни мой запах, пока ты жив!» Ему удалось бежать, и она больше никогда не видела его, потому что стала женой Есугея, а вскоре – матерью Тэмуджина, будущего Чингисхана.

Несмотря на нашу нелюбовь к обнюхиваниям и на значительное уменьшение обонятельного поля в нашем мозгу (по всяком случае, по сравнению с собаками и лошадьми), на самом деле мы на удивление восприимчивы к запахам. Новорожденные младенцы и их матери способны узнавать друг друга по одному только запаху уже через несколько часов после родов – и это одна из причин, почему мы сегодня следим за тем, чтобы ребенка сразу же после рождения прикладывали к груди матери. Такая способность роднит нас с большинством млекопитающих. У овец и коз матери узнают своих новорожденных детенышей по запаху через сутки, а через несколько дней уже не подпустят к вымени чужого детеныша. Сами ягнята и козлята тоже научаются находить в стаде родную мать, хотя им это, разумеется, дается несколько труднее: пара дней уходит у них на то, чтобы усвоить материнский запах.

На самом деле запах – один из лучших индикаторов того, кто вы есть на самом деле. Объясняется это тем, что запах определяется тем же самым набором генов – главным комплексом гистосовместимости (ГКГ), – что и иммунная система. Это просто часть вас, ваш химический «автограф». Генный комплекс ГКГ особенно подвержен мутациям: в каждом новом поколении появляются новые иммунные комплексы. Наверное, это и неплохо – ведь они служат нашей первой линией обороны от бактерий и вирусов, которые тоже претерпевают постоянные генетические изменения. Гены нашей иммунной системы как раз и выработали эту изменчивость, чтобы защищать нас от меняющихся биологических угроз.

Так что запах – это один из способов выяснить, с кем стоит связываться, а с кем нет; но это не единственная коммуникативная функция запаха. Как известно, самки бабочек

выделяют молекулы, обладающие невероятно мощным запахом. Он улавливается самцами в минимальных концентрациях на расстоянии сотен метров и неодолимо влечет их к самке. Такие вещества-аттрактанты получили название феромонов. Они довольно широко распространены в животном царстве и отмечены даже у обезьян. Есть ли феромоны у человека – вопрос спорный, но многое указывает на то, что есть.

При этом восприимчивость к запахам у разных полов неодинакова: женщины к ним гораздо чувствительнее, чем мужчины. Сейчас накопилось уже достаточно свидетельств того, что женщины, например, прекрасно узнают своих детей и возлюбленных по одному только запаху. Впрочем, следует оговориться, что механизм этот у людей далек от совершенства и, пожалуй, даже хорошо, что в своем общественном поведении мы ориентируемся не на обоняние, а на зрение: иначе мы совершали бы множество нелепых ошибок и постоянно попадали в неловкое положение. Однако похоже на то, что уникальный запах партнера вызывает у женщин сексуальное возбуждение (в отличие от мужчин). Возможно, поэтому женщины гораздо чаще, чем мужчины, называют запах важным фактором в выборе пары, тогда как мужчины больше полагаются на зрительные подсказки. Соответственно мужчины способны сделать выбор, оставаясь при этом на большем расстоянии от объекта внимания, чем женщины. Женщинам нужно обязательно приблизиться к потенциальному партнеру, чтобы принять решение. По результатам подробного анкетирования Ян Хавличек, Тамсин Сакстон, Крейг Робертс и их коллеги пришли к выводу, что женщины считают запах более важным фактором, чем внешний вид, не только в сексуальном контексте, но и в целом ряде ситуаций, никак не связанных с сексом (таких как выбор блюд и цветов или интерес к незнакомым пейзажам), а вот о мужчинах этого сказать нельзя. Для мужчин куда важнее внешность, особенно в том, что касается секса и выбора партнерши.

И все же. Несколько лет назад Кейт Уиллис, в ту пору моя студентка, провела эксперимент, чтобы установить, способны ли мужчины определить период овуляции у женщины по одному только запаху. Шесть участниц эксперимента надевали футболку три ночи подряд в течение каждой из четырех недель своего менструального цикла. В конце каждой недели восьмидесяти мужчинам, тоже принимавшим участие в опыте, предлагали оценить запах футболок по простой шкале – от самого приятного до самого неприятного. Для чистоты эксперимента женщины отбирались исключительно некурящие, и на время опыта их попросили избегать чрезмерно пряной пищи и не пользоваться сильно пахнущим мылом или духами, а также гормональными контрацептивами. Результаты оказались однозначными: запах футболок, в которых женщины спали в период овуляции, мужчины оценивали как гораздо более приятный, чем тех, которые надевались в другие периоды менструального цикла, а также чем запах футболок женщин в менопаузе или принимающих гормональные противозачаточные средства. Похоже, мужчины по каким-то причинам испытывают большую тягу к женщинам в период овуляции, а значит, способны этот период определить. Можно сказать, что в период овуляции женщины используют обонятельные сигналы для завлечения мужчин.

Подобный эффект, разумеется, имеет обоюдную направленность. Андростенон – один из гормонов группы стероидов, которые образуются как побочный продукт тестостерона, так называемого мужского гормона. Именно он определяет тот чуть мускусный запах, который свойствен мужчинам, а также вносит свой вклад в характерный аромат трюфелей. Скандальную известность получил эксперимент, проведенный тремя психологами – Густавсоном, Досоном и Бонеттом: они разбрызгали андростенон в половине кабинок мужского и женского отделения общественного туалета, а затем посчитали, как часто люди, у которых имелся свободный выбор (то есть ни одна кабинка не была занята), выбирали кабинки, обработанные андростенолом. Выяснилось, что мужчины стараются избегать таких кабинок: зайдя туда, они сразу же выходили и искали другие. Зато женщин кабинки, обработанные андростенолом, напротив, вполне устраивали (а может, даже привлекали) – во всяком случае, в них они заходили чаще. В следующий раз, когда те же кабинки обрызгали

похожим побочным продуктом тестостерона, который образуется в печени и выполняет совсем другие физиологические функции, ни мужчины, ни женщины не выказали никаких особых предпочтений.

В более усовершенствованном варианте этого эксперимента Тамсин Сакстон и ее коллеги из Ливерпульского университета наносили андростадиенон (другой гормон из того же семейства стероидов, производных от тестостерона) на верхнюю губу женщин, участвовавших в сеансах экспресс-знакомств. Если вы еще не знаете, что такое экспресс-знакомства (организованные встречи для очень занятых людей, которым некогда знакомиться и выбирать себе пару обычным путем), поясню, что на таких сеансах женщины рассаживаются за столиками, расставленными по кругу, а мужчины проводят с каждой из них по пять минут, сдвигаясь на следующее место по сигналу звонка. Под конец вечера каждый записывает имена тех людей, с которыми он или она хочет встретиться снова, а потом организаторы встречи дают им нужные контакты. В этом эксперименте андростадиенон замаскировали, смешав с гвоздичным маслом. Чтобы учесть воздействие других запахов, треть женщин получила дозу андростадиенона вместе с гвоздичным маслом, другой трети на губы нанесли просто гвоздичное масло, а оставшейся трети – обычную воду. Это позволило экспериментаторам разделить воздействие гвоздичного масла и самого андростадиенона. Результаты получились более чем убедительные. Женщины, получившие дозу андростадиенона, не только находили мужчин, с которыми они встретились на сеансе экспресс-знакомства, более привлекательными, чем женщины из двух других групп, но и выказывали более явно желание снова с ними увидеться. Значит, каким-то образом андростадиенон воздействует на глубинные механизмы мозга, заставляя увидеть неотесанного мордovorота симпатичным кавалером.

В ходе аналогичного эксперимента Ангелика Теодориду, Иэн Пентон-Воук и их коллеги давали испытуемым дозу окситоцина в виде назального спрея или плацебо, содержащее все ингредиенты спрея, кроме окситоцина. Затем им показали около восьмидесяти фотографий мужчин и женщин (в равной пропорции) с нейтральным выражением лица и попросили оценить их с точки зрения надежности и привлекательности. Участникам, получившим дозу окситоцина, люди на снимках показались надежнее и симпатичнее, чем тем, кому досталось плацебо. Кто сказал, что романтика умерла?

И это, наверное, объясняет, почему сильный запах духов или лосьона после бритья порой может вскружить нам голову.

Поцелуй – и...

Но хорошо пахнет только чисто вымытое тело. Чтобы заглушить этот естественный запах, не обязательно обливаться новинками от *Givenchy*: хватит и исконных, природных ароматов, сопровождающих нас большую часть нашей эволюционной истории, – наслоений грязи и бактерий. На такой случай есть вариант – подобраться еще ближе и попробовать это дело на вкус. Слюна млекопитающих содержит множество выделяемых телом соединений, и среди них не последнее по важности место занимает группа белков, известная как основные уроглобулины. Такое название они получили потому, что впервые их выделили в моче грызунов, у которых они, во-первых, служат опознавательным знаком, а во-вторых, регулируют территориальное поведение. Самки мышей способны отличить одного самца от другого исключительно благодаря разным уроглобулинам. Таким образом они узнают по запаху, на чью территорию собираются попасть, и могут выбрать из самцов самого лучшего. Впрочем, не все мышинные уроглобулины индивидуальны. Один из них одинаков для всех самцов и не встречается в моче самок. И именно он кажется самкам чрезвычайно привлекательным, так что, похоже, это какой-то мышинный феромон – запах, призванный привлекать представителей противоположного пола (вроде андростенола у людей). Поскольку этот конкретный глобулин действует на самок мышей так неотразимо, его назвали дарсином – в честь сердцееда мистера Дарси из романа Джейн Остен «Гордость и

предубеждение».

Фрейд, будучи, как известно, чрезвычайно заикленным на детских комплексах, придерживался мнения, будто поцелуи как-то связаны с воспоминаниями об удовольствии, с каким мы сосали грудь матери. Идея понятна, однако критики она не выдерживает. Ну сами посудите: если бы нами двигало желание вновь присосаться к материнской груди – почему бы тогда именно это и не сделать? Другую гипотезу выдвинули этологи: по их мнению, поцелуй – это форма «кормления», распространенного элемента брачного ритуала у насекомых и некоторых птиц. Но и эта версия не кажется слишком правдоподобной. Ритуальное кормление – исключительная привилегия самцов, которые предлагают кусочки пищи (иногда в оторгнутом виде, иногда нет) в качестве подарка потенциальным «невестам». Такой «пищевой подарок» может обеспечить самку необходимыми питательными веществами, чтобы снести яйца и вывести здоровое потомство. Самки судят о самце по величине его подношения. Но ведь в поцелуе ничего не передается, кроме небольшого количества слюны, – а этим женщина вряд ли сможет прокормиться. Кроме того, поцелуям с одинаковым пылом предаются представители обоих полов, тогда как настоящее брачное кормление происходит в строго одностороннем порядке. В любом случае, если уж говорить о снабжении пропитанием, то эта разновидность ухаживания нам тоже знакома: это и роскошные подарки, и просто денежные чеки, позволяющие оплатить квартирные счета и закупить все необходимое для ужина. А если мы хотим найти еще более точную аналогию пищевым подаркам, то достаточно вспомнить о коробках конфет, о букетах цветов и конечно же о приглашениях в ресторан. Нет, ритуальное кормление не имеет никакого отношения к поцелуям. Тут дело в чем-то другом.

Вероятно, назначение поцелуя в том, чтобы проверить здоровье и генетические характеристики потенциального партнера. Со здоровьем все понятно: о болезни может сигнализировать дурной запах изо рта и кислый вкус слюны, при поцелуе все это легко выясняется. В предыдущем разделе я уже говорил о значении иммунной системы, о стоящих за ней генах ГКГ и о том, как они связаны с индивидуальным запахом человека. Исследования, проведенные в целом ряде лабораторий, наводят на мысль о том, что при выборе партнера мы сравниваем его комплекс ГКГ с нашим собственным. Поскольку гены ГКГ определяют наши иммунные реакции, мы склонны предпочитать тех людей, у которых имеется другой набор генов ГКГ, – предположительно потому, что такой механизм позволяет нам производить потомство с более широким спектром иммунных реакций. Поэтому, поцеловавшись от души или хорошенько обнюхавшись, мы можем не только ощутить близость родства (у родственников обычно сходные запахи), но и понять, что партнер не принадлежит к родне, а потому может оказаться хорошей парой. В исследовании, охватившем сорок восемь влюбленных пар, женщины проявляли заметно больший сексуальный интерес к партнеру, с которым имели меньше общих аллелей ГКГ. По мере возрастания доли общих аллелей убывала сексуальная «отзывчивость» к партнеру и одновременно возрастало количество альтернативных половых партнеров, равно как и влечение к другим мужчинам.

То, что уроглобулины впервые были обнаружены в мышинной моче, – историческая случайность: там они присутствуют только потому, что грызуны метят ею территорию, а ученые, сделавшие это открытие, как раз изучали территориальное поведение животных. У многих других млекопитающих уроглобулины содержатся в слюне. Хотя у людей гены уроглобулинов отсутствуют, тем не менее в человеческой слюне содержится большое количество белков близкого семейства – всего их насчитали 1116. Большинство из них или защищает нас от токсинов и бактерий, канцерогенов и других ядов, или помогает переваривать пищу, расщепляя ее на усвояемые вещества. Около четверти этих белков содержится также в слезной жидкости. Причем этот набор белков у разных людей тоже очень разный, и хотя пока что никто не проявлял интереса к исследованию роли слюны в выборе партнера, тема, безусловно, многообещающая.

Не важно, какие гены тут задействованы – отвечающие за уроглобулины или ГКГ,

поцелуй (я, конечно, имею в виду настоящий поцелуй, а не легкое соприкосновение губ) предоставляет множество других сведений о потенциальном партнере, причем разница в оценке этих сведений у представителей разных полов весьма существенна. Результаты масштабного исследования, проведенного в Университете штата Нью-Йорк в Олбани, показали, что женщины (как и можно было ожидать, зная, что они обладают большей химической чувствительностью и гораздо чаще обращают внимание на вкус и запах) оценивают способность партнера целоваться, а тем самым и мужские качества партнера. Они также менее склонны заниматься с мужчиной сексом, если до этого не целовались с ним, и меньше, чем мужчины, склонны заниматься сексом с теми, с кем им не понравилось целоваться. Таким образом, при оценке качеств потенциального партнера женщины в большей степени полагаются на ощущения, испытанные от поцелуя.

Разумеется, поцелуи нужны не только для принятия решения о выборе пары – иначе после свадьбы мы бы больше не целовались. То же исследование показало, что поцелуй играет важную роль в механизме возбуждения, вызывая желание заняться сексом, особенно у женщин (вот одна из возможных причин, почему проститутки обычно отказываются целовать своих клиентов). Еще женщины гораздо меньше склонны целоваться перед соитием, если речь идет о кратковременных отношениях или если партнер больше заинтересован в сексе, а они – в длительных отношениях. Возможно, слюна содержит какие-то гормоны, которые вызывают сексуальное возбуждение, и – в таком случае – одна из дополнительных функций поцелуев может заключаться в том, чтобы облегчать передачу этих гормонов от одного пола к другому, чтобы оба партнера пришли в одинаковое состояние готовности к половому акту. При этом вполне возможно, что у разных полов поцелуи выполняют несколько различные функции: женщинам они помогают создавать социальные связи, а мужчинам – стимулировать сексуальное возбуждение у партнерши.

Разумеется, если в реальной жизни мы это осознаем, то лишь смутно. Что, наверное, правильно, потому что особо задумываться в подобных ситуациях не стоит: легко все испортить. «Считывание» всей нужной информации во время поцелуя происходит подсознательно. Так что, пожалуй, полное клиническое понимание протекающих процессов нам мало что даст. Лучше просто расслабиться и довериться природе...

* * *

В этой главе я рассматривал главным образом нейрохимические механизмы, которые стоят за нашими романтическими отношениями. Как именно мозг обрабатывает все эти сложные сигналы, до сих пор остается загадкой. Точно мы знаем одно: размеры нашего мозга напрямую обусловлены сложностью взаимосвязей между людьми. В следующей главе я обращусь именно к этой стороне дела. Мы попробуем понять, в какой мере устройство человеческого мозга предопределяет нашу моногамность.

3

Моногамный мозг

*Джон Андерсон, мой друг, Джон,
Подумай-ка, давно ль
Густой, крутой твой локон
Был черен, словно смоль.
Теперь ты стал не тот, Джон,
Ты знал немало вьюг.
Но будь ты счастлив, лысый Джон,
Джон Андерсон, мой друг!*
Роберт Бернс. Джон Андерсон¹⁰

¹⁰ Перевод С. Я. Маршака.

Хотя все мы прекрасно понимаем, что такое любовь, когда видим ее проявления или когда испытываем ее сами, определить ее нам почему-то очень трудно: недаром мы восхищаемся поэтами, которые способны передать словами то, что мы выразить не в состоянии. Наше затруднение объясняется тем, что обычно мы только чувствуем любовь, но не подвергаем ее анализу. При том что любовь – это самое важное в нашей жизни событие: она – залог нашего счастья в течение всей жизни (по крайней мере теоретически). На заре влюбленности, когда все видится радужным и безоблачным, нам кажется, что любовь будет длиться вечно. Некоторым и правда везет – они проходят весь жизненный путь вместе, рука об руку, пока, как принято говорить, смерть не разлучит их. Там не менее всем нам наверняка встречались люди, которые влюбляются по многу раз, но каждый их роман заканчивается неудачно. Почему же одни люди счастливы в любви, а другим никак не удается выбрать идеальную пару?

Даже те из нас, кто не жалеет времени и сил на размышления о том, стоит ли делать или принимать предложение руки и сердца, вряд ли перещеголяют Чарльза Дарвина, составившего длиннющий список доводов за и против женитьбы на своей кузине Эмме Веджвуд. И все же мы тратим немало времени, задаваясь вопросами, связанными с нашими любовными переживаниями. *Зачем он это сказал? Что она имела в виду? А что, если?..* Одно из преимуществ нашего мозга – в том, что он позволяет анализировать мотивы другого человека, оценивать возможную реакцию, размышлять о подоплеке того или иного поступка и даже время от времени пытаться понять, что движет нами самими (хотя о последнем, как подметил еще Фрейд, мы стараемся не слишком задумываться).

Мы способны на это только потому, что обладаем мозгом гораздо крупнее (в пропорции к телу), чем у любого другого животного. Да и в абсолютных размерах мозга мы – почти чемпионы (нас обошли только киты и слоны). Даже у гигантских динозавров мозг был меньше человеческого. Конечно, надо понимать, что размер – это только полдела. Хотя мозг у китов крупнее нашего, у них он устроен по-другому: нейронов в коре головного мозга – том внешнем пласте, где происходит все самое сложное, – у них на один слой меньше, что для интеллекта весьма существенно. Как бы то ни было, их мозг, как и наш, отвечает за общение. Наш мозг – своего рода полурациональный компьютер, форматирующий ту сугубо эмоциональную, порожденную нейроэндокринной системой составляющую, которую мы рассмотрели в прошлой главе.

Сколько стоит постоянство?

Производство и поддержание в рабочем состоянии крохотных нейронов обходятся организму очень дорого. Даже в состоянии покоя они тратят в среднем в десять раз больше энергии, чем остальные клетки организма, а когда мы активно думаем, они ее буквально сжигают. Поддержание нерва в состоянии готовности, чтобы он мог тут же включиться от сигнала другого нерва, – чрезвычайно дорогое удовольствие. К тому же после каждого обмена импульсами в нервных клетках приходится заменять нейромедиаторы. Обезьяны платят эту цену за возможность жить большими стаями. У каждого вида приматов средний размер социальной группы напрямую коррелирует с размером мозга представителей этого вида, а точнее, с величиной неокортекса («новой коры» головного мозга – наиболее «думающей» его части): чем большей группой живут особи данного вида, тем больше у них неокортекс. Когда мы с Сюзанной Шульц решили взять для сравнения с обезьянами (которые считаются самым умным – не считая человека – отрядом во всем животном царстве) представителей других отрядов млекопитающих и птиц, мы ожидали, что соотношение окажется тем же, что и у приматов: чем больше типичная численность стаи, тем крупнее мозг. К нашему удивлению – и поначалу даже к испугу, – все оказалось не так. Ни в одном из рассмотренных нами семейств млекопитающих или птиц не обнаружилось никакой связи

между размером мозга и численностью стаи. Напротив, выяснилось, что социальное устройство у видов, имеющих наиболее крупный мозг, – это постоянная пара. Такая картина наблюдалась в каждом из трех крупнейших отрядов млекопитающих, которые мы проанализировали: у хищных, копытных и рукокрылых, – а также у птиц.

Вначале тот факт, что именно у моногамных видов оказался самый большой мозг, нас очень озадачил. Мы предполагали, что для поддержания множества связей, которые существуют у каждой особи в полигамной системе или при промискуитете, требуется гораздо больше мозговых усилий. Как-никак, самцы не только спариваются сразу со многими самками, но и держат оборону от всех остальных самцов-соперников внутри сообщества; поэтому логично предположить, что им не мешало бы знать, кто эти соперники, и понимать соотношение своего и их места в иерархии стаи. Да и мужчинам, желающим сохранять хорошие отношения с несколькими женами одновременно или пытающимся уследить, чтобы одна любовница не провела о существовании другой, требуется немалая изворотливость ума. Однако полученные нами данные ясно говорили о том, что максимальный расход умственной энергии происходит как раз у видов, придерживавшихся, казалось бы, простейшей брачной системы – моногамии.

В итоге мы были вынуждены рассмотреть другую версию – а именно что моногамные брачные отношения в действительности требуют гораздо больших психологических затрат, чем любое количество случайных связей. Наиболее наглядно это демонстрируют птицы, большинство которых тяготеют к той или иной форме моногамии. Около 85 % видов птиц образуют постоянные пары, потому что выкармливание птенцов отнимает огромное количество энергии и времени. Кормящие родители из сил выбиваются, чтобы обеспечить быстро растущим птенцам достаточное количество пищи. Они идут на все, чтобы вырастить потомство с большим мозгом. Для птиц величина мозга очень важна: он позволяет проявлять экологическую гибкость, изобретать новые способы поиска пищи, приспособливаться к большим сезонным перепадам температуры и меняющимся условиям добывания корма. Видам, обитающим в высоких широтах, он позволяет отказаться от миграции на зиму в теплые страны. Эти перелеты, на которые идет большинство видов с меньшим объемом мозга, конечно же избавляют птиц от зимних холодов и бескормицы, но сами по себе они чреваты множеством смертельных рисков. Преодолеть их не под силу даже обладателю крупного мозга: можно сбиться с курса, умереть от голода в пути и, наконец, стать жертвой хищников в незнакомом месте, где нет привычных укрытий или мест кормежки. Птицы с крупным мозгом могут остаться в северных широтах и избежать всего этого, что в свой черед делает вид еще более жизнестойким и устойчивым к угрозе вымирания.

Однако за это приходится платить: чтобы вырастить птенцов, приходится затрачивать невероятные усилия – крупный мозг стоит дорого. Конечно, выкормить птенцов можно и в одиночку, но это означает определенные жертвы: в итоге выживет меньше птенцов, а потомство получит мозг худшего качества, что в свой черед неизбежно приведет к снижению экологической гибкости и к необходимости искать другие способы выживания (вроде миграции в трудные времена) – порочный круг и провальная стратегия. А если родители-кормильцы работают сообща, у них есть шанс вырастить мозговитое потомство, да еще и при минимальных потерях его численности.

И главное здесь – совместная работа. Родители должны создать своего рода конвейерную ленту, бесперебойно обеспечивая птенцов личинками, червяками и насекомыми. Если один из них начнет лениться и нежиться на весеннем солнышке, то на второго ляжет непомерное бремя. Ведь птенцы не могут ждать! Необходимость сотрудничества еще более очевидна в период насиживания. Родителям приходится по очереди согреть яйца своим теплом и кормиться. Вариант, когда один из супругов улетает кормиться и зависает в птичьем пабе на целый уик-энд, тут полностью исключен. Птичке размером с зяблика для простого выживания ежедневно требуется почти столько корма, сколько весит она сама. Если самец не вернется и вовремя не сменит самку, то перед ней встанет жестокий выбор: или покинуть яйца, чтобы отправиться на поиски пропитания, или

остаться в гнезде и погибнуть от голода. В обоих случаях потомству не выжить: если зародыши в яйцах не погибнут от переохлаждения, то через некоторое время кладку расклюют хищные разорители гнезд.

Поэтому складывается впечатление, что главное требование к моногамным видам – это именно координация и синхронизация деятельности. Каждый из супругов должен учитывать потребности партнера и в соответствии с ними выстраивать свой распорядок дня. Даже очень непритязательная птичка должна быть восприимчива к повседневным изменениям в поведении партнера, тогда как беспорядочно спаривающимся видам это незачем. Впервые я по-настоящему осознал это, когда изучал клиппшпрингера – миниатюрную антилопу из Восточной Африки. У этого вида самец неотступно следует за самкой, куда бы та ни шла. Он редко отстает от нее больше чем на несколько шагов и никогда не отходит дальше, чем на несколько метров. Если вы заметили одного клиппшпрингера, значит, второй где-то поблизости: возможно, он наблюдает за вами из-под куста. В силу малого размера и отсутствия убежища (эти антилопы живут на открытых каменистых откосах) риск стать жертвой хищников для них особенно велик. Чтобы уменьшить эту угрозу, они почти никогда не кормятся одновременно. Пока один кормится, второй обязательно стоит на страже. Когда первый насытится и захочет отдохнуть, чтобы пережевать жвачку (это важный элемент пищеварения для некоторых парнокопытных), он приближается к партнеру, который стоит на страже, и может даже легонько толкнуть его в плечо, как бы говоря: «Ну, теперь твоя очередь». После этого вторая антилопа отходит и начинает щипать траву, а наевшееся животное стоит в дозоре, жуя жвачку.

Если потом партнеры будут отдыхать одновременно, это уже не так страшно: ведь оба бдительно следят, не приближается ли хищник и нет ли иных угроз. Обычно пара отдыхает, улегшись головами в разные стороны, чтобы иметь наиболее полный обзор и заметить хищника, откуда бы он ни подкрадывался. Поскольку у самки затраты энергии выше – из-за того, что ей приходится вынашивать и кормить детенышей, – она обычно первая снова ощущает голод и уходит кормиться. После того как самка поднимается и уходит, самец не задерживается: меньше чем через полминуты он уже встает и идет следом за ней, шаг за шагом, пока она не находит подходящее место для кормления – может быть, в сотне метров от того места, где они отдыхали. Как только самка принимается есть, самец уже снова на страже: часто он забирается на небольшую скалу, откуда открывается хороший обзор, и стоит там до тех пор, пока самка не насытится. Тогда наступает его очередь кормиться.

Эти милые маленькие антилопы (они не крупнее ягненка) – должно быть, самые верные и любящие супруги из всех млекопитающих. Они просто не отходят друг от друга. Конечно, за таким поведением прослеживается мощное давление эволюции: ведь если одного из супругов сожрет хищник, то у второго вряд ли много шансов найти себе новую пару. В их маленьком антилопьем мире царит строгое единобрачие, все уже «обручены». Если и удастся снова найти себе пару, то скорее всего это будет молодое, неопытное животное. Юные антилопы еще очень простодушны и не привыкли к обязательному разделению обязанностей. Они способны уйти и начать кормиться раньше времени, не дождавшись, пока наестся партнер, а такое поведение заставляет более опытного супруга жертвовать временем своего «обеденного перерыва» и занимать пост часового. Потому-то антилопа так заботится о безопасности и пропитании имеющегося партнера: случись что, вряд ли удастся найти лучшую пару.

И в этом другая причина, почему моногамия предъявляет такие высокие требования к тем, кто ее придерживается. Биологи-эволюционисты в большинстве своем рассуждали так: раз уж тебе на роду написано прожить с одним партнером всю жизнь (ну, или существенную ее часть), тогда, пожалуй, не стоит подходить слишком опрометчиво к его выбору и связывать свою судьбу с первым встречным. Благоразумнее оценить всех возможных кандидатов и остановить выбор на лучшем из них. Нетрудно догадаться, каковы в данном случае требования к этому «лучшему»: он должен прожить хотя бы столько же, сколько ты; у него должен иметься приличный набор генов, которые, смешавшись с твоими, дадут безупречное

потомство; и, наконец, он не должен надолго «зависать в пабе», бросив тебя на голодную смерть в гнезде, – или, в случае клиппшпрингера и других похожих видов, не будет раньше времени уходить и кормиться, пока ты ешь, опустив голову в траву, и не видишь подкрадывающегося хищника.

Выбор идеального партнера – непростая задача, если приходится учитывать сразу множество различных факторов, особенно когда все они важны. Настоящая проблема состоит в том, что ошибка чревата серьезными неприятностями. При пожизненной моногамии неудачный выбор спутника может обернуться настоящей катастрофой – и не только на личном уровне. Достаточно выбрать бесплодного партнера, и все твои прекрасные наследственные качества, которые могли бы закрепиться в будущем генофонде вида, мгновенно сводятся к нулю. С другой стороны, выбор суженого, который не склонен добросовестно выполнять родительские обязанности, подпортит ваши результаты в эволюционной гонке, которые могли бы оказаться гораздо выше, будь ваш выбор разумнее. Цена, которую приходится платить за плохо сделанный выбор, столь велика, что эволюция оказывала (и продолжает оказывать) на животных очень мощное давление, заставляя избегать ошибок и вовремя отсеивать пустопорожних ловеласов или просто дурачков.

Сколь бы правдоподобным ни казался этот довод, у него есть один существенный изъян: все сказанное верно и для тех видов, которые спариваются беспорядочно. Делать благоразумный выбор приходится и тем, кто вовсе не собирается остаться на всю жизнь с одним партнером. Даже представителям тех видов, которые каждый год находят себе новую пару в брачный период (например, многие из наших мелких садовых птиц образуют однолетние брачные связи), важно не нарваться на недотепу. Конечно, неудачный выбор – не катастрофа, если уже через год можно найти себе другую пару, но долгая череда связей с никчемными партнерами напрямую грозит генофонду даже полигамных видов. Так что при всей кажущейся убедительности последнего довода остается вопрос: почему все-таки моногамным видам следует проявлять большую осмотрительность, чем остальным.

Но довод не выдерживает критики еще и по другой причине. В течение многих десятилетий ученые полагали, что мозг, после того как он сформировался, практически не меняется. А в качестве иллюстрации неизменно приводили несчастного Финеаса Гейджа. Жизнерадостный красавец Гейдж был бригадиром строителей, прокладывавших в 1848 году новую железную дорогу неподалеку от Кавендиша, штат Вермонт, на северо-востоке США. Однажды при закладке взрывчатки в скалу сдетонировал заряд, и Финеасу в голову угодил металлический прут. Он пробил череп, пройдя через левую скулу и левый глаз, и вышиб большую часть левой лобной доли мозга. Хотя после этой травмы Гейдж остался жив и прожил еще много лет, он утратил все прежние социальные навыки. Если раньше он был честным, надежным бригадиром, которого очень ценили за умение работать с людьми, то после несчастного случая сделался непредсказуемым, импульсивным сквернословом и пьяницей и вдобавок пристрастился к азартным играм. Карьера пошла под откос, и в итоге, спустя двенадцать лет после несчастного случая, он умер в нищете.

Справедливости ради надо отметить, что бедняга Финеас лишился довольно большой части мозга, причем того отдела, который как раз отвечает за социальные навыки, так что, наверное, неудивительно, что его мозг оказался не в состоянии компенсировать утрату лобных долей, перенеся свойственные им функции в какой-то другой отдел. Тем не менее выяснилось, что мозг даже взрослого человека куда пластичнее, чем мы предполагали раньше. Разумеется, эта пластичность имеет предел, однако есть данные, что некоторые отделы мозга обладают способностью разрастаться или уменьшаться в размерах. Одно из первых свидетельств этого было получено при изучении буроголовой гаички. Каждую осень эти птички запасают семена на период зимней бескормицы. Обнаружилось, что у птиц данного вида ежегодно происходит сезонный рост, а затем регрессия гиппокампа – крошечной части мозга, которая участвует в создании пространственных карт, помогающих нам ориентироваться на местности – и конечно же находить ранее спрятанные вещи.

Вдохновившись этими данными, Элеонор Мэгуайр решила обследовать лондонских

таксистов – и обнаружила у них увеличенный гиппокамп (или, по крайней мере, одну долю гиппокампа) по сравнению с показателями обычных людей. Водители черных лондонских такси уникальны в своем роде: в течение четырех лет они проходят специальное обучение и в результате практически полностью осваивают карту города, представляющую собой весьма запутанную систему улиц (точнее говоря, отсутствие всякой системы). Эти знания проверяются с помощью особых тестов, и только после них таксисты имеют право приступить к работе. Дальнейшие исследования, проведенные Мэгуайр и ее группой, привели к выводам, что у работающих таксистов гиппокамп больше среднего потому, что он увеличился от активной работы, а не потому, что в ходе тестов попросту отсеялись кандидаты с недостаточно развитым гиппокампом.

Все это свидетельствует о том, что мозг способен адаптироваться и, возможно, даже восстанавливаться под влиянием внешних обстоятельств. Коль скоро птицы и таксисты умеют подстраивать размер отдельных частей своего мозга под топографические потребности, то почему различные виды животных не могут увеличивать или уменьшать те отделы своего мозга, которые отвечают за разумный выбор пары, – в зависимости от того, какая модель брачных отношений им нужна? Тогда пожизненные моногамы могли бы избавляться от всех этих дорогостоящих и лишних отделов мозга после того, как нашли себе пару, и жить без забот на половинной мощности своего мозга. Таким образом, в итоге у них оказывался бы *меньший* мозг, чем у видов, образующих однолетние брачные пары (ведь им, как-никак, приходится делать новый выбор каждый год), или тем более у полностью полигамных видов. Однако с величиной мозга все обстоит в точности наоборот. Значит, здесь кроется нечто еще.

Наше исследование позволяет сделать предположение: это нечто – постоянная необходимость поддерживать брачные узы в «рабочем состоянии», в том числе координировать и синхронизировать действия и принаравливаясь к партнеру. Действительно, продолжительные брачные отношения подразумевают особую взаимную требовательность внутри пары. В конце концов, партнер всегда реагирует на наше поведение: если оно ему не нравится, он может уйти и найти себе другую пару. Поэтому перед каждым стоит сложная задача: удержать расположение и преданность супруга.

Триумф Шахерезады

В своей книге «Брачное мышление» психолог-эволюционист Джефф Миллер выдвинул гипотезу, что именно потребность рекламировать собственные партнерские качества, возможно, привела к возникновению языка, а это в свой черед способствовало развитию и росту мозга у человека. Он назвал это «эффектом Шахерезады» – по имени искусной рассказчицы из «Тысячи и одной ночи». Потчужа царя Шахрияра нескончаемыми историями, она умудрилась избежать участи всех своих предшественниц, которых казнили на следующее же утро после ночи, проведенной с государем, потому что они ему наскучивали. По мнению Миллера, тот факт, что данный эффект проявляется у мужчин и женщин с разной интенсивностью, может означать, что и другие стороны нашего поведения регулируются половым отбором. Например, заметное различие между полами во владении языком: по мнению Миллера, мужчинам свойствен более богатый и сочный словарь, и в целом манера говорить у них более напыщенная и цветистая, чем у женщин. Психолог увидел в этом аналогию с пышным хвостом и горделивым брачным танцем самца павлина. Возможно, полагал Миллер, мужчина демонстрирует всем встречным женщинам свое красноречие, подобно тому как павлин распускает перед самками свой нарядный хвост.

Что-то в этом, конечно, есть, хотя мне кажется, что Миллер в своих рассуждениях смешал два в равной степени важных, но в корне различных процесса. Первый – это брачная «самореклама», в которой сочность лексики и красноречие вполне могут послужить свидетельством генетической пригодности – хотя бы потому, что демонстрируют отличную работу мозга. Второй – поддержание хороших отношений уже после свадьбы – куда в

большей степени связан с истинным «эффектом Шахерезады», то есть с умением развлечь супруга и не дать ему заскучать. Вопрос, какой из этих процессов стоит нейронам больших усилий?

Между тем за цветистостью мужской риторики стоит одна очень важная вещь. Строго говоря, тезис о половом отборе подразумевает, что одно и то же проявление чего-либо воздействует на представителей разных полов по-разному. Половой отбор – мощная природная сила, именно она породила множество ярких черт, обусловленных половой принадлежностью и встречающихся почти исключительно у самцов. Среди популярных примеров – хвост павлина, замысловатый ритуал ухаживания у самцов райской птицы, лосиные рога и мужская борода. Объясняется это тем, что право окончательного выбора принадлежит самке, а самцу ничего не остается, кроме как рекламировать свой товар в надежде, что какая-нибудь из встретившихся самок пожелает с ним спариться. Учитывая биологический принцип, по которому устроена система размножения (особенно у млекопитающих), именно самкам приходится дорого расплачиваться за неправильно сделанный выбор, потому-то «последнее слово» обычно за ними. Однако половой отбор редко приводит к возникновению новых качеств с нуля. В большинстве случаев отбирается одно из существующих и затем многократно усиливается. Так что если сейчас язык служит средством брачной демонстрации, то, несомненно, лишь потому, что он зародился гораздо раньше и только со временем был приспособлен для выполнения новой функции. По моему убеждению, его главная функция состоит (и всегда состояла) в том, чтобы служить средством коммуникации в крупном социуме. При такой более широкой интерпретации «эффектом Шахерезады», мне кажется, можно было бы обозначить все то, что совершается в ходе длительного процесса поддержания отношений.

Наивно полагать, что поддержание отношений сводится только к непрерывному развлечению партнера, однако умение развлечь – необходимый элемент этого сложного механизма, нечто вроде смазки, обеспечивающей плавность его работы. Я имею в виду первостепенную роль смеха, которая уже обсуждалась в предыдущей главе. О важности юмора для межличностных отношений можно судить хотя бы по частоте упоминаний «чувства юмора» – и как необходимого условия, и как заявляемого качества – в брачных объявлениях. В изученных нами тысяче с лишним частных объявлений гетеросексуалов из газеты «Обсервер» конца 1990-х годов чувство юмора являлось одним из наиболее востребованных и популярных качеств. Из женщин, дававших объявления, 48 % упоминали о том, что у них имеется чувство юмора, и 53 % желали, чтобы им обладал потенциальный избранник, тогда как для мужчин, дававших объявления, эти цифры составляли соответственно 45 и 41 %. Женщины явно ценили чувство юмора выше, чем мужчины, хотя, похоже, и те и другие считали это качество важным – нередко даже важнее остальных.

Я не сомневаюсь, что «эффект Шахерезады» играет существенную роль в поддержании романтических отношений, но столь же очевидно для меня и то, что не он способствовал росту нашего мозга, равно как и возникновению языка у наших далеких предков. Наоборот, «эффект Шахерезады» скорее можно назвать побочным продуктом появления большого мозга и языка. Похоже, сам необычный размер нашего мозга предполагает поддержание многочисленных социальных связей, позволяя жонглировать, как мячиками, все большим количеством межличностных отношений. Дело в том, что наш мозг и наши языковые способности развивались для управления целыми социальными сетями, а не просто единичными связями между индивидуумами.

Разгадка – в уме?

Хотя у большинства млекопитающих и птиц наблюдается корреляция между моногамностью и размерами мозга, к приматам это не относится. Они скорее демонстрируют иную модель: у них гораздо сильнее выражена связь между общей численностью стаи и параметрами мозга отдельной особи. Похоже, причина в следующем: психический механизм,

который стоит за парными отношениями, у приматов распространился на отношения со всеми членами сообщества, то есть на дружбу внутри стаи. Поскольку число друзей, которых можно иметь, ограничивается лишь размером группы, наблюдаемый конечный результат и является соотношением между величиной группы и величиной мозга.

Для выявления взаимосвязи между размером мозга и количеством социальных контактов мы с Пенни Льюис провели серию энцефалографических исследований. Сорок с лишним человек, принявшие участие в эксперименте, дали согласие пройти энцефалографию, а затем составили список всех людей, с которыми они контактировали в течение прошлой недели. Выявилась явная взаимосвязь между количеством знакомых у человека и величиной того отдела мозга, который расположен непосредственно над глазами. Важно учесть, что этот же отдел мозга отвечает за построение так называемой модели психологического состояния, позволяющей понимать или догадываться, о чем думает другой человек. Только выстроив такую модель, мы можем утверждать, например: «Я считаю, что ты думаешь то-то и то-то». Эта способность – не врожденная, дети приобретают ее примерно в пятилетнем возрасте.

Формальных моделей не слишком много. Недаром уже пятилетние дети выстраивают их довольно уверенно, а к шести годам – практически безошибочно. Взрослые в этом еще искуснее: наше исследование показало, что им под силу держать в уме до четырех моделей чужого психологического состояния одновременно, плюс конечно же свое собственное, итого пять. Такой ход мысли можно представить как систему уравнений, параллельно описывающих психологические состояния пяти разных людей, а можно – в виде рекурсивной цепочки, касающейся только двоих, вроде такой: *Я полагаю, ты думаешь, что мне интересно то, в чем ты хочешь меня убедить*. Мы не знаем в точности, ради чего нам дана такая способность, однако она как минимум предполагает определенный уровень социального мышления, умение представить себе, как видят мир другие люди, что они думают, что собираются делать и как могут реагировать на те или иные обстоятельства.

У маленьких детей освоение элементарных психологических моделей знаменует важный этап в развитии умственных способностей. Овладев ими, они обретают два важных навыка, которые прежде были им недоступны и которые неведомы ни одному другому виду животных: ролевой игры и убедительного вранья. Второе особенно важно: отныне дети понимают, какие мысли движут вашим поведением, и гораздо лучше соображают, как можно манипулировать вашими представлениями о мире, чтобы ввести вас в заблуждение. Они и в более раннем возрасте могут обманывать вас, но в основном благодаря тому, что замечают: если сказать вам что-нибудь особенно убедительным тоном, то вы скорее всего поверите; но они не понимают, почему так получается, почему вы верите их словам. На этом этапе они просто очень наблюдательны – очень быстро подмечают и улавливают взаимосвязи в окружающем мире, однако пока еще не понимают их механизма. Причины, стоящие за различными человеческими состояниями, постичь еще труднее, чем простые причинно-следственные связи в повседневном физическом мире, – наверное, потому, что догадываться об этой причинности мы можем лишь по аналогии с ходом наших собственных мыслей, а вначале нужно еще научиться смотреть на себя как бы со стороны. У детей уходит немало времени и усилий (около четырех лет – учитывая, что о подлинном мышлении до годовалого возраста говорить не приходится) на то, чтобы постичь причинность в физическом мире, затем они экстраполируют эти знания на собственный внутренний мир желаний и представлений и, наконец, применяют обретенные навыки для проникновения в мир чужих мыслей. Впечатляющее достижение – причем, похоже, свойственное только людям (возможно, и некоторым человекообразным тоже, однако это по-прежнему спорно).

Едва научившись строить модели чужого психологического состояния, дети осваивают механизм совмещения таких состояний – причем не только двух, чужого и собственного. К середине подросткового периода они уже настолько оттачивают мыслительные навыки, что запросто могут синхронно оперировать четырьмя чужими психологическими состояниями, а поскольку одновременно учитывается и собственное представление о них, в сумме как раз и

получаются те самые пять порядков мышления, присущие нормальному взрослому человеку. Впрочем, тут, как и везде, наблюдаются значительные индивидуальные расхождения. Хотя средний показатель – пять порядков, у некоторых людей он составляет от трех до четырех (нижний предел), а у некоторых других – шесть или даже семь (верхний предел). Такие расхождения связаны отчасти с различиями в базовых познавательных способностях вроде способности мыслить в причинно-следственных категориях, запоминать факты и соотносить их между собой, делать выводы по аналогии и так далее, а отчасти – с разными языковыми способностями. Я считаю язык важнейшим средством, обеспечивающим правильное психологическое моделирование высшего порядка, но не потому, что он сам создает эти модели, а потому, что его грамматическое устройство помогает нам понимать и отслеживать запутанные причинно-следственные связи.

Мне и моим коллегам – Пенни Льюис, Нилу Робертсу и Джоанне Пауэлл – удалось доказать, что индивидуальные различия в мыслительных способностях у здоровых взрослых людей напрямую соотносятся с количеством серого вещества в тех отделах коры головного мозга, которые неизменно фигурируют в нейровизуализационных исследованиях. Участки, о которых идет речь, расположены в двух концах височной доли коры, а также в лобных долях точно над глазами. Нам удалось продемонстрировать существование количественного соотношения между размером этих участков мозга и умением индивида выстраивать модели чужих психологических состояний. У людей, которым под силу моделирование шестого порядка (*Я полагаю, что ты думаешь, что мне интересно, стараешься ли ты убедить меня в том, что тебе хотелось бы [того-то и того-то]*), количество серого вещества в упомянутых зонах коры больше, чем у тех, кто способен оперировать только четырьмя порядками (*Я полагаю, что ты думаешь, что мне интересно, хочешь ли ты [того-то и того-то]*).

Что еще важнее, мы выяснили, что эти показатели напрямую связаны еще и с шириной социального круга исследуемых. В частности, оба поведенческих параметра (способность «читать чужие мысли» и широта социального круга) соотносились с размерами одной и той же части лобной доли – орбитофронтальной коры головного мозга, расположенной над и за глазами. Поскольку мозг развивался, разрастаясь вперед, ко лбу, именно эти участки, расположенные над глазами, непомерно увеличились в ходе человеческой эволюции, и это позволило нам существовать внутри все более многочисленных социальных групп. Именно резкое увеличение передней части нашего мозга привело к формированию у нас высокого, выпуклого лба. Для сравнения достаточно взглянуть на лбы любых человекообразных обезьян – или, если уж на то пошло, на воссозданные изображения наших ископаемых предков (включая наших пресловутых «кузенов» – неандертальцев). Высокий лоб понадобился как вместилище больших лобных долей – тех самых, из-за утраты которых у Финеаса Гейджа появилось множество неприятностей и трудностей в общении.

В 2004 году Андреас Бартельс и Семир Зеки провели такой опыт: они отобрали семнадцать человек, утверждавших, что страстно влюблены, и сделали им энцефалографию, когда те рассматривали фотографии своих любимых и – в качестве контрольного задания – фотографии друзей своего же пола и возраста. Фото друзей служили своего рода точкой отсчета, позволяя «отсеять» реакцию мозга на «просто знакомых». Бартельс и Зеки выяснили, что при взгляде на изображение любимого человека наблюдается повышенная активность в нескольких участках мозга, которые по-разному связаны с эмоциями и оценкой эмоциональных состояний (это область стриатума, или полосатого тела в среднем мозге, островковая доля и части лимбической коры), тогда как некоторые участки префронтальной и височной коры, а также зоны вблизи миндалин, напротив, демонстрировали *пониженную* активность.

Полосатое тело обычно активизируется в обстоятельствах, связанных с вознаграждением (это и реакция на пищу и питье, и на получение денежного вознаграждения), что обычно объяснялось выработкой дофамина (который, как мы говорили в предыдущей главе, связан с вознаграждением и с положительными эмоциями при виде изображений любимых людей). Снижение активности мозжечковых миндалин и зон вокруг

них – любопытное явление, потому что именно эти зоны, похоже, связаны со страхом, печалью и агрессией. То есть, судя по всему, вид любимого человека снижает уровень негативных эмоций, какие случайно мог испытывать в тот момент участник эксперимента, и, напротив, усиливает положительные. Интересно, что нейровизуализация, проводившаяся в моменты сексуального возбуждения, тоже показывала активизацию вблизи лимбической коры, в островке и в хвостатом ядре. Все эти зоны мозга проявляют активность и в связи с влюбленностью, а значит, романтическая любовь и сексуальное влечение не столь уж далеки друг от друга, во всяком случае, на нейроклеточном уровне; впрочем, такой же вывод можно сделать из того, с какой скоростью романтическая влюбленность способна привести к бурному сексу. Пониженная активность в височных долях и префронтальной коре представляет особый интерес, потому что, как мы уже видели, эти участки связаны со способностью рассуждать и – в случае лобной коры – с рациональным мышлением. Так что полученные результаты явно свидетельствуют о временном ослаблении активного критического мышления, а также о том, что, вместо того чтобы моделировать психологическое состояние предмета страсти, мозг переключается на чисто эмоциональные отклики.

В другом, более позднем опыте ученые исследовали материнскую любовь: группа мам рассматривала фотографии собственных и чужих малышей. И снова, когда они рассматривали собственных малышей, активизировались островок и лимбическая зона коры, а также несколько других подкорковых зон в неостриатуме, которые активизируются и при романтической любви; и опять-таки пониженная активность наблюдалась в тех же самых участках префронтальной коры и височной доли, которые деактивируются при романтической любви. Однако на этот раз активность происходила еще и в других зонах: в орбитофронтальной и латеральной префронтальной коре, связанных с вознаграждением и логическим мышлением, а также в дополнительных зонах подкорки и среднего мозга, включая таламус, – при том что ни один из этих участков не активизируется при романтической любви. Известно, что в некоторых из тех подкорковых зон, где наблюдалась активизация, особенно густо расположены рецепторы окситоцина – гормона, который, как мы уже рассматривали во второй главе, принимает участие в установлении крепких уз между матерью и ребенком. Известно также, что эти участки мозга активизируются, когда мать слышит детский плач (причем это может быть даже плач чужого ребенка). К тому же уже доказано, что один из них – центральное серое вещество – точно связан с подавлением боли во время очень напряженных эмоциональных моментов, включая деторождение, а значит, там вполне вероятно присутствие рецепторов эндорфина. Особенно любопытно, что этот участок среднего мозга имеет прямую нервную связь с орбитофронтальной корой, которая в свою очередь участвует в реакциях на вознаграждение, а также в психологическом моделировании и социальных контактах.

Главное здесь то, что в романтической и материнской любви задействованы общие участки мозга, но при этом каждая из них распространяется и на другие, специфические для каждой. Похоже, перед нами все-таки разные чувства со своей мотивацией и нервными механизмами. Общие для обоих чувств участки мозга связаны с окситоциновыми и эндорфиновыми рецепторами и вознаграждением. Еще любопытнее тот факт, что оба вида любви приводят к подавлению или деактивации участков, которые ассоциируются со страхом и агрессией (мозжечковые миндалины), а также зон, напрямую связанных с рациональным мышлением, со способностью понимать эмоции, намерения и оценивать надежность другого человека (височный полюс, височно-теменной узел и средняя часть префронтальной коры). Такое впечатление, что мы отказываемся от всяких попыток слишком старательно анализировать поведение тех, с кем (порой безнадежно) ищем близости, поэтому мы просто «выключаем» зоны, занятые социальным анализом. Любовь и правда слепа: сердце в самом буквальном смысле берет верх над разумом.

Разум во многом по-прежнему остается для нас тайной за семью печатями, и, хотя за последнее десятилетие технология нейровизуализации позволила узнать поразительные вещи

о работе мозга, эта технология все еще довольно груба и схематична, нам трудно понять, какие именно группы нейронов действительно возбуждаются в тот или иной момент. Что именно происходит, когда мы ощущаем те или иные эмоции или, например, размышляем о будущем, для нас во многом все еще *terra incognita*. Однако технология нейровизуализации продолжает развиваться необычайно быстрыми темпами, и, надо надеяться, следующее десятилетие принесет нам множество волнующих открытий. Но все равно будет очень трудно соотносить изображение на мониторе с чувствами, которые испытывает человек, чей мозг подвергается компьютерному сканированию. Всегда остаются «трудности перевода», которые мешают превратить, по сути, электрическую схему в непосредственные чувства. Поэтому хоть мы порой и можем буквально ткнуть указкой в конкретные участки мозга, которые явно играют ведущую роль в наших способностях делать умозаключения или эмоционально откликаться на любовь, у нас все равно нет ни малейшего представления о том, как эти самые участки производят чувства.

* * *

В последних двух главах я сосредоточивался в основном на той потайной автоматике, с помощью которой мозг управляет нашими романтическими отношениями. Можно и впрямь подумать, что мы – лишь жертвы темных неврологических сил и никак их не контролируем. Конечно же на самом деле это не так. На каком-то другом уровне мы, разумеется, оцениваем свой брачный выбор, причем выказываем немалую дальновидность. Думая о перспективности романтических отношений с тем или иным человеком, мы взвешиваем все «за» и «против», часто проявляя поразительную корыстность. Подобный практицизм тем более удивляет, если вспомнить о том, как внезапно и неосознанно мы влюбляемся, и обо всех возвышенных помыслах и устремлениях, много раз воспетых поэтами. В следующих двух главах я собираюсь копнуть как раз в этом направлении и рассмотреть тот чрезвычайно расчетливый подход, который мы довольно часто применяем в наших отношениях.

4

Как сквозь тусклое стекло

*Не любить бы нам так нежно,
Безрассудно, безнадежно,
Не сходиться, не прощаться,
Нам бы с горем не встречаться!*

Роберт Бернс. Прощальный поцелуй¹¹

В «Гордости и предубеждении» Элизабет играет в кошки-мышки с более чем завидным женихом, мистером Дарси, не решаясь сразу ответить согласием или отказом. Она то путает реплики, то переигрывает, делает поспешные и необоснованные выводы, но в итоге одерживает победу, хотя перед этим едва не рубит под собой сук, небрежно отвергнув его предложение руки и сердца. Что бы в итоге ни заставило Элизабет передумать и благосклонно принять ухаживания мистера Дарси, в перспективе неизменно маячило главное обстоятельство, делавшее его столь желанным уловом для всех незамужних молодых аристократок в округе (помимо, разумеется, очарования Колина Фёрта из телесериала 1995 года): он унаследовал огромное поместье Пемберли в Дербишире. Во времена Джейн Остин выйти замуж за знатного помещика было пределом заветных мечтаний любой сельской дворянки. Согласие на предложения женихов «второго сорта», вроде местного священника, становилось печальным уделом дурнушек, которым не повезло поймать своего Дарси.

Наблюдения за нашими слабостями, сделанные Остин, ставят ее в один ряд с наиболее

¹¹ Перевод С. Я. Маршака.

проницательными знатоками человеческой психологии. В глубоком интуитивном понимании мотивов, скрывающихся за человеческими поступками, ей, пожалуй, равных нет. Остин проявляет необычайное чутье в отношении всех тех вещей, о которых мы тревожимся, но почти никогда не решаемся заговорить. Часто причина оказывается проста: нами движет банальная корысть, но мы не желаем в ней признаваться прилюдно. Тем более когда речь идет о романтических отношениях: заговори мы о своих мотивах со всей откровенностью, это разрушило бы все волшебные чары и подорвало бы самую основу тех отношений, которые мы намереваемся создать. Мы бы навлекли на себя подозрения в цинизме и охоте за чужим богатством, а потенциальные партнеры совершенно справедливо насторожились бы. Возможно, это заставило бы и их проявить самую приземленную расчетливость. Потому-то мы старательно маскируем свои истинные мотивы толстым слоем эмоций и глушим их сильными дозами фрейдовского подавления.

И все-таки, пускай порой подсознательно, большинство из нас исподволь взвешивает шансы и прощупывает почву, прежде чем бросить жребий и сделать бесповоротный шаг, приняв самое важное в жизни решение. И в этой главе я подробно разберу все те расчеты, что таятся за пафосным, эмоциональным образом, который мы предъявляем внешнему миру.

Рациональный выбор?

Проницательные замечания Джейн Остин, которая наблюдала за повседневной жизнью Англии в первые десятилетия XIX века, не потеряли своей актуальности и сегодня, спустя двести лет после появления ее книг. Секрет неустаревающей притягательности ее романов – в их сюжетных линиях: ведь там рассказывается о том, как и почему мы выбираем себе одних спутников жизни, а не других. Она описывала то, что наблюдала вокруг. Впрочем, увиденное ею отражено и в официальных записях о браках, заключенных в те дни. Демограф Эккарт Фоланд очень подробно проанализировал приходские метрические книги, хранящиеся в Крумхёрне – области Германии на побережье Северного моря. В XVII–XIX веках, как раз когда Остин наблюдала за жизнью английского сельского общества, девушки из Крумхёрна, которые, выйдя замуж, перемещались по сословной лестнице вверх, оказывались на несколько лет моложе, чем их сестры, сочетавшиеся браком с представителями собственного родного сословия. И наоборот: богатые мужчины брали в жены девушек значительно младше себя по сравнению с мужчинами из менее зажиточных классов: богачи проявляли большую разборчивость, тогда как менее состоятельным мужчинам приходилось ждать, когда приглянувшиеся им девушки оставят всякую надежду встретить своего «мистера Дарси». Женщины, бравшие в мужья ровню, по-видимому, откладывали замужество до последнего, втайне надеясь, что им сделает предложение блестящий жених из высшего сословия, а в итоге, не желая просидеть в старых девах всю жизнь, скрепя сердце соглашались выйти замуж за представителей собственного социального круга. Но из-за напрасных ожиданий они упустили годы, важные в биологической гонке за продолжение рода.

Учитывая невысокую естественную скорость размножения у людей, родить на одного ребенка меньше – это уже значительная эволюционная потеря для следующего поколения: ведь это составляет целых 20 % от среднего показателя, равного пяти: именно столько детей выживало у женщины в обществах, где естественную рождаемость не принято ограничивать¹². С точки зрения эволюции это очень ощутимая потеря. Кроме того, поскольку угрожавшие детям риски подхватить какую-нибудь болезнь или даже умереть напрямую соотносились с принадлежностью к определенному социальному классу и связанным с ним материальным достатком (такая картина, впрочем, типична и для Британии XXI века),

¹² Здесь имеются в виду небольшие традиционные общества. Не стоит путать их с викторианским обществом, где преимущества современной медицины привели к резкому снижению уровня младенческой смертности, благодаря чему в иных семьях насчитывалось и по десять, и по двенадцать детей. Не стоит их смешивать и с современными обществами, которые пережили смену демографической модели и снизили средний размер семьи до двух человек.

требование выбрать «лучшего из худших» становится тем жестче, чем дольше невеста тянет время и не желает снизойти до священника, то есть до своей социальной ровни. Ей-богу, благоразумнее всего было бы с самого начала признать имеющиеся ограничения – и сразу же согласиться на священника. Сложность конечно же в том, что надежда умирает последней, а соперничество за сердце мистера Дар-си является частотно зависимым: все определяется тем, кто еще участвует в состязании. Как знать, быть может, вам все-таки повезет и его рассеянно блуждающий взгляд остановится именно на вас?

Подобные рассуждения могут показаться циничными, но речь ведь идет о суровых реалиях тогдашней жизни. В XVIII–XIX веках участь старой девы была очень печальна, она часто обрекала неудачницу на судьбу прислуги у родителей или в доме женатого брата или замужней сестры. Подобные решения отмечены и у девушек, которые беременели без брака. В XIX веке молодые женщины из любых социальных кругов обычно выходили замуж за мужчин хотя бы немного старше себя – да и сейчас такая тенденция сохраняется. А вот девушки, имевшие незаконнорожденного ребенка, часто выходили замуж за мужчин моложе себя, и это верный признак того, что они заведомо соглашались на «второй сорт». Пускай у такого избранника ничего не было за душой, пускай ему ничего не светило, – все равно лучше было иметь такого мужа, чем прозябать в ничтожестве.

Остин показывает, что ухаживание – это затяжные деловые переговоры. Что-то вроде игры в покер, когда мы не знаем намерений другого игрока и делаем пробные ставки, чтобы заставить его раскрыться. Мы внимательно следим за всеми посылаемыми сигналами, чтобы оценить степень риска. Случайное ли это прикосновение руки? Или намеренное? Некогда, в эпоху Средневековья, дамы роняли носовые платки рядом с теми молодыми рыцарями, которые привлекли их благосклонное внимание. Это значительно все упрощало – особенно для сильного пола, менее искушенного в тонкостях общения. Увы, такая утонченная простота куртуазного века больше не в ходу, а потому игра ведется по более жестким правилам. Впрочем, как и в настоящем покере, игрока всегда выдают глаза. Как только в нас загорается интерес, мы просто не в силах оторвать взгляд от предмета желаний.

На самом деле такое неспешное, нерешительное «приценивание» играет важную роль – особенно в установлении романтических отношений. Ведь это не просто знакомство, которое можно разорвать так же быстро, как и завязать, и не приятельские отношения, медленно угасающие, если их не поддерживать. Как только мы нажимаем эмоциональную турбокнопку, на кону оказывается нечто гораздо большее. Теперь разрыв может произойти только ценой значительной эмоциональной травмы, причем часто травмированы оказываются оба партнера. Поэтому желательно не ошибиться в самом начале. И именно поэтому любое ухаживание представляет собой серию фаз все возрастающей близости. На каждом этапе вы доходите до определенного предела, а затем останавливаетесь и раздумываете: стоит ли переходить на следующий уровень – или лучше поскорее выйти из игры, пока это можно сделать без лишней боли?

Так каков же он, идеальный партнер? Одним из бесценных источников информации о том, чего хотят и ждут от партнера, служат тщательно изученные нами частные объявления в газетах о поиске знакомств. Где еще так наглядно можно увидеть, какие качества в себе люди считают достоинствами и каких ищут в идеальном партнере? Обратимся же к этим шедеврам словесности и посмотрим, что они нам могут дать.

Зов одиноких сердец

Объявления о знакомствах в крайне сжатом виде содержат представления людей о том, что им кажется наиболее важным в любовных отношениях. Здесь черным по белому заявляет о себе житейская мудрость, квинтэссенция жизненного опыта многих поколений. Газетное объявление – жанр, не допускающий многословия: все самое важное нужно уместить в десяток слов. Это заставляет авторов объявлений сосредоточиться на главном. Что ты считаешь самым важным в потенциальном партнере и что, по твоему мнению, его (или ее)

больше всего интересует в тебе? Как ни удивительно, но ответы на оба вопроса, по-видимому, сводятся к совсем малому числу качеств, хотя, разумеется, дай нам волю, мы бы нашли множество слов, чтобы расписать каждое из своих достоинств. Главных критериев всего шесть: возраст, внешняя привлекательность, статус и состоятельность (на самом деле это две стороны одной медали), общительность, увлечения и интересы (индикатор интеллекта) и цель знакомства. Формулировки порой чрезвычайно изощренны, так что тому, кто «не в теме», их не понять: это может быть почтовый индекс престижного лондонского района (намек на высокий статус и обеспеченность) или литературные аллюзии (намек на эрудицию и образованность). Изредка текст объявлений бывает беззастенчиво-откровенным – однако, по моим наблюдениям, в большинстве случаев их авторы – мужчины, ищущие ни к чему не обязывающего секса на стороне.

Подробно анализируя объявления лиц обоих полов, мы сделали удивительное открытие: мужские и женские объявления, как правило, зеркально соотносятся друг с другом. Мужчины склонны подчеркивать, что ищут в партнерше два первых качества из вышеперечисленных (молодость и привлекательность), а четыре остальных указывают, описывая себя; женщины же, говоря о себе, сразу сообщают о двух первых, а ищут в партнере остальные четыре. Это отражает тот неоспоримый биологический факт, что самки млекопитающих, соглашаясь на спаривание, рискуют больше, чем самцы: как только самка забеременеет, ей предстоит неминуемый долгий и тяжелый период вынашивания потомства, а затем еще более длительный и еще более тяжелый период грудного вскармливания. Встать на этот путь, а потом бросить начатое, не достигнув цели, – напрасная потеря времени, энергии и сил, не говоря уж об эмоциональных затратах. Поэтому неудивительно, что женщины, как правило, более разборчивы, чем мужчины, – или, по крайней мере, более разборчивы в течение того периода жизни, когда это по-настоящему важно. Приведу в качестве иллюстрации два типичных объявления – мужское и женское.

Симпатичный мужчина 36 лет, квалифицированный специалист, состоятельный и амбициозный, любит путешествия, спорт и театр, ищет похожую женщину.

Разведенная белая женщина 42 лет, привлекательная, стройная, спортивная, желает познакомиться с холостым/разведенным белым мужчиной 38–48 лет, симпатичным, имеющим профессию и жилье, некурящим, образованным, финансово обеспеченным, порядочным, непьющим, не употребляющим наркотики.

Он практически не распространяется о том, что ему нужно, но знает, что указания на статус, богатство и интеллектуальные хобби будут хорошо восприняты потенциальными партнершами; она упоминает всего два качества, в которых обычно заинтересованы мужчины, а затем приводит длинный перечень критериев, которым должен отвечать возможный избранник, чтобы она как минимум проявила к нему интерес.

Хотя равновесие между качествами конечно же варьирует в зависимости от местных обстоятельств и особенностей, общая картина тем не менее примерно одинакова во всем мире – в разных культурах, в разные исторические эпохи. Хелен Пирс, изучавшая брачные объявления поздневикторианского периода, отметила примерно ту же принципиальную разницу между мужским и женским подходом. Масштабное анкетирование о желаемых качествах потенциального партнера, охватившее более 16 тысяч человек из 52 стран на всех пяти континентах, выявило ту же самую картину. В ходе последнего обнаружилось также заметное и общее для всех культур расхождение между желаемым количеством сексуальных партнеров для одного и для другого пола. Мужчины обычно указывали, что желали бы иметь шесть партнерш в течение жизни, а женщины – всего двух. Иначе говоря, мужчины были больше заинтересованы в сексуальном разнообразии и в большем количестве

кратковременных связей, чем женщины. Разумеется, набор требований допускает вариации – не только от человека к человеку, но и между разными периодами в жизни одного человека. Например, женщины, находящиеся на пике детородного возраста, обычно выдвигают больше требований к партнеру, чем мужчины, и меньше рассказывают о себе. Позднее же, приближаясь к менопаузе или уже пережив ее, они становятся менее придиричивыми и снижают планку требований.

После того как забеременевшая самка млекопитающего вступила в длительный период, требующий от нее большой отдачи сил ради будущего потомства, самец всегда может после спаривания уйти прочь и подыскать себе другую доступную самку. Собственно, самец может даже сознательно стремиться к тому, чтобы в течение жизни от него родилось как можно больше детенышей. Если он всю жизнь будет оставаться с одной самкой, это, с одной стороны, хорошо, потому что ему гарантируется возможность и право спаривания. С другой стороны, численность потомства в таком случае будет ограничиваться способностью самки производить потомство. В перерывах же у самца останется уйма свободного времени. Пускаться в авантюры – дело рискованное, однако если самцу удастся найти достаточное количество уступчивых самок и спариться с ними, он может преуспеть в производстве потомства гораздо больше, чем если бы остался верным супругом. Тут все зависит от того, насколько ему повезет с поиском уступчивых самок. Если найти их окажется нелегко, то лучше оставаться рядом с той, которую уже удалось отыскать; если же поиски увенчаются успехом, то стоит продолжать в том же духе.

Так что, пожалуй, не слишком удивительно, что самки млекопитающих в целом «застенчивее», чем самцы, и делают выбор более осмотрительно. Они крайне редко красуются перед противоположным полом, подобно павлинам или самцам антилоп, которые демонстрируют свои физические достоинства и приглашают самок выбрать лучшего. Выбор для человеческой особи еще более важен в силу особой значимости обоих родителей для детей. В отличие от большинства оленей и антилоп, чьи малыши самостоятельны чуть ли не с самого рождения, детеныши человекообразных обезьян и человеческие младенцы требуют неустанной заботы и опеки в течение длительного периода: вначале – грудного вскармливания, потом – воспитания социальных навыков и защиты. Мы, люди, продолжаем опекать и всячески поддерживать своих детей по крайней мере до тех пор, пока они не займут прочное место во взрослом мире, то есть лет двадцать-тридцать, а то и пожизненно. Тем важнее чувствовать уверенность, что партнерское соглашение будет иметь долговременную силу, потому что уход одного из родителей может сильно повлиять на возможности, открывающиеся перед ребенком, даже если тому идет уже второй или даже третий десяток лет. Неполные семьи составляют непропорционально большую долю среди беднейших слоев населения в любых обществах – даже в «государстве всеобщего благосостояния», каким является сегодняшняя Британия.

С чисто биологической точки зрения существует два типа отцовских инвестиций в потомство, способных заинтересовать женщин. Первый – качество генов самца, второй – верность его брачным узам наряду с умением добывать корм и создавать благоприятные условия для жизни потомства в стае, а также готовность заботиться о семье. Как только у людей появилось наследуемое имущество, к двум изначальным критериям прибавился третий, не менее важный: обеспеченность потенциального мужа или его семьи. Достаток важен для выживания потомства и ухода за ним, потому что позволяет матери производить или приобретать больше пищи или иных ресурсов для детей. Множество исследований, охватывающих как современные скотоводческие и земледельческие общины, так и исторические аграрные сообщества вроде Крумхёрна, показывает, что женщинам, вышедшим замуж за более состоятельных мужчин (неважно, в чем измеряется их богатство – в количестве верблюдов или в акрах земли), удавалось вырастить больше выживших детей, чем женам более бедных людей, даже если считать, что в каждой семье рождалось равное число детей. Уровень жизни до сих пор остается важным фактором, когда речь идет о заболеваемости или уровне физического развития детей, а также об успехах в учебе, причем

даже в современном индустриальном обществе. Люди, занимающие низшие ступени на общественно-экономической лестнице, в среднем имеют более хилое потомство, их дети чаще болеют и умирают, а также хуже учатся (главным образом потому, что родители не в состоянии обеспечить им такое же хорошее образование, такое же здоровье и такие же жизненные возможности, как богатые родители).

Таким образом, женщины учитывают по меньшей мере три разных критерия и пытаются найти между ними баланс, потому что вовсе не обязательно партнер удовлетворит всем трем. Мужчины с лучшими генами могут оказаться далеко не самыми богатыми, а самые богатые – далеко не самыми заботливыми и преданными. В итоге для женщины любой выбор всегда оборачивается компромиссом по принципу «лучшее из худшего». То, как именно женщина взвешивает различные факторы, наверняка отчасти зависит от конкретных экономических и социальных обстоятельств, но в общем виде перед ней оказывается уравнение с тремя неизвестными, которое поневоле приходится решать. Мужчины, напротив, в основном руководствуются логикой единственного интереса – плодovitости (по крайней мере судя по брачным объявлениям). В результате мужские предпочтения в выборе пары относительно просты, и, ориентируясь на них, найти себе спутницу совсем несложно. А предпочтения у женщин – более комплексные, и удовлетворить их полностью вряд ли возможно. Поэтому в итоге приходится идти на уступки.

У людей гендерные расхождения в требованиях к партнеру отчасти отражают различия в том, какое значение мужчины и женщины придают каждому из перечисленных выше шести критериев. Сколько бы лет ни было мужчинам, дающим объявления в рубрику знакомств, они всегда ищут женщин примерно одного и того же возраста – если дело происходит в западных странах, то лет под тридцать, то есть находящихся на пике детородного возраста. Это настолько типично, что в проанализированных нами объявлениях женщинам старше двадцати отдавали предпочтение даже мужчины в возрасте от восемнадцати до двадцати, не говоря уже о более зрелых, в том числе от сорока до шестидесяти. Разумеется, такое предпочтение наблюдается далеко не во всем мире. В некоторых странах и культурах – особенно там, где женитьба на несовершеннолетних невестах является нормой, – мужчины предпочитают гораздо более юных девушек, даже подростков. Вероятно, это объясняется тем, что мужчины приспособливают свои предпочтения к бытующим в их стране брачным нормам и представлениям о том, с какого возраста женщины могут рожать.

Мы с моим польским соавтором, Богуславом Павловским, выяснили, что в Соединенном Королевстве мужские предпочтения в отношении возраста супруги почти в точности совпадали с наиболее фертильным возрастом женщины в Великобритании (то есть статистически наиболее вероятным для рождения первого ребенка). Более того, они соответствовали репродуктивному потенциалу женщин – иными словами, учитывали количество будущих детей, которое средняя женщина данной возрастной группы может теоретически родить за оставшийся период жизни. Вполне возможно, это отражает навязываемую обществом норму моногамии. Ведь если ты женишься на девушке сразу, как только она вошла в детородный возраст, то гипотетически успеешь зачать наибольшее число детей, с учетом того, что в дальнейшем ты навсегда останешься ее супругом. Однако женившись слишком рано, ты лишишься шанса иметь детей от других женщин, детей, которые, быть может, появились бы на свет от случайных связей, до того как ты выйдешь из игры, став моногамным отцом семейства (или, во всяком случае, до того как заводить случайные связи станет гораздо труднее по причинам социально-юридического характера). Однако если прелюбодеяние сурово карается законом (а именно так дело обстоит в исламских странах Африки и Ближнего Востока), то самое благоразумное – это не упускать напрасно время и возможности. Потому-то чем моложе окажется невеста, тем лучше; а значит, средний возраст, в котором девушка в этих странах выходит замуж (и начинает рожать детей), значительно снижается, приближаясь к естественному порогу половой зрелости. В более традиционных обществах – например, у охотников-собирателей или даже в нашем собственном обществе, где преобладающая брачная система тяготеет к

последовательной полигинии – возраст для первого брака не настолько критичен, потому что каждый «брак» длится сравнительно недолго, – примерно столько, сколько нужно, чтобы родить одного-двух детей, а затем мужчина берет себе новую жену. Впрочем, даже при таком раскладе будет наблюдаться все та же тяга к женщинам, находящимся на пике репродуктивности. Конкретный возраст зависит от доступности в данной стране средств контрацепции: они поднимают его до тех лет, когда женщина сама предпочитает родить первого ребенка. В таких странах женщины самостоятельно распоряжаются собственной способностью к зачатию, а мужчинам приходится подлаживаться под них, соответственно меняя свои возрастные предпочтения.

Однако при прочих равных плодовитость женщины – это всего лишь функция ее возраста, которая появляется с наступлением половой зрелости, достигает пика между двадцатью и тридцатью годами, затем медленно идет на убыль в течение следующего десятилетия, а потом резко снижается и прекращается с наступлением менопаузы. Таким образом, возраст – надежный показатель, позволяющий определить, способна ли женщина к деторождению. Разумеется, способность к деторождению определяется прежде всего уровнем эстрогена в организме, а эстроген существенно влияет на внешнюю привлекательность: это он отвечает за гладкую красивую кожу, блестящие волосы и фигуру «песочные часы», считающуюся идеальной для женщин между двадцатью и тридцатью годами. Мужская репродуктивная функция не знает таких биологических ограничений: пускай с возрастом либидо и падает, способность становиться отцом остается более или менее неизменной. Если брать возрастной критерий, то почти любой мужчина годится в мужья, и именно поэтому с женской точки зрения на первый план выходят все остальные качества. Как правило, женщины предпочитают мужчин, которые всего на несколько лет старше их.

Наиболее внимательные читатели наверняка уже отметили, что уже на этом этапе в предпочтениях полов наблюдается некое противоречие. Мужчины мечтают о совсем молоденьких женах, а женщинам нужны мужья лишь чуть-чуть постарше их самих. Стороны не могут победить одновременно – разве что в течение короткого жизненного периода, примерно между двадцатью пятью и тридцатью годами, когда эти предпочтения совпадают. С годами запросы расходятся все больше. Согласно эволюционной теории, поскольку женщины рискуют сильнее мужчин, им следует проявлять больше требовательности и настойчивости в достижении своих целей. Именно это мы и наблюдаем на практике: как правило, в супружеских или просто любовных парах между партнерами обычно не очень большая разница в возрасте – она как раз соответствует типичным женским предпочтениям и составляет от трех до пяти лет. Исключения составляют *некоторые* вторые браки для мужчин: тогда женщина чаще всего младше мужа на десять лет (классическая разница для более молодой второй жены); а если речь идет о браке с *очень* богатыми мужчинами – когда, например, стареющая рок-звезда женится на юной гламурной красотке, – возрастной разрыв может быть каким угодно. Первое в действительности наблюдается реже, чем можно было бы предположить: большинство вторых жен младше мужей на пять – десять лет, не больше. Впрочем, второе исключение гораздо интереснее, потому что в каком-то смысле подтверждает правило: ведь такие брачные союзы очень редко оказываются долговечными. Стареющим звездам довольно трудно во всем угождать своим молоденьким избранницам, а тем в свою очередь не терпится поскорее сбросить брачное ярмо – и вернуться на волю не с пустыми руками, а с приятной ношей, будь то алименты или наследство (смотря что свалится на них раньше).

Час Золушки

Примеры, рассмотренные в предыдущем разделе, демонстрируют важную особенность нашей стратегии в выборе партнера: мы готовы идти на компромисс с собственным представлением об идеале, когда того требуют обстоятельства. Ведь перед нами не

идеальный мир, а самый настоящий рынок. Причем мы не являемся на нем свободными агентами, покупателями, которые вольны взять с полки супермаркета лучшие фрукты, какие приглянулись (как это заведено у некоторых животных). Например, у павлинов «сватовство» происходит так: самцы выстраиваются в ряд на брачной арене, или токовище, причем у каждого имеется личная маленькая территория для спаривания, всего несколько метров в поперечнике. И вот они рассаживаются там, будто торговцы на восточном базаре, и ждут появления «покупательниц». Как только показывается самка, все самцы вскакивают и начинают горделиво расхаживать туда-сюда, показывая товар лицом – поднимая и распуская хвосты с блестящими перьями. Самка осматривает предложенный товар – и, если какой-то «торговец» ей приглянулся, заходит на его территорию и спаривается с ним. После того как самец оплодотворил самку, она уходит и откладывает яйца в гнездо, заранее свитое для этой цели, далеко от токовища. Самцы в дальнейшем не принимают никакого участия в воспитании потомства: они возвращаются к прежней игре и ожидают прихода новой самки. В данном случае и самцы, и самки играют вслепую, они друг для друга – те же «однорукие бандиты».

Люди же играют в две руки. Подобно всем видам, образующим длительные брачные отношения, мы можем, разумеется, иметь собственные предпочтения и идеалы, но ведь они есть и у всех остальных! А это значит, что у нас есть соперники и конкуренты, которые могут выхватить добычу прямо из-под носа. Мы сталкиваемся с реальной перспективой того, что в итоге придется удовольствоваться «вторым сортом». А то и вернуться с бала в одиночестве или с замарашкой, от которой отвернулись все остальные. Но все эти превратности тоже отчасти обусловлены тем, что человеческая стратегия в выборе пары является очень сложной и многомерной – по сравнению с брачными стратегиями большинства других млекопитающих и птиц. Уже одно это вынуждает нас идти на компромисс даже в отсутствие соперников, ибо, как ни печально, невозможно найти ни одного человека, который удовлетворял бы требованиям совершенства хотя бы по какому-либо одному параметру. Поскольку и у мужчин, и у женщин есть соперники на любовном фронте, тоже стремящиеся найти идеальных партнеров, мы неизбежно вынуждены идти на компромисс сразу на двух уровнях (делая выбор между разными требованиями к идеальному партнеру и между соперниками). Если кто-то другой успеет «перехватить» идеального мужа раньше вас, вам придется удовольствоваться «вторым сортом», так что, пожалуй, лучше уж с самого начала выработать принципиальный алгоритм, который поможет вам принять оптимальное компромиссное решение, сфокусироваться на главных для вашего идеала критериях. Экономисты в подобных случаях говорят о «разумной достаточности»: когда у вас слишком много запросов, уровень их удовлетворения будет ниже среднего.

Хотя в традиционных (доиндустриальных) обществах богатство и статус имеют чрезвычайно большое значение, так как от них во многом зависит, сможет ли женщина успешно вырастить потомство, этим параметрам всегда приходится вступать в трехстороннюю борьбу с другими параметрами: качеством генов и способностью быть преданным семье. Тем не менее богатство и статус всегда обычно перевешивают – особенно в неблагоприятных социально-экономических обстоятельствах (в которых на самом деле находится большинство человечества), – просто потому, что богатство дает большие шансы на выживание потомства, а также на будущие социальные и репродуктивные возможности этого потомства. Такая тенденция довольно ясно просматривается в явлении, которое в эволюционной экологии называется «порогом полигинии». Этот порог означает тот уровень богатства мужчины, когда женщине выгоднее стать его второй женой, чем единственной – у более бедного. Если доходы или активы настолько велики, что мужчина может содержать в достатке двух жен одновременно и каждой при этом будет жить лучше, чем жилось бы в моногамном браке с другим мужчиной, – значит, обстоятельства благоприятствуют многоженству. Оно порождается разительным материальным неравенством мужчин: от одних мужчин (например, от стареющих рок-певцов) требуется быть *гораздо* богаче среднего, чтобы удача оказалась на их стороне. Там же, где разрыв между богатыми и бедными

мужчинами не столь велик, не существует и предпосылок для многоженства. Пускай многоженство – далеко не идеальная форма брака, и женщины при полигинии несут определенные жертвы, но ни в реальной жизни, ни в эволюции ничто не бывает идеальным. Важно другое: полигиния – это разновидность компромисса, причем окончательное решение принимает женщина. Это не столько обычай, навязанный патриархальными традициями, как полагают некоторые, сколько женский выбор. Мужчины, ясное дело, охотно воспользуются любыми возможностями, однако если женщина в чем-то совершенно не заинтересована, то против ее упрямства мужчины окажутся бессильны, рискуя остаться не востребованным павлином.

Главная проблема для нашего брата – в том, что богатство и статус мы обычно приобретаем далеко не в юные годы. Те счастливицы, к которым сказанное не относится – вроде молодого Дарси, – идут нарасхват в первую очередь. Остальным же предстоит долгий процесс накопления достатка. Для женщин главная проблема состоит в том, что чем старше мужчина, тем выше вероятность, что он скоро умрет. Что осложняет дело, если учесть, что родители должны посвятить детям как минимум лет двадцать. Изучая британские частные объявления, мы сумели показать, что женские предпочтения в отношении мужчин разного возраста явно отражают компромисс определенного рода: на одной чаше весов лежит представление о том, что мужчины обретают богатство с возрастом, а на другой – риск, что они умрут или бросят своих жен (все три переменные взяты непосредственно из данных национальной статистики Соединенного Королевства). Наибольшей популярностью пользуются мужчины, которым слегка за сорок. Интерес к следующим возрастным группам вплоть до старцев в ходунках неуклонно снижается. Но как при любом компромиссе, выбор может смещаться: бывает, что мужчина настолько богат, что имеет смысл выйти за него, даже если он умрет преждевременно... Хотя почему «даже»? Может быть, как раз поэтому? Иными словами, исключение, доказывающее правило, таково: если уж вы собрались выйти замуж за старика, убедитесь в том, что он и вправду настолько богат, что если он умрет у вас в объятиях, вы плакать не станете. Таков удел стареющего рок-певца.

Мир брачных объявлений полон таких компромиссов. Одно дело – мечтать; но когда наступает решающий момент, мы, подобно заневестившимся барышням из романов Джейн Остин, соглашаемся на доступные варианты, не желая остаться в одиночестве. Так, мужчины даже не дают себе труда откликаться на брачные объявления женщин постарше (то есть примерно за сорок). Однако реальность такова, что если этим женщинам удастся уговорить их хотя бы назначить встречу, они скорее всего предпочтут пойти на уступку и скорректировать свои идеалы, чем остаться ни с чем. Это типичный случай, когда лучше синица в руках, чем журавль в небе. Поэтому женщинам постарше очень важно не прекращать игру раньше времени и добиваться того, чтобы их объявления не оказались в мусорной корзине еще до того, как представился шанс хоть с кем-то встретиться. Для этого у них имеются особые приемы.

Когда мы с Богуславом Павловским просматривали британские странички знакомств, нас очень удивило, что большинство женщин вообще не упоминали о своем возрасте. И это при том, что возраст – главный критерий выбора пары для мужчин! Через некоторое время мы заподозрили, что замалчивают свой возраст только те, кто постарше. Более молодые почти всегда указывали, сколько им лет. Но как же все-таки понять, сколько лет женщинам, которые не сообщают свой возраст? Потом нам пришла в голову одна идея. Поскольку женщины обычно ищут партнера на три-пять лет старше, чем они сами, мы решили исходить из желаемого возраста мужчин. Оказалось, что если из числа женщин на четвертом десятке свой возраст замалчивали всего 4 %, то среди женщин на шестом десятке о нем не упоминали уже 21 %. И даже те, кто указывал свой возраст, чаще делали это приблизительно – скажем, не «57 лет», а «за пятьдесят». Иными словами, информацию о возрасте утаивали или затемняли главным образом женщины на исходе репродуктивного периода. Причину понять нетрудно: женщины, не указавшие свой возраст, располагают большим выбором, чем их ровесницы, имевшие неосторожность сообщить, сколько им лет. По сути, женщины,

скрывавшие свои года, были почти так же требовательны, как и двадцатипятилетние, несмотря на разрыв почти в два десятка лет. Утаивание своего возраста позволяло им проявлять бóльшую разборчивость, при этом не отталкивая потенциальных кандидатов сразу же. Таким образом, они в большей степени контролировали ситуацию и сохраняли право выбора за собой.

Разумеется, к уловкам прибегают не только женщины. Мы заметили, что в мужских объявлениях часто упоминается рост выше шести футов, но никогда – ниже. Мужчины-коротышки просто утаивают свой рост – как выясняется, по той простой причине, что иначе их объявления ждет дискриминация. К этому я еще вернусь в следующей главе.

Наличие детей от прежних браков тоже может представлять проблему – во всяком случае для женщин. Много лет назад мне рассказали в одном из очень известных бюро знакомств, что агенты всегда советуют женщинам не упоминать о детях, если они есть. Конечно же женщины обычно игнорировали этот благонамеренный совет. Ведь для них дети – самое главное в их жизни, предмет их заслуженной гордости, и, разумеется, им хотелось упомянуть о нем в объявлении: ведь дети – часть их личности. И лишь после того, как эти женщины являлись в агентство в слезах оттого, что *никто* не отозвался на их объявления, сотрудникам удавалось убедить их больше не упоминать о детях. И вот тогда все отлично налаживалось, отклики следовали один за другим. Это далеко не новая проблема. В Крумхёрне в XVIII и XIX веках у молодой вдовы с ребенком неожиданно повышались шансы снова выйти замуж, если ее ребенок умирал. Однако женщины, имевшие не одного ребенка, а больше, обычно смирялись с вдовьей долей и отдавали все свои силы воспитанию детей. У них просто не было биологического стимула заводить новых детей. Мы с Джоном Лайсеттом продемонстрировали, что подобное наблюдается и среди современных британских женщин, хотя в данном случае критерием служит частота аборт. Обратившись к данным Национальной статистической службы Соединенного Королевства, мы выяснили, что для незамужней женщины вероятность сделать аборт напрямую зависит от возраста и связанных с ним шансов выйти замуж и родить «законных» детей. Чем ближе женщина к менопаузе и чем меньше у нее надежд обзавестись детьми в будущем браке, тем чаще она решается рожать.

С точки зрения биологии все объясняется просто: как правило, мужчины не хотят воспитывать чужих детей и стараются этого избежать. Ведь если им придется это делать, значит, они обделят вниманием собственных детей, а такой альтруизм противоречит смыслу и сущности эволюции. Но если уж их выбор ограничен – тогда мужчины скорее пойдут на уступки, чем останутся в бобылях. Вместе с Дэвидом Уэйнфортом мы убедились в этом, анализируя американские объявления о знакомствах. Мужчины, называвшие себя состоятельными, откровенно писали, что ищут женщину «без детей от прежних браков». Зато мужчины, ограниченные в средствах (во всяком случае, о своем достатке они не упоминали), оказывались покладистей и иногда даже прямо сообщали о своей готовности воспитывать детей от другого брака. Антрополог Барри Хьюлетт заметил сходное явление у пигмеев племени ака, которых он изучал в Конго: мужчины, слывшие хорошими охотниками (а это качество в большой цене у пигмеек), были нерадивыми отцами и предпочитали волочиться за другими женщинами. Зато менее удачливые и популярные охотники компенсировали это усердной заботой о детях.

Все приведенные примеры показывают: брачные игры – штука чрезвычайно сложная. Даже если у нас есть явные предпочтения, мир, в котором мы живем, далек от совершенства, и найти пару, в точности отвечающую нашим запросам, – редкая удача. Куда чаще мы вынуждены идти на компромисс. А жизненный опыт точно подсказывает, чем можно поступиться в первую очередь. Когда мы с Богуславом Павловским анализировали британские брачные объявления, то обнаружили: и мужчины, и женщины всех возрастных групп соотносили уровень притязаний (количество требований к партнеру) с тем, какое положение на «любовном рынке», по их мнению, занимают они сами. Представители самых востребованных возрастных категорий (женщины под тридцать и мужчины слегка за сорок)

проявляли самую высокую требовательность к потенциальным партнерам, но по мере снижения спроса готовность идти на уступки возрастала. Оба пола на удивление точно соотносили запросы с собственной рыночной ценностью – с одним только исключением: мужчины старше сорока, ближе к пятидесяти, радикально себя переоценивали. И все же, по-видимому, даже мужчины вполне обучаемы: к тому времени, когда им слегка переваливало за пятьдесят, они уже гораздо лучше осознавали свое место.

Люди вообще очень точно регистрируют соотношение спроса и предложения. Эмили Стоун и ее коллеги изучили брачные предпочтения приблизительно 4500 мужчин и 5300 женщин из 36 разных культур в разных частях света. Им удалось выяснить, что мужчины снижают планку в выборе пары, когда в численном соотношении полов заметно преобладают мужчины (то есть между ними возрастает конкуренция), и, наоборот, повышают критерии – по крайней мере, если речь идет о поиске пары на долгий срок, – когда в численном соотношении полов преобладают женщины (то есть выбор расширяется). Еще важнее другое: мужчины, оставаясь в меньшинстве, часто предпочитают случайные связи (женщинам приходится соревноваться за мужчин, а значит, они не могут на них давить). Когда же, наоборот, женщин немного и за них приходится конкурировать, мужчины выказывают большую готовность вступать в брак. Впрочем, женщины, оказываясь в большинстве, наоборот, становятся разборчивей. По-видимому, это – реакция на повальное мужское легкомыслие, неизбежное при таком соотношении полов, способ урезонить мужчин с помощью завышенных требований. Это наводит на мысль о том, что взаимодействие брачных стратегий обоих полов является динамическим и, видимо, никогда не достигает устойчивой точки равновесия. Что в очередной раз позволяет сделать вывод: конфликт интересов даже в этой сфере чреват войной.

Мой любимый пример, иллюстрирующий нашу способность идти на компромисс, – эксперимент, проведенный Джеймсом Пеннбейкером в барах для холостяков в Балтиморе, штат Мэриленд. Три раза в течение вечера – в девять часов, в десять и в полночь – трезвых посетителей обоего пола просили оценить присутствующих в зале лиц противоположного пола и собственного пола с точки зрения привлекательности. Если оценка представителей собственного пола никак не менялась в течение вечера (если уж на то пошло, они даже становились менее привлекательными по мере того, как вечер переходил в ночь), то представители противоположного пола загадочным образом становились все привлекательнее с приближением «часа Золушки». (Характерно, что эта тенденция наблюдалась у обоих полов.) И какой же из этого следует вывод? Если, конечно, вы не готовы поверить в то, что самые некрасивые посетители бара ушли раньше других, найдя своего принца (или принцессу), мне кажется, это явно свидетельствует о том, что «одинокое сердца» обоего пола просто-напросто понижали планку своих требований по мере того, как приближалась грустная перспектива уйти домой в полном одиночестве. Кто сказал, что романтика умерла?

Павлин распускает хвост

Расхожее мнение гласит, что мужчина идет на охоту ради мяса для жены и детей. Поэтому кажется более чем разумным, что женщины предпочитают мужчин-добытчиков или по крайней мере зажиточных. Однако в 1990-е годы у ученых появились сомнения относительно значения охоты как формы родительской заботы. Да, это верно, что мужчины ходят на охоту и потом приносят на стоянку мясо. Но, может быть, *главная цель* охоты все-таки – не оно? Изучая охотничье-собираТЕЛЬСКИЕ общества, американский антрополог Кристен Хокс пришла к выводу: охота на крупную дичь вносит довольно скромный вклад в семейные припасы, если сопоставить его с затрачиваемыми усилиями. Конечно, когда охотник убивает слона, всем достается много мяса. Но это происходит очень нерегулярно, мужчинам приходится тратить много времени и сил и подвергаться большому риску, чтобы выследить и подстеречь слона (или любую другую крупную дичь). На самом деле мужчины

обеспечивали бы свои семьи гораздо бóльшим количеством калорий, если бы ставили ловушки на мелкую дичь или добывали растительную пищу вместе с женщинами, а не охотились на крупных опасных зверей. Кроме всего прочего, они тратили бы на это гораздо меньше времени и энергии и меньше рисковали погибнуть от клыков или когтей или переломать себе ноги и руки. Но в первобытных обществах есть еще одно загадочное обстоятельство: когда мужчины приносят с охоты мясо, они не отдают его целиком собственным семьям. Согласно строгим правилам, они должны поделиться мясом со всеми членами общины, и в итоге семье охотника достается совсем небольшая доля. Поэтому Хокс задалась вопросом: что если смысл охоты на крупную дичь в подобных обществах как раз в том, что дичь – крупная и опасная? Для мужчины это возможность продемонстрировать, что он способен справиться с этими трудностями и вернуться домой с мясом. Ведь это лучшее и неопровержимое доказательство его ловкости, силы, отваги, хитрости – словом, качества его генов. Таким образом, охота на крупную дичь – это способ не только обеспечить семью пищей, но также порисоваться и покрасоваться.

Дарвин, развивая свою теорию эволюции, оказался вынужден объяснить казусы типа павлиньего хвоста. Как столь нелепое украшение, явно мешающее птице летать, могло появиться в результате естественного отбора? В итоге ученый пришел к выводу, что ответ лежит в другой плоскости: ведь естественный отбор сказывается не только на способности отдельной особи выживать, но и на ее способности оставлять потомство. Поэтому главным оказывается компромисс между задачами выживания и размножения: само по себе выживание в течение длительного времени еще не гарантирует возможности оставить потомство. Важно еще и продолжить свой род. Причем важно настолько, что есть смысл умереть молодым, если удастся оставить многочисленное потомство. Хвост павлина, как начал осознать Дарвин, вполне объясним с точки зрения явления, которое он позже назвал половым отбором – отбором тех качеств, которые увеличивают способность к размножению, потому что делают особь более привлекательной в глазах противоположного пола.

В половом отборе наблюдаются две движущие силы: выбор самок (они выбирают самца с яркими внешними особенностями) и соревнование между самцами (они дерутся, чтобы по праву сильного получить возможность спариться с безразличными самками). Павлиний хвост – наглядный пример первой стратегии. Как выяснилось спустя столетие после смерти Дарвина, именно внешние особенности самца, честно сигнализирующие о высоком качестве особи, становятся главными маркерами, определяющими выбор самок. Концепция гандикапа Захави (названная в честь израильского орнитолога Амоца Захави) сводится к тому, что внешняя особенность, чем-либо мешающая своему обладателю, бесспорно свидетельствует о высоком качестве его генов. Павлин как бы сообщает павам: вы только посмотрите на меня – у меня такие хорошие гены, что я прекрасно уживаюсь с этим громоздким красивым хвостом, который, в сущности, мне только мешает, и все равно не попадаюсь хищникам. Дарвин интуитивно угадал одну из мощнейших движущих сил естественного отбора, способную приводить к быстрым и часто разительным переменам во внешнем облике того или иного вида. Суть этой силы – рисовка.

Чтобы проверить гипотезу, что мужчины тоже используют рисовку для завлечения партнерш, моя бывшая студентка Венди Айрдейл выдавала мужчинам и женщинам награду за участие в игре (которая была частью эксперимента), а затем, под конец эксперимента, предлагала пожертвовать награду на благотворительные цели (частично или целиком) или оставить все себе. При этом за каждым игроком наблюдал представитель его собственного или противоположного пола либо вовсе никто не наблюдал. В среднем мужчины и женщины демонстрировали готовность пожертвовать на благотворительность от 30 до 40 % своего выигрыша, и разница между тремя разными комбинациями была незначительной – за единственным исключением: если за мужчинами наблюдала женщина, они вызывались пожертвовать до 60 % своего выигрыша. Мужчины явно рисовались, пытаясь выглядеть щедрыми в глазах дам: они считали такое поведение хорошей брачной тактикой, очевидно, потому, что оно привлекает женщин. А поскольку сами мужчины щедрость в женщинах не

ценят, то женщины вовсе не пытались выглядеть более щедрыми, когда за ними наблюдали мужчины.

Но это далеко не все, что удалось узнать о рисовке. Сью Келли, еще одна моя бывшая студентка, в рамках своего эксперимента попросила женщин выстроить шкалу предпочтений, предложив им в качестве примеров несколько вымышленных персонажей-мужчин, в чьих характерах в разной степени сочетались героизм, альтруизм и профессионализм. Например, Джим – пожарный, и героизм с альтруизмом – это часть его профессионального долга, а Фред – медбрат, и его альтруизм носит профессиональный характер, хотя не обязательно подразумевает героизм; зато Джордж работает управляющим в супермаркете, он совсем не альтруист, но однажды спас коллегу от грабителя (то есть проявил героизм добровольно, а не по долгу службы). Когда женщин попросили расположить по ранжиру этих условных персонажей, выяснилось, что они отдают предпочтение альтруистам, имея в виду серьезные отношения – или дружбу, лишённую сексуальной составляющей, зато для коротких интрижек и приключения на одну ночь выбрали бы героев (и особенно героев-профессионалов). Профессиональный герой – такой статус сразу позволяет отделить овец от козлиц (или, может быть, в данном случае – козлиц от овец?), и каким-нибудь хвастунишкам из бара никогда не затмить этих «настоящих мужчин». Результаты такого опроса наводят на мысль, что женщины, может быть, и отдают предпочтение чертам, свидетельствующим о высоком качестве генов, когда выбирают партнера для спаривания, однако думая о выборе спутника жизни, предпочитают черты, которые говорят о способности содержать семью (а значит, положительно влияют на воспитание детей).

Конечно же мужчины – не пассивные пешки в этой игре: они прекрасно понимают правила игры и в меру собственной сообразительности и хитрости эксплуатируют женские предпочтения. В рамках того же опыта Келли проводился опрос мужчин: им нужно было классифицировать те же примеры с точки зрения привлекательности в женских глазах. Что интересно, мужские суждения практически совпали с женскими – разве что мужчины обычно переоценивали относительные предпочтения женщин. А раз рискованные мужчины почему-то кажутся женщинам привлекательными, значит, готовность идти на риск может стать ничуть не худшим способом, чем остальные, продемонстрировать потенциальной подруге свою пригодность. И для женщин такой способ подходит: ведь любая игра, в которой испытываются мужские качества и способности – не важно, будь то охота или экономическое, литературное, общественное или спортивное поприще, – служит отличной ареной, где можно отделить настоящих мужчин от мальчишек.

Другой пример того, что готовность рисковать жизнью очень привлекает женщин, можно почерпнуть из жизни шайенов – индейского племени Великих Равнин. Исторически сложилось так, что у шайенов были вожди двух типов – мирные и военные. Мирные вожди отвечали в основном за то, чтобы гладко шли хозяйственные дела общины. Они не принимали участия в набегах на соседние племена или в стычках между общинами, а титул доставался им по наследству от отцов. А военные вожди вели племя в бой. Им не позволялось жениться, и часто они клялись, что не покинут поле боя, если не победят; чтобы не нарушить этой клятвы, иногда они даже привязывали себя к месту битвы. Излишне говорить, что многие военные вожди умирали молодыми. Зато тем, кто выживал, выпадала завидная участь. Прославившись в боях, они освобождались от всех клятв и получали право жениться. При явном избытке тестостерона (в отличие от мирных вождей) они давали жизнь многочисленным потомкам – причем все считались законными. Когда я подсчитал, сколько детей родилось в течение жизни у вождей обоих типов (опираясь на официальные данные переписи населения за XIX век), и сопоставил полученную цифру с процентным соотношением упомянутых вождей к общей массе населения, выяснилось, что обе стратегии «вождизма» находились в состоянии эволюционного равновесия: по количеству потомства вожди обоих типов оказались одинаково успешными.

Но тут есть очень важный фактор – происхождение военных вождей. Почти все они были сиротами, а в шайенском обществе вдовы и сироты стоят на самой низшей ступени

общественной иерархии, с ними крайне плохо обращаются, и, разумеется, они не могут надеяться ни на приличный брак, ни на серьезные жизненные перспективы. Для сироты роль военного вождя оказывалась спасательным кругом – пускай даже, ухватившись за него, он рисковал преждевременно погибнуть. Зато тех, кто выказал физическое мужество и отвагу и дожил до «выхода в отставку», ждал потом рай. Эта стратегия, подразумевавшая высокий риск и высокий взлет, манила далеко не всех. Сын мирного вождя ни на минуту не задумался бы о «карьере» военного вождя, потому что перед ним открывался беспрепятственный путь к социальному и брачному успеху по праву наследования – к тому же не сулящий никаких серьезных рисков. Но перед сиротой стоял очень суровый выбор: или его ждет участь парии (и он скорее всего не женится и, очень вероятно, все равно рано умрет), или он пойдет на риск – и, быть может, выйдет победителем. Именно риск играл здесь решающую роль: по такому пути мог пойти только очень крепкий и выносливый сирота, иначе его ждала верная смерть, – ну, а коли так, лучше, пожалуй, было смириться с участью мальчика на побегушках, которого пинают все, кому не лень. Вот уж поистине бескомпромиссное испытание на качество генов!

Тяга к риску глубоко укоренена в мужской психике. Как только мальчики достигают подросткового возраста, уровень смертности среди них внезапно резко возрастает, тогда как среди девочек ничего подобного не наблюдается. Мальчишки гоняют на машинах, ведутся на «слабо», испытывают себя в опасных ситуациях, требующих физической силы, играют с оружием, принимают наркотики и в итоге – часто плохо кончают. Это вовсе не значит, что девушки никогда не занимаются ничем подобным, но девушки в целом, как группа, более осторожны, чем юноши, и меньше склонны к риску. За примерами далеко ходить не нужно: достаточно обратиться к данным национальной статистической службы. Например, в США между 2000 и 2007 годами средний ежегодный коэффициент смертности (учитывающий все причины смерти) для белых подростков мужского пола от 15 до 19 лет составил 65,5 на 100 тысяч человек, тогда как для белых девушек этот показатель равнялся всего 39,9 – почти вдвое меньше. Больше половины всех случаев мужской смертности (34,1 смерти в год на 100 тысяч человек) приходилось на ДТП, а причиной еще 15 % (10,9 смерти за год на 100 тысяч человек) стало применение огнестрельного оружия. Аналогичные данные для девушек составляли 19,8 и 1,9 соответственно, и я готов поспорить на что угодно, что в большинстве случаев, когда девушки гибли в ДТП, за рулем сидели юноши.

Дело в том, что у парней готовность к риску буквально в крови. Мы доказали это на паре очень простых небольших опытов. Раджиндер Атваль, еще один мой студент, отмечал, на каком расстоянии от пешеходного перехода находилась подъезжавшая машина, когда дорогу начинали переходить мужчины и женщины. Мужчины при этом рисковали гораздо больше, чем женщины. Что важнее, они выказывали гораздо большую по сравнению с женщинами готовность перейти улицу в условиях риска (то есть когда машина приближалась на 50 метров при красном свете), *если рядом находились девушки*. В случае девушек вероятность того, что они решились бы переходить улицу в условиях риска, никак не зависела от того, наблюдал ли кто-нибудь за ними в этот момент, и от того, кто были эти зрители – юноши или другие девушки. Просто юноши больше склонны к демонстрации; а поскольку лучший способ порисоваться – это показать свою отвагу, то чем серьезнее риск, тем лучше он подходит для того, чтобы показать, кто мужчина, а кто мальчишка.

* * *

Хотя в этой главе мы сфокусировались в основном на том, что, выбирая пару, человек проявляет немалую расчетливость, однако ему отнюдь не свойственно четко и ясно анализировать все плюсы и минусы такого выбора. Жизнь слишком коротка, чтобы успеть проверить все достоинства потенциального партнера. Вместо этого мы полагаемся на грубые и очевидные внешние подсказки, которые придумала эволюция, чтобы облегчить нам оценку. Причем некоторые из них столь изощренны, что для меня всегда остается загадкой: как мы

умудряемся заметить и затем судить о таких, например, свойствах, как длина пальцев. Похоже, жизнь пронизана скрытой рекламой, которой мы руководствуемся, сами того не замечая.

5

Как мы сохраняем лицо

*Сперва мужской был создан пол.
Потом, окончив школу,
Творец вселенной перешел
К прекраснейшему полу!*

Роберт Бернс. Растет камыш среди реки¹³

Около пяти тысяч лет назад Рамсес Великий сказал, что у его любимой жены Нефертари «полные ягодицы, но узкая талия...». Вот оно, неподвластное времени восхищение тем, что фигура женщины тяготеет к форме песочных часов: широкие бедра и большая грудь, но узкая талия. Причем восхищение вызывает не узкая талия сама по себе – хотя, как известно, викторианские дамы старались преувеличить тонкость своих талий, утягивая их корсетами (и даже доходили до хирургического удаления нижней пары ребер, чтобы добиться эффекта пресловутой «осиной талии»). Окончательный уход от угловатой подростковой фигуры знаменуется появлением большой груди и полных бедер, которые формируются в основном благодаря жиру, что откладывается в этих зонах. Мы руководствуемся целым рядом наводок, чтобы оценить, насколько потенциальный партнер отвечает нашим запросам. Зачастую такого рода наводки обрабатываются мозгом автоматически, давая нам на выходе лишь короткое «да» или «нет».

«Что-то есть в ее походке»

По сравнению с остальными приматами люди чрезвычайно толстые. У нормальных, здоровых женщин среднего телосложения около 20 % общего веса тела приходится на жир. У мужчин этот показатель ближе к 15 %, а у обезьян – приблизительно от 3 до 5 %¹⁴. Главная причина такой нашей упитанности – это потребность в топливе, необходимом, чтобы произвести на свет потомство с очень большим мозгом. Затраты энергии на вынашивание и особенно на выкармливание грудью младенца столь велики, что женщинам необходимо иметь значительные запасы жира, который благодаря обмену веществ можно преобразовывать в энергию для растущего малыша в течение всего длительного периода родительской опеки. У народов с нерегулируемой рождаемостью этот период включает девять месяцев беременности и от трех до четырех лет грудного вскармливания. Очевидно, что затраты энергии минимальны в течение первых нескольких месяцев беременности (пока плод еще совсем мал) и примерно последнего полугодия лактации (когда ребенок уже начинает есть сам). Зато средняя часть этого периода, когда все питательные вещества ребенок получает от матери, требует огромных затрат.

В естественных условиях матери не получают достаточной пищи, чтобы компенсировать энергию, отнятую ребенком, и в итоге сильно теряют вес. У женщины, не имеющей жировых запасов, организм вскоре принялся бы перерабатывать в энергию уже не жир, а мышечную массу, для того чтобы ребенок не умер от голода. Эволюция предусмотрительно отвела места для жировых отложений там, где они больше всего

13 Перевод С. Я. Маршака.

14 Разумеется, обезьяны могут растолстеть в неволе, но только если их кормить чрезмерно жирной пищей и не позволять много двигаться.

востребованы (на груди и вблизи матки) – вероятно, для того чтобы свести к минимуму затраты на перенос энергии от одной части тела к другой. Откладывание организмом жировых запасов регулируется количеством эстрогена, вырабатываемого яичниками, а потому количество жира в «стратегических» областях может быть неплохим показателем способности к деторождению. Однако избыточный жир в других частях тела деторождению, наоборот, мешает – вот в чем ценность тонкой талии и фигуры «песочные часы».

Из-за потребности женщин в жировых отложениях на случай беременности и лактации женская и мужская фигуры сильно отличаются. Для мужчин – и девочек до достижения половой зрелости – характерен силуэт треугольника, а для женщин после достижения половой зрелости благодаря расположению жировых отложений – близкий к песочным часам. Половой отбор по данному признаку приводил к тому, что очертания «восьмерки» казались мужчинам сексуально привлекательными, а женщины в свой черед старались подчеркнуть такие особенности своей фигуры. И наоборот, чем ближе к треугольнику фигура мужчины (за счет широких, мускулистых плеч), тем он привлекательнее для женщин. Форму тела удобно описывать при помощи соотношения талии и бедер (СТБ): такой коэффициент получается, если ширину талии разделить на ширину бедер. Женщины находят наиболее привлекательными мужчин, у которых этот коэффициент 0,9 (талиа лишь настолько уже бедер, чтобы джинсы не сваливались), тогда как мужчины находят самыми привлекательными женщин с СТБ = 0,7 (то есть с телосложением журнальной модели). Коэффициент СТБ, составляющий 0,7, приблизительно соответствует идеальным пропорциям красоты – 90–60–90.

Психолог Дев Сингх и его коллеги получили похожие результаты для различных стран и культур Африки, Юго-Восточной Азии и Полинезии, что наводит на мысль о том, что такие предпочтения отнюдь не являются результатом культурных влияний западных журналов с непременными красотками на глянцевах разворотах. Впрочем, другие исследования заставляют предположить, что в традиционных обществах более распространенным критерием выбора служит просто масса тела. Вполне вероятно, что эти различия отражают факт, что мужские предпочтения перед тем или иным типом женской фигуры напрямую соотносятся с тем, что является самым верным признаком женской детородной функции в конкретных местных условиях. «Рубенсовская» полнота служит лучшим сигналом биологической пригодности женщины в среде, где ощущается нехватка продовольствия (то есть в большинстве маленьких традиционных общин), а там, где нет угрозы голода, лучшим показателем является СТБ. Одно из вероятных объяснений заключается в том, что масса тела матери говорит о том, сколько дополнительной энергии она способна передать ребенку, а в традиционных обществах, пожалуй, это является единственно важным условием развития и выживания детей. И наоборот, там, где вопрос физического выживания стоит не столь остро – как в современных развитых странах, – тучность матери вовсе не так важна для ее чадородия, как иные, сугубо гормональные данные. Иными словами, вкусы мужчин могут меняться, подстраиваясь под конкретные экономические обстоятельства.

Так случилось, что мы с Богуславом Павловским обнаружили данные, говорящие в пользу такой гипотезы. Нам удалось показать на примере нескольких тысяч польских женщин, что СТБ служит лучшим предсказателем веса новорожденного (ключевой фактор, определяющий выживание младенца, а значит, и свидетельство готовности матери произвести его на свет) для женщин крупного телосложения (весом свыше 54 кг). А вот для миниатюрных женщин, весящих меньше 54 кг, лучшим предсказателем выступает индекс массы тела (отношение веса к росту – широко принятый коэффициент абсолютной полноты). Женщины в большинстве маленьких традиционных обществ чаще всего попадают во вторую весовую категорию, и, возможно, именно по этой причине мужчины в таких обществах при оценке женской красоты обращают больше внимания на общую упитанность.

Независимо от мужских оценок, факт остается фактом: сигналы, которые подает форма женского тела, в самом деле отражают ее способность к чадородию. В ходе полового созревания женщинам приходится добирать жировую массу. Между прочим, существует

взаимосвязь между СТБ и фертильностью (способностью к овуляции): дело в том, что отложение жира (в частности, на бедрах) регулируется эстрогеном. Средний уровень жировых запасов организма отражает и общее состояние здоровья. Как показало одно финское исследование, у женщин с низким коэффициентом СТБ (близким к 0,7, что указывает на тонкую талию и широкие бедра) наблюдается более низкое кровяное давление и более низкий уровень холестерина и триглицеридов, чем у женщин с высоким коэффициентом СТБ (приближающимся к 1,0). Сходным образом в выборке из студенток, относившихся к группе от худеньких до упитанных (но не чрезмерно тучных), полнота лица отрицательно коррелировала с частотой и тяжестью грудных инфекций и высоким кровяным давлением, а положительно – с приемом антибиотиков в прошлом. Есть данные и по влиянию соотношения объема талии и бедер матери на развитие младенца. Исследование, охватившее 16 300 американских матерей с младенцами, показало, что СТБ матери находилось в обратной пропорции к IQ (коэффициенту умственного развития) ребенка (то есть у женщин, чье СТБ приближалось к 0,7, рождались дети с более высоким IQ). Особенно четко такая закономерность просматривалась у совсем юных матерей. Авторы исследования настаивали, что это объясняется уровнем доступности энергетических ресурсов во время развития плода.

Цель таких внешних сигналов – не просто сделать девушку привлекательной в глазах юношей, но еще и привлечь юношей к ней, чтобы было из кого выбирать. Для этого все средства хороши. Кроме духов, о которых мы уже говорили во второй главе, есть еще декоративная косметика: ее задача – усилить посылаемый сигнал. Косметика существует с древнейших времен – еще в 1400 году до н. э. в гробницах трех придворных дам из окружения египетского фараона Тутмоса III обнаружены многочисленные баночки со всевозможными притираниями, в том числе с очищающим кремом из смеси растительного масла с известью. Знатные женщины сильно подводили глаза, чтобы они казались больше, темной краской для век (из темно-серого галенита, или свинцового блеска; она по сей день активно используется в Африке) или истолченным в зеленый порошок малахитом. Тени вокруг глаз, по-видимому, имитируют естественное потемнение век в период овуляции (что, вероятно, вызывается повышением кровяного давления) и, таким образом, сигнализируют о повышенной репродуктивной способности. Похожим образом румяна (в большей степени у светложких людей) призваны симулировать естественный румянец в минуты возбуждения.

Подобные сигналы посылают и походка, и одежда, и манера поведения и разговора. Карл Граммер из Венского университета, чья лаборатория проводила едва ли не самые масштабные за последние три десятилетия исследования человеческого ухаживания, снимал на пленку молодых женщин, удалявшихся от камеры, и выяснил, что они заметно сильнее покачивают бедрами в период овуляции, чем в остальные периоды менструального цикла. Эти женщины находились в ночных клубах и дансингах, то есть «вышли на охоту». Граммер и его команда не только вели запись телодвижений, но и отмечали откровенность, с какой эти женщины были одеты; как выяснилось, в период овуляции они обнажались заметно больше, чем в другие дни цикла.

Исследования человеческого ухаживания, проводившиеся в «барах свиданий», обнаружили ряд характерных поведенческих приемов, используемых женщинами, которые испытывают интерес к собеседнику. В частности, они подаются к нему верхней частью тела, встряхивают головой, поправляют волосы, по-особому смеются. Часто перед этим они ненадолго задерживаются взглядом на глазах мужчины (причем в это мгновение зрачки у них заметно расширяются) – а затем как бы смущенно отводят глаза. Граммер отметил, что женское поведение явно нацелено на контроль над процессом ухаживания, при том что откровенным отказом они отвечают крайне редко. Можно сказать, женщины нарочно ведут себя неоднозначно, почти не подавая мужчинам сигналов о своих истинных намерениях. При этом, очевидно, идет зондирование, насколько мужчина подходит им в качестве партнера. В результате женщины стараются сохранять неопределенность как можно дольше, что свидетельствует о том, насколько для них важно вначале убедиться, что мужчина им

подходит, а потом уже посылать ему сигналы согласия и готовности. Граммер предположил, что именно поэтому мужчины часто переоценивают степень внимания, уделяемого женщиной в первую пору знакомства.

Сколько бы мы ни отрицали важную роль фигуры, факт остается фактом: подсознательно мы реагируем на сигналы от представителей своего пола ничуть не меньше, чем от противоположного. Дуг Кенрик и его коллеги показывали участницам своего эксперимента фотографии женщин-моделей, а потом отмечали уровень их настроения до и после просмотра. Настроение женщин после просмотра фото значительно падало: они гораздо ниже оценивали собственную внешность. Сходным образом, после того как мужчинам показывали фото тех же самых женщин-моделей, они находили своих жен значительно менее привлекательными и выказывали большее недовольство своими супружескими отношениями.

Заодно выяснилось, что расхожее мнение о рослых красавцах-брюнетках не так уж далеко от истины. Во всяком случае, в том, что касается роста, все обстоит именно так. Мы с Богуславом Павловским проанализировали биографические данные 4419 польских мужчин из города Вроцлав и выяснили, что более высокие мужчины чаще оказывались женаты и имели больше детей, чем низкорослые, при постоянстве таких факторов, как уровень образования и место рождения. Сходное соотношение между ростом и количеством детей обнаружилось и в изученной группе из 1950 курсантов престижной американской военной академии в Вест-Пойнте (хотя в этом случае большее количество детей соответствовало большему количеству браков). Позднее Дэниел Неттл попытался выявить такое же соотношение для масштабной выборки британских мужчин (на примере национального статистического замера детского развития за 1958 год, охватившего всех детей, родившихся в Англии и Уэльсе в течение одной недели марта 1958 года), однако не смог; зато он обнаружил взаимосвязь между ростом и семейным положением, что в традиционном обществе, где не применяются средства контрацепции, безусловно сказалось бы на количестве детей.

Похоже, женщины и в самом деле явно предпочитают более рослых мужчин. Это подтверждает, в частности, и наше исследование, опиравшееся на выборку польских мужчин. Выяснилось, что существует долговременный тренд соотношения между ростом мужчин и численностью их потомства. В годы Второй мировой войны Польша потеряла больше мужчин в пересчете на душу населения, чем любая другая европейская страна. В результате, когда подростки, пережившие войну, в течение следующего десятилетия вошли в брачный возраст, выбор у женщин был не слишком велик. А потому в тот временной период свидетельства о том, что женщины предпочитают более высоких мужчин, были ничтожны. Однако в каждое последующее десятилетие, вплоть до 1980-х годов, эффект таких предпочтений проявлялся все ярче и ярче: ведь постепенно женихов у каждой женщины становилось все больше.

Когда же Неттл обратился к статистическим данным по росту женщин в Соединенном Королевстве из выборки, охватывавшей когорту рождения того же 1958 года, обнаружилась иная картина. Получилась на удивление горбатая кривая, которая показывала, что самые низкорослые и самые высокие женщины произвели в течение жизни гораздо меньше детей, чем женщины среднего роста. Средний рост женщин из этой выборки составлял 163 см, а рост наиболее плодовитых женщин – 150 см. Закономерность наблюдалась даже после того, как были учтены такие показатели, как социально-экономическое положение и частота перенесенных серьезных заболеваний (поскольку эти факторы соотносятся с ростом женщин). Причина пониженного чадородия у женщин, оказавшихся на противоположных концах шкалы роста, видимо, заключалась в том, что очень рослые и, наоборот, очень низкорослые женщины гораздо реже выходили замуж или состояли в длительных отношениях с мужчинами, чем женщины среднего роста. Это наводит на мысль о том, что люди в действительности подвергаются противоречивому давлению отбора: женщины предпочитают более рослых мужчин, а вот мужчинам больше нравятся не слишком высокие

женщины. Таким образом, стабилизирующий отбор сохраняет наш средневидовой рост более или менее постоянным и препятствует тому, чтобы шальной естественный отбор изменил эту картину, превратив нас в коротышек или дылд.

Однако есть у такого явления, как ухаживание, и обратная сторона. Недавнее исследование показало, что общение с противоположным полом ослабляет у мужчин (но не у женщин!) когнитивную функцию. Опыт проводили в форме обычного упражнения на память: испытуемым показывали на компьютерном мониторе ряды букв, а потом просили сказать, в каждом ли случае последняя буква совпадала с предпоследней. Посередине задания им предлагалось сделать перерыв в комнате, где в течение нескольких минут их занимал разговором кто-нибудь из товарищей – мужчина или женщина. Когда испытуемые возвращались к компьютерам и продолжали выполнять задание, те мужчины, которые разговаривали во время перерыва с женщинами, справлялись с заданием гораздо хуже, чем те, кто беседовал с мужчинами, причем справлялись тем хуже, чем симпатичнее (по их оценке) была собеседница. У женщин, участвовавших в эксперименте, подобного эффекта не обнаружилось. Увы, получается, мужчина при виде хорошеньких девушек и правда склонен терять голову.

Лица в толпе

Мужчины и женщины демонстрируют поразительное постоянство в предпочтении соответственно мужественных лиц у мужчин и женственных лиц у женщин, причем такие предпочтения не знают ни культурных, ни национальных границ. Дейв Перретт из университета Сент-Эндрюз профессионально изучает такое явление, как привлекательность человеческих лиц. Он и его студенты разработали весьма хитроумные компьютерные программы, позволяющие составлять искусственные изображения лиц, в которых усреднены черты лиц множества представителей одного пола, а затем привносятся другие черты, которые придают им более мужественный или женственный вид. Черты, пользующиеся у обоих полов предпочтением, достаточно отчетливы: женщинам (и в некоторой степени мужчинам) больше нравятся мужчины с мужественными лицами (массивный подбородок, широкие скулы, выступающая нижняя часть лица, большие глаза, выдающиеся надбровные дуги, более смуглая кожа – все эти черты формируются под воздействием высокого уровня тестостерона). У женщин и тем и другим нравятся более женственные лица (небольшой подбородок, тонкая верхняя губа, менее выдающиеся надбровные дуги, узкие скулы, не такие большие глаза и более светлая кожа). Программа позволяет постепенно менять лицо, делая его более женственным и менее мужественным, а потом наоборот, просто корректируя нужные признаки в том или другом направлении.

Тестостерон, вызывающий такие изменения черт, которые позволяют уверенно отличать мужское лицо от женского, – довольно дорогое удовольствие: он увеличивает нагрузку на иммунную систему и тем самым снижает иммунитет. Поэтому мужчины с повышенным уровнем тестостерона менее устойчивы к инфекциям. В этом смысле мужественные черты лица служат безошибочным признаком хорошего качества генов, так как свидетельствуют о способности организма справляться со всеми нагрузками, которые влечет за собой выработка большого количества тестостерона. По сравнению с мужскими лицами женские лица более неотеничны (то есть ближе к младенческим). У младенцев совершенно особое строение лица: высокий лоб и укороченная нижняя часть лица. По мере того как мы растем, наши лица постепенно меняют форму и становятся прогнатическими – иными словами, нижняя челюсть опускается и начинает выдаваться вперед. Отношение расстояния между глазами и макушкой к расстоянию между глазами и подбородком очень велико у младенцев (ведь у них почти всю голову занимает мозг), но с возрастом этот показатель неуклонно снижается. По достижении половой зрелости черты лица у мужчин меняются быстрее, нижняя часть лица удлиняется, и появляется более тяжелый и угловатый – мужской – подбородок.

Изучая женские черты лица, Дуг Джонс измерил различные его пропорции, обобщил в

единый сводный индекс, а потом соотнес его с возрастом, чтобы получить соотношение формы лица с возрастом. Затем он использовал полученную формулу, для того чтобы исходя из возраста женщины прогнозировать, какие примерно черты лица у нее могут быть. Сравнивая эти прогнозируемые формы с действительными формами, он получал простой индекс относительной неотенности. Когда испытуемых из пяти различных культурных групп попросили оценить женские лица по степени привлекательности, обнаружилось, что оценка женской привлекательности возрастала по мере того, как увеличивалась разница между прогнозированным и действительным возрастом: проще говоря, женщины, которые выглядели моложе своих истинных лет, были сочтены более привлекательными. Далее Джонс проанализировал лица журнальных моделей. По сравнению со стандартной кривой графика, отражавшего отношение черт лица к возрасту, лица этих женщин соответствовали лицам семилетних детей. Кукольные личики журнальных красоток были чрезмерно неотеничны. Вообще неотения черт воспринимается как признак юности и, возможно, выработалась в результате того, что мужчины всегда предпочитали женщин с более юными или молоджавыми лицами. Тем же, возможно, объясняется такое прискорбное явление, как педофилия.

Люди живут долго, так что соотнести их внешность в молодости с успехом в течение жизни довольно трудно. Особенно проблематично это для эволюционных исследований, потому что для них важно прежде всего количество детей и внуков, появившихся у человека в течение репродуктивного периода его жизни. Но иногда благодаря счастливой случайности в руки ученых попадают нужные сведения. Социологам Ульриху Мюллеру и Аллану Мазуру удалось получить фотографии курсантов из Вест-Пойнта и сопоставить индексы пропорций их лиц как с дальнейшей карьерой, так и с величиной семьи: все эти сведения были тщательно занесены в личные дела выпускников. Прежде всего выяснилось, что мужчины с доминантными (более маскулинными) чертами лица завершили военную карьеру в более высоком чине, чем те, у кого лица были менее мужественными. Далее, оказалось, что военные, которые успешнее продвигались по службе, произвели на свет большее количество детей и внуков. Однако дух соперничества влек за собой и определенные потери. Те, кто дослужился до высшего чина (то есть до полного генерала), обычно имели меньше детей: возможно, перетрудились или перенапряглись на службе, либо сама конкурентная система требует от победителей определенных жертв.

Однако самым, пожалуй, удивительным открытием, сделанным в ходе исследований черт лица, стало то, как меняется женская оценка мужской внешности в течение менструального цикла. Во время овуляторной (или фолликулярной) фазы женщины отдают предпочтение мужчинам с куда более маскулинными лицами, чем в другие дни цикла. Кроме того, женщинам в фолликулярной фазе нравятся более симметричные лица. Но ведь и ярко выраженная мужественность черт, и лицевая симметрия свидетельствуют о качестве генов: они показали свою устойчивость против неблагоприятных воздействий среды на протяжении всего развития организма. Такое объяснение, пожалуй, отражает проблему выбора между донжуаном и верным супругом (об этом подробнее в седьмой главе). По сути, когда женщины готовы к зачатию, они вдруг отдают предпочтение мужчинам с внешностью, говорящей о наличии хороших генов, однако в остальное время предпочитают партнеров с более женственными чертами лица, поскольку те свидетельствуют о большей заботливости. Иными словами, подсознательная стратегия такова: зачать ребенка от мужчины с наилучшим набором генов, а затем найти этому ребенку самого ответственного и заботливого папу.

И наконец, любопытное открытие, сделанное Дэвидом Перреттом и его коллегами, заключается в том, что мы стремимся выбирать партнеров, которые напоминают наших родителей противоположного пола – как чертами лица, так и цветом глаз и волос. Сходные результаты были получены и при изучении одной венгерской выборки. Наиболее явным случаем сходства с родителями могут служить расовые особенности, поскольку тут яркими показателями выступают цвет глаз и вид волос. Именно поэтому они помогают провести особенно наглядный эксперимент. И вот выяснилось, что дети от смешанных браков явно склонны выбирать себе брачного партнера той расы, к которой принадлежит их родитель

противоположного пола. Этот эффект притяжения настолько силен, что «поздние» дети, появившиеся на свет, когда их родители были уже не очень молоды, обычно выбирают себе партнеров приблизительно того возраста, в котором находились в пору их раннего детства их собственные родители. Иначе говоря, человек, родившийся, когда его папе и маме было лет сорок, скорее всего будет выбирать себе партнеров постарше, независимо от собственного возраста, а человек, родившийся, когда его маме и папе было лет двадцать с небольшим, наоборот, будет искать себе партнеров помладше. Конечно, ни одно из этих явлений не является безусловным. Но, судя по статистике, все они проявляются значительно чаще, чем можно было бы ожидать, если бы мы выбирали себе партнеров вполне произвольно.

Разумеется, лица сообщают множество самой разной информации не только о наличии или отсутствии хороших генов; также они свидетельствуют о родственной близости или о личных качествах. Эксперимент канадской исследовательницы Лайзы Дебрюин показал: оценивая лица на фотографиях (которые представляли собой либо собственные черты участников, трансформированные по типу противоположного пола, либо усредненные черты посторонних людей), испытуемые находили людей, похожих на себя, более привлекательными для длительных отношений (аспект совместной жизни и заботы), но менее привлекательными для кратковременного романа (аспект хороших генов). Это наводит на мысль, что мы в состоянии считывать и такого рода информацию, чтобы руководствоваться ею, делая выбор.

Со сходством лиц связано одно любопытное явление. Людям настолько важно привязать отца к малышу, убедить его в том, что это его родное дитя, что мать и родители матери часто замечают: надо же, до чего новорожденный похож на отца, – причем, как правило, в присутствии последнего. Такое поведение не знает культурных границ – оно наблюдается и у северных американцев, и у мексиканцев. Замечания неизменно касаются черт лица: у малыша, оказывается, папины глаза, папин нос, папин рот или подбородок; не обделяются вниманием даже уши и лоб. Но на самом деле новорожденные младенцы еще ни на кого толком не похожи! Семейное сходство проступает позже, когда дети подрастают. Больше того: эволюция, похоже, старательно позаботилась о том, чтобы младенческие лица были нейтральными и не обнаруживали особого сходства ни с кем – просто на тот случай, если отец – не настоящий отец. А к тому времени, когда у ребенка уже проявятся во всей полноте черты его взрослых родственников и сходство с биологическими родителями, он успеет прожить вместе со своим приемным отцом лет десять, а то и больше: «папочка» уже крепко к нему привязался. Биологическая потребность у родственников матери отпустить подобные замечания настолько велика, что их практически не избежать при рождении любого малыша. Такое ощущение, что мать и ее родня отчаянно пытаются убедить мужа в том, что он – кровный отец ребенка.

Возможно, это поведение появилось не на пустом месте. Мой бывший коллега Стив Платек проводил такой эксперимент: он просил мужчин и женщин расположить по ранжиру пять искусственно составленных фотографий двухлетних детей, лица которых содержали от 3 до 50 % сходства с лицами испытуемых, и сказать, кто из малышей кажется им наиболее привлекательным – настолько, что они захотели бы помочь ему деньгами или даже усыновить (удочерить). И мужчины, и женщины продемонстрировали удивительную тенденцию: они отдавали предпочтение лицам, имевшим по крайней мере 25 % сходства с их собственными. Однако у мужчин этот эффект проявлялся приблизительно вдвое сильнее, чем у женщин. Для сравнения: лица с 3; 6 или 12,5 % сходства выбирались в рамках статистической погрешности. После эксперимента испытуемые (студенты университета) признавались: они не отдавали себе отчета, что фактически выбирали детей, похожих на себя. По-видимому, эта реакция была чисто подсознательной. Затем провели другой опыт. Во время сеанса нейровизуализации небольшой группе мужчин и женщин показывали фотографии, на которых их собственные лица были поровну «смешаны» компьютерным способом или с лицом двухлетнего ребенка, или с чужим взрослым лицом. Мужчины гораздо

живее реагировали на детские «вариации» их собственных лиц (хотя женщины сильнее реагировали на любые детские лица). Помимо того что у представителей обоих полов активизировалась отвечающая за узнавание лиц веретенообразная извилина мозга (что неудивительно, учитывая характер задания), у мужчин наблюдалась более высокая, чем у женщин, активность в ряде участков лобной доли. Пожалуй, они не только были больше женщин настроены на распознавание собственных черт в лицах детей, но и гораздо интенсивнее обрабатывали получаемую информацию. Похоже, мужчины гораздо внимательнее всматриваются в детское лицо, как бы ища верных признаков, которые убедят их в том, что ребенок – в самом деле их, а не чужой.

Исчерпывающе, на мой взгляд, о роли лица в подсознательной коммуникации говорит бытующий в различных культурах обычай. Во многих традиционных обществах (к которым в не столь уж отдаленные времена принадлежала и Западная Европа) женщинам полагается покрывать голову платком. А сегодня притчей во языцех стала шариатская норма, принятая в ряде стран, придерживающихся наиболее радикальных форм ислама: женщине нельзя появляться на людях иначе как закутанной в покрывало с головы до ног. Очевидная причина этого – стремление оградить женщину от нежелательного мужского внимания, минимизировав количество сигналов, посылаемых человеческим лицом во внешний мир.

Власть симметрии

Симметрия парных органов считается важным признаком хорошего качества генов. По-видимому, она отражает их способность точно «зеркалить» другую сторону тела вопреки всем травмам и повреждениям, которые организм претерпевает в процессе роста. Поскольку буквально каждый кашель и чих, каждый короткий период нехватки пищи, каждая инфекция дестабилизируют процессы нашего развития, то гены, которые, вопреки неблагоприятным обстоятельствам, все равно порождают безупречную симметрию, должны быть очень качественными. Разница между правой и левой стороной часто бывает ничтожной, практически незаметной: скажем, чуть длиннее оказывается мочка одного уха или указательный палец на одной из рук. И все-таки, похоже, мы каким-то образом ухитряемся улавливать эти различия. За последние три десятилетия проведено немало статистических и экспериментальных исследований симметрии (которая в специальной литературе парадоксальным образом именуется «флуктуирующей асимметрией») и зависимости от нее брачного выбора. Результаты получились резонансные. Если же говорить о людях, представители обоих полов считают более привлекательными мужчин (но, что любопытно, не женщин) с более симметричным сложением. С другой стороны, у женщин, по-видимому, симметрия груди коррелирует с репродуктивными способностями: у женщин с симметричной грудью рождается больше детей. Вдобавок мужчины и женщины с симметричными чертами обладают более высоким интеллектом, и – о ужас! – у мужчин с более высоким интеллектом выше и качество спермы: это относится и к ее количеству, и к концентрации и подвижности сперматозоидов (все эти параметры влияют на мужскую фертильность). Чем объясняется такая закономерность – это уже другой вопрос.

Как ни обидно, кому-то природа дарит все, а кому-то ничего. Но в итоге в чем бы ни заключалось эволюционное значение симметрии, тяга к ней во многом определяет наш выбор партнера. И мы к ней настолько восприимчивы, что замечаем даже малейшие отклонения.

Больше того. Уилл Браун (работавший тогда в американском Ратгерском университете) снимал на видео танцующих мужчин и женщин на Ямайке и выявил корреляцию между симметричным телосложением мужчин (определяемым по средней разнице между толщиной левой и правой лодыжки и запястья, а также длиной левого и правого указательного пальца и уха) и их умением танцевать (по оценкам обоих полов). Причем у мужчин такое соответствие оказалось куда более выраженным, чем у женщин. Видимо, по этой причине представители обоих полов больше обращали внимание на симметричное сложение танцоров, чем

танцовщиц, и женщины в большей степени, чем мужчины. По-видимому, женщины и в этом отношении оказывают значительно большее селекционное давление на мужчин, чем те на женщин, и заставляют их на пределе сил стремиться к совершенству.

Я часто задавался не изученным пока вопросом, насколько симметрия и физическое изящество определяют любовь женщин к высоким каблукам. Что в свою очередь имеет два важных следствия. Во-первых, каблуки заставляют слегка сгибать колени, что придает телу большее напряжение, которое, как и разругавшиеся щеки, свидетельствует о возбуждении, в том числе сексуальном. Иными словами, каблуки делают женщину более соблазнительной. Но они вызывают и еще один эффект: бедра у женщин, как правило, шире, чем у мужчин, и дополнительно раскачиваются при ходьбе на каблуках (для сохранения равновесия), особенно на каблуках-шпильках, так что можно даже сказать, что каблуки – это биологическая помеха. Красиво ходить на высоких каблуках было бы еще сложнее, если бы женщина не обладала хорошей координацией движений (может быть, еще и хорошим чувством ритма?). Таким образом, умение ходить на каблуках прямо доказывает высокое качество ее генов. Кроме того, оно косвенно свидетельствует о подходящем возрасте: ведь на такую эквилибристику способно только ловкое, гибкое, юное тело.

Обширные исследования, проведенные в Альбукеркском университете Стивом Гангстадом и Рэнди Торнхиллом, показали, что у мужчин с более симметричным телосложением (иными словами, с пониженной флуктуирующей асимметрией) имелось больше сексуальных партнерш и у них чаще были внебрачные связи. Ни текущее материальное состояние этих мужчин, ни виды на их доходы и богатство в будущем на частоту их внебрачных связей никак не влияли. Сходным образом выяснилось, что более симметрично сложенные мужчины чаще оказывались в роли внебрачных партнеров женщин, состоявших в постоянных отношениях с другими мужчинами. И наконец, женщины, оказывается, чаще испытывают оргазм с более симметрично сложенными мужчинами. Кроме того, женщины находят, что от симметричных мужчин приятнее пахнет. Учитывая все, что мы уже узнали, можно будет не удивляться, если кто-нибудь обнаружит, что симметрично сложенные мужчины больше всего нравятся женщинам в период овуляции.

* * *

Но довольно о выборе партнеров и романтических отношениях. Ведь у нас, как я уже упомянул в первой главе, имеются отношения и другого свойства. И тоже со взрослыми людьми, которые нам не менее дороги. Разумеется, я имею в виду родственников и друзей. Вот о них-то мы и поговорим подробнее в следующей главе.

6

По дружбе или по родству

*И вот с тобой сошлись мы вновь,
Твоя рука – в моей.
Я пью за старую любовь,
За дружбу прежних дней!*
Роберт Бернс. Старая дружба¹⁵

Нам свойственно создавать шумиху вокруг своего торжественного бракосочетания. И пышно праздновать свадьбу, ожидая, что брак будет длиться вечно. Но в традиционных обществах охотников и собирателей – той самой среде, в которой человечество провело большую часть своей эволюционной истории, – брачные союзы далеко не всегда так торжественны или долговечны. Просто двое решают жить вместе, а потом, естественно, у

15 Перевод С. Я. Маршака.

них рождаются дети. Надоев же друг другу, они расстаются и находят новых партнеров. У аче – первобытного народа восточного Парагвая – среднее число партнеров, имевшихся у отдельного мужчины или женщины в течение жизни, колеблется между десятью и двенадцатью. Пускай даже во многих случаях новый партнер появляется по причине смерти предыдущего, общественная структура племени все равно остается весьма подвижной и переменчивой.

Но насколько отличаются наши романтические отношения от других видов человеческих уз, пронизывающих сложно устроенное общество? В этой главе я хочу сравнить романтическую любовь с двумя другими характерными видами отношений, которые хорошо знакомы всем нам: с семейными и дружескими узами.

Родные и друзья

Нравится нам это или нет, мы приходим в мир, пронизанный родственными связями. У каждого из нас есть родители и бабушки с дедушками, у многих есть еще родные братья и сестры, тети и дяди, кузены и кузины. Эти родственные связи расходятся от нас концентрическими кругами, делаясь все шире по мере удаления степеней родства. Одних людей связывает с нами прямое биологическое родство, с другими мы породнились через брак – это наши свойственники, или, как выражаются антропологи, аффинные родственники. Хотя свойственники не связаны с нами узами крови – а потому биологи-эволюционисты обычно обходят вниманием аффинные связи, – с нашей биологической родней их объединяет то, что по причине нашего брака они генетически заинтересованы в нашем потомстве. С точки зрения биологии это ставит их на одну доску с нашими кровными родственниками (то есть с людьми, происходящими от тех же предков, что и мы).

Однако между современными постиндустриальными обществами и традиционными маленькими обществами есть одно существенное различие. В маленьких обществах – будь то охотники и собиратели в Парагвае, или островные общины на шотландских Гебридах, или сельские общины в горах Северной Америки, – практически все, кто находится в поле зрения каждого человека, так или иначе связаны с ним хотя бы отдаленными узами родства. Место человека в таком обществе определяется его родственными отношениями. Они диктуют ему, как с кем здороваться, как с кем шутить (и стоит ли это вообще делать) и – что, наверное, важнее всего – с кем вступать в брак. В современных же постиндустриальных обществах к опутывающей нас сети родственных связей добавляются тесные отношения с людьми, не соединенными с нами абсолютно никакими степенями биологического родства. Их мы называем друзьями. В каком-то смысле наш социум состоит из двух совершенно самостоятельных, отдельных систем – из сети родственных связей и сети дружеских связей, и эти две сети накладываются одна на другую и сплетаются. Наша личная социальная сеть в среднем поровну охватывает друзей и родственников, однако в каждом конкретном случае соотношение между обеими группами зависит от численности семьи в широком смысле. Ведь на первое место мы ставим обычно родню. Анализируя примеры личных социальных сетей в Бельгии и Соединенном Королевстве, мы с соавторами выяснили, что те люди, у кого больше родственников, имеют меньше друзей. Такое впечатление, что количество персональных «подключений» для социальных связей у человека изначально ограничено. Прежде всего он подключает родню, а уже оставшиеся «слоты» достаются друзьям. Этому имеется по меньшей мере два возможных объяснения.

Первое – это давление так называемого семейного отбора, заставляющее нас отдавать предпочтение родне из соображений эволюционной выгоды, потому что, поступая так, мы способствуем распространению наших общих генов. Когда у нас с кем-то есть общие предки, это значит, что общая у нас и часть генов, доставшаяся нам от этого предка (или нескольких предков). В строго моногамных брачных системах это означает, что мы делим примерно половину всей совокупности наших генов с родными братьями и сестрами¹⁶, около четверти

16 Строго говоря, речь идет о 50 %-ной вероятности унаследовать тот или иной ген, справедливой для

– с нашими дедушками и бабушками и примерно одну восьмую – с двоюродными братьями. То есть теоретически самоотверженность по отношению к родственнику принесет генетическую пользу самому альтруисту, так как будет способствовать воспроизводству общих генов. Практически это проявляется в том, что когда мы попадаем в беду, как правило, родственники помогают нам охотнее и активнее, чем друзья, не связанные с нами узами родства. Кровь и правда не водица – и в буквальном, и в переносном смысле. Другая причина того, что мы обычно ставим на первое место родню, по-видимому, заключается в том, что поддерживать семейные связи, как правило, проще, чем дружбу. На этой второй причине я подробнее остановлюсь в следующем разделе. Прежде необходимо рассказать кое-что еще о структуре социальных взаимосвязей.

Если мы попробуем мысленно охватить всех людей, которых знаем, и распределить их по степени близости к нам, то скорее всего получится несколько групп. Внутри каждой такой группы окажутся люди, которых связывает с нами примерно одинаковая эмоциональная близость, а между группами будут наблюдаться относительно ярко выраженные «ступеньки», обозначающие различия в степенях близости. По сути, это своего рода ближние и дальние круги друзей (в «фейсбучном» понимании этого слова). По мере того как мы двигаемся все дальше – от самого тесного круга ближайших друзей к самым дальним кругам шапочных знакомых, – становятся очевидными две вещи. Во-первых, каждый последующий круг шире предыдущего. Во-вторых, существует тесная взаимосвязь между уровнем нашей эмоциональной близости с человеком и частотой общения с ним, причем по мере удаления от центра круга к его периферии оба показателя снижаются. Эта система концентрических кругов начинается с внутреннего, самого малого круга, состоящего примерно из пяти самых близких друзей, а далее расширяется, охватывая группы, куда входит (вместе с промежуточными кругами) от пятнадцати лучших друзей до пятидесяти хороших. Предельное количество составляет около 150 друзей (теперь оно уже известно как «число Данбара»). За пределами этого внешнего круга, включающего 150 человек, находятся еще несколько кругов общения, еще более обширных, куда входят в основном случайные знакомые и люди, которых мы знаем в лицо или по имени, но с которыми никогда не встречались лично, и, уж конечно, никогда не поддерживали отношений (в том числе знаменитости и телеперсонажи, которых мы сразу узнали бы где-нибудь на улице, хотя они ни сном ни духом не подозревают о нашем существовании).

Люди всех упомянутых кругов – вовсе не обязательно ныне живые и здравствующие. Туда могут входить и умершие родственники, и знаменитые люди прошлого, и значимые для верующих персонажи вроде Иисуса Христа, пророка Мухаммеда, святых или богов любой религии, и даже герои любимых сериалов. Круги могут включать наших домашних животных и даже растения – если мы ощущаем с ними особую связь (ну, скажем, разговариваем с ними). Вполне возможно, что некоторые из упомянутых существ и существ у кого-то располагаются в самом ближнем кругу – ведь чтобы включить их туда, достаточно лишь, чтобы они были нам дороги.

Каждый из кругов приносит нам определенную пользу. Первый, охватывающий примерно пять близких людей, – наша главная опора. Эти люди оказывают нам эмоциональную поддержку, к ним мы обращаемся в первую очередь, когда нуждаемся в совете (особенно если у нас появляются сложности в личной жизни), финансовой или иной поддержке. Именно эти люди первыми придут нам на помощь, когда она всего нужнее. Обычно в их число входят ближайшие члены семьи, но наверняка там же окажется один-два друга, не связанных с нами кровным родством. Второй, более широкий круг включает еще около десяти человек, которые вместе с пятью ближайшими друзьями образуют так называемую группу сострадания: смерть любого из них, случись она завтра, причинит нам

каждого из генов. Это примерно то же самое, но с точки зрения генетики чисто технически так происходит не всегда, и многое зависит от технологии расчета. Для простоты мы все же будем считать, что у родных братьев и сестер генетический набор совпадает наполовину.

огромное горе. С этими пятнадцатью мы больше всего общаемся, с ними мы чаще всего видимся и занимаемся совместными делами. Это они добровольно вызываются присмотреть за нашими детьми, когда нам это необходимо, или предлагают помощь, когда мы переезжаем, или что-то ремонтируем, или чиним, и именно их мы в первую очередь приглашаем на шашлыки или на ужин. От времени, отведенного на общение, этим пятнадцатью мы уделяем около 60 %; именно их уместно сравнить с нашими романтическими партнерами.

За пределами этих двух кругов находится еще около 130 человек, которых мы тоже относим к своему окружению: это разного рода приятели, друзья друзей, дальние родственники. Всех их мы охотно выделяем из толпы, вернее, из тех сравнительно анонимных отношений, которые складываются у нас с остальным миром, лежащим за пределами магического круга, описываемого «числом Данбара». Люди этих внешних кругов оказывают нам самый широкий спектр услуг, информируя об окружающем мире (например, о рабочих вакансиях), и служат своего рода резервом на случай, если кто-то выпадет из ближнего круга. Специалисты называют эти внешние круги областью «слабых взаимодействий»: к людям этих кругов мы не испытываем особых чувств, да и связаны с ними порой не напрямую («друзья друзей»).

Как важно быть на связи

В последние годы появляется все больше данных о том, что количество и прочность дружеских связей в значительной степени влияют на наше здоровье и на здоровье наших детей. Если у нас есть друзья, если мы состоим в браке или принадлежим к какой-нибудь тесной, сплоченной общине интересами группе (вроде религиозной общины), то это снижает риск заболеть и ускоряет выздоровление в случае, если мы все-таки заболели. В ходе одного эксперимента, когда испытуемых подвергали воздействию вируса обычного ОРВИ, у тех, кто имел больше друзей, простудные симптомы проявлялись заметно меньше. Другое исследование показало, что у пациентов, состоявших в счастливом супружестве, раны заживали быстрее, чем у пациентов, несчастливых в браке. Получается, наш ближайший социальный круг каким-то неведомым образом защищает и оберегает нас. Впрочем, одна из возможных разгадок этого таинственного явления – эндорфины, которые вырабатываются в нашем организме при общении с родными и близкими и, похоже, поддерживают иммунную систему.

В своей книге «Связанные одной сетью» социологи из Гарварда Николас Кристакис и Джеймс Фаулер подробно разбирают значение дружеских связей в нашей жизни. Оказывается, у нас больше шансов в будущем растолстеть, стать счастливыми или впасть в депрессию, бросить курить, развестись или даже умереть, если это произошло с кем-то из нашего ближайшего круга общения. Они обнаружили заметные признаки такого явления вплоть до «друзей третьей степени» – друзей друзей наших друзей. Иногда эти более широкие дружеские круги неожиданно начинают играть важную роль в нашей любовной жизни: примерно 70 % людей знакомятся со своими будущими партнерами через кого-нибудь из родственников или через «друга в третьей степени». И напротив, лишь 3 % знакомятся со случайным партнером «на одну ночь» через родственника, и только 37 % – через «друзей в третьей степени». Получается, сваха никуда не делась, просто теперь ее функцию выполняет целая группа. Отчасти это объясняется тем, что наши друзья как бы выступают гарантами хороших качеств потенциального партнера, ручаясь за него за как подходящего и надежного спутника жизни, и тем самым помогают нам избежать выбора вслепую. Такое поручительство гораздо важнее, когда мы ищем постоянного партнера, чем в случае ни к чему не обязывающего знакомства «на одну ночь».

При выборе партнера мы полагаемся не только на чужие советы. Результаты опытов на животных свидетельствуют о том, что самки перенимают друг у друга предпочтения в отношении самцов. Такое впечатление, что для определения самых привлекательных партнеров они используют нечто вроде рейтинговой системы. Похожее наблюдается и у

людей. Если все вокруг считают, что мистер Дарси – писанный красавец и душа, значит, скорее всего он и вправду писанный красавец и душа. Дешево и сердито – можно не тратить время и силы на самостоятельные оценки. Это – частный случай «эффекта обручального кольца»: женатые мужчины (коль скоро на них уже кто-то остановил выбор) кажутся более привлекательными, особенно в качестве партнера «на одну ночь» (налицо поиск хороших генов). Из повседневного опыта мы также знаем, что женщины гораздо чаще обсуждают достоинства и недостатки мужчин, чем мужчины – женщин. В одном недавнем исследовании сорок молодых женщин просили ознакомиться с фотографиями восьми мужчин и определить, с кем из них они теоретически были бы не прочь завязать роман, а затем просили выполнить то же задание повторно – но после того, как женщины посмотрели видеозапись сеанса экспресс-знакомств с участием этих же мужчин. Поскольку экспресс-знакомства проходили в Германии, а ни одна из участниц эксперимента немецкого не знала, единственной дополнительной подсказкой, которая у них появлялась, был явный интерес к тому или иному мужчине со стороны женщин, участвовавших в сеансе. Их оценки привлекательности мужчин и в качестве случайного сексуального партнера, и в качестве постоянного спутника жизни значительно повышались после просмотра видео, если партнерша на сеансе экспресс-знакомства проявляла к данному мужчине явный интерес; в противном случае оценка не менялась.

Сколь ни важна для нас дружба, родственные связи занимают в нашей жизни совершенно особое место. Помимо того что мы ценим родственников выше друзей, мы отдаем родне приоритет и еще более явным образом. Мы предложили испытуемым выбрать по другу и родственнику каждого пола из каждого из четырех главных кругов общения (то есть из кругов, включающих пять, пятнадцать, пятьдесят и сто пятьдесят человек), а затем спросили, насколько готовы они – теоретически – совершить ради них самоотверженный поступок (скажем, отдать собственную почку). Тот же опрос показал, что человек готов проявить больше щедрости к родственникам, чем к друзьям, независимо от круга, в котором те находятся. Кроме того, он всегда щедрее к людям из ближних кругов, чем из дальних, независимо от наличия родства.

Несколько лет назад мы провели более конкретный эксперимент по выявлению альтруизма: попросили испытуемых выполнить довольно болезненное упражнение – присесть спиной к стене, расставив бедра и колени под прямым углом, как будто сидя на стуле, – только без всякого стула. Это упражнение на укрепление четырехглавой мышцы бедра изначально придумано для горнолыжников. Поначалу такое положение тела кажется удобным. Но через две минуты поза начинает причинять мучительную боль. Через пять минут люди просто падают. Единственным участником нашего опыта, кто продержался в этой позе больше десяти минут (почти вдвое дольше, чем любой другой), оказалась бывшая балерина. Мы присваивали участникам равные очки за каждую минуту, которую они сумели продержаться в «горнолыжной» позе, и просили их повторить упражнение до шести раз – всякий раз во имя одного конкретного человека. В число этих шести людей входили: они сами (совпадение генов на 100 %); один из родителей, брат или сестра (совпадение на 50 %); бабушка или дедушка, тетя или дядя (совпадение на 25 %); кто-то из кузенов (12,5 %); лучший друг своего же пола (0 %); и, наконец, благотворительная организация «Спасите детей». Благотворительную организацию взяли как точку отсчета: ведь легко было предположить, что все захотят помочь детям, а значит, будут стараться ради них изо всех сил.

Биологов вряд ли удивит тот факт, что количество боли, которое люди готовы вынести, напрямую связано со степенью их родства с теми, ради кого эта боль терпится. Зато остальные скорее всего поразятся, узнав, что почти во всех без исключения случаях детская благотворительность оказывалась на последнем месте, причем с большим отрывом. Далее, количество боли, с которой испытуемые готовы были мириться, возрастало по мере увеличения степени родства с тем, ради кого приносится жертва. Больше всего участники эксперимента старались ради себя самих. Так что можно распрощаться со всеми нашими радужными представлениями об альтруизме и со всей прекраснодушной чепухой вроде

«Повести о двух городах»¹⁷, где Сидней Картон благородно идет на гильотину вместо другого человека, осужденного на казнь.

Однако в ходе этого эксперимента (который, кстати говоря, мы повторили пять раз – на двух разных континентах, в двух совершенно не сходных между собой по культуре странах) были сделаны два других, гораздо более интересных открытия. Во-первых, женщины в целом оказывались гораздо самоотверженнее: кривая зависимости между временем, в течение которого они оставались в заданной позе, и степенью родства с объектом жертвы у женщин оказывалась не такой крутой, как у мужчин. Похоже, женщины проводят не столь резкие границы между близкими людьми из своего круга общения, как мужчины. Кроме того, они выказывали куда больше щедрости к друзьям, чем мужчины: как правило, к лучшей подруге они были щедрее, чем к кузине или кузену. Это опять-таки указывает на то, что женщины в каком-то смысле общительней, чем мужчины, и умеют устанавливать более тесные отношения с людьми, не связанными с ними родством. Во-вторых, лучшим предсказателем степени родства (и, следовательно, готовности терпеть боль ради данного родственника) выступало количество времени, проведенного с этим родственником в течение первых десяти лет жизни. В эти чрезвычайно важные для формирования личности первые годы создается крепкая эмоциональная связь, которая сохраняется на десятки лет. Из чего следует, что продолжительность дружбы влияет на ее крепость (об этом мы еще поговорим). Вообще-то в детстве каждый из нас проводил больше всего времени с ближайшими родственниками – просто потому, что родился в своей семье. Этим, возможно, объясняется, почему мы способны устанавливать такие крепкие связи с приемными родителями или приемными детьми, хотя они нам и не родня по крови. Что в свою очередь свидетельствует о том, что хотя эволюция требует от нас стремиться к максимальному распространению собственных генов, она не регулирует (и не может регулировать) наше поведение напрямую. Она лишь заставляет нас выбирать такого и. о. родственника, который в перспективе может повысить шансы для наших генов. При этом периодически случаются биологические аномалии: например, человек привязывается к приемному ребенку или пасынку (падчерице) так же крепко, как к родным детям. Впрочем, замечу: подобное все-таки бывает не так часто, как хотелось бы думать некоторым хорошим людям (и, как ни печально, пасынки и падчерицы, как и усыновленные и удочеренные дети, часто становятся жертвами дискриминации).

В начале этой главы мы задавались вопросом, одинаково ли мы относимся к близким родственникам и к близким друзьям? Ведь и к тем и к другим мы испытываем крепкую эмоциональную привязанность, которая складывалась долгие годы. Зато к дальним родственникам и приятелям (или друзьям друзей) мы относимся иначе. В итоге же разнообразные эксперименты показали, что родственные и дружеские отношения – все-таки очень разные явления, и, похоже, за ними стоят совсем разные эмоции. Конечно, между ними есть некоторое сходство: и на крепость дружбы, и на близость с родными влияет совместно проведенное время. Однако родство имеет над нами власть, какой нет у дружбы. Особенно она наглядна в случае дальних родственников. Если к вам в дверь вдруг позвонит какой-нибудь давно позабытый четвероюродный кузен и попросит о ночлеге, вы наверняка впустите и приютите его. Если же это сделает какой-нибудь друг вашего друга, вы скорее всего направите его в ближайший хостел.

Если родных не выбирают, то уж друзей-то мы точно можем выбрать сами. Давно установлено, что дружба возникает на почве общности симпатий и антипатий. Очевидно, что чем больше у людей общих склонностей, предпочтений и взглядов, тем крепче их дружба. В нашем исследовании мы выделили пять ключевых моментов, которые обычно порождают дружбу: это общее чувство юмора, общие увлечения/интересы, общие моральные ценности (и/или принадлежность к одной религии), приблизительно одинаковый уровень образования/интеллекта и общее место рождения (или, по крайней мере, место, где оба выросли). Чем больше черт из перечисленных пяти вас объединяет с другим человеком, тем

17 Исторический роман 1859 года Чарльза Диккенса об эпохе Французской революции. – *Прим. пер.*

большую эмоциональную близость вы испытываете к нему и тем больше вероятность, что вы придете ему на помощь в беде. По-видимому, все эти моменты совершенно равноправны: нельзя сказать, что какой-то один важнее, чем остальные, и совершенно не важно, в каком сочетании они встречаются. Например, если вас с кем-то объединяют моральные ценности, место рождения и общее хобби, то это равнозначно другому набору качеств: общности чувства юмора, образовательного уровня и места рождения.

Отчего вянет дружба?

Дружба не является чем-то вечным и незыблемым. Напротив, это штука хрупкая, она легко изнашивается и неизбежно слабеет, если ее постоянно не поддерживать. В этом смысле дружба радикально отличается от родственных отношений, которые на удивление стойко выдерживают испытание временем и любую степень их игнорирования. Проведенные нами обширные исследования кругов общения у женщин, охватившие Соединенное Королевство и Бельгию, выявили, что эмоциональная близость к конкретному человеку из числа друзей (измерявшаяся по шкале от 0 до 10, от низкой к высокой) угасает прямо пропорционально частоте контактов с этим другом. В случае родственных отношений ничего подобного не наблюдается: там степень эмоциональной близости ничуть не зависит от того, насколько часто вы лично видите с тем или иным родственником.

Приблизительно ту же картину мы обнаружили, изучая в течение 18 месяцев группу выпускников одной шеффилдской школы на протяжении года, когда они учились в университете, вдали от дома. Не имело никакого значения, часто или редко студенты виделись с родными: в сущности, они даже ощущали большую привязанность к ним – как говорится, разлука укрепляет любовь. Но если в течение года они меньше виделись с каким-нибудь другом, то к концу года привязанность к нему заметно ослабевала. На деле ухудшение качества отношений происходит довольно быстро: достаточно не видеться с человеком всего несколько месяцев. Это вовсе не означает, что вы внезапно напрочь про него забываете, но мало-помалу, исподволь, дружба ветшает. Если вы ничего не предпримете, еще через год-другой этот человек просто пропадет с вашего социального горизонта, а потом и вовсе выпадет из числа пресловутых 150 и превратится в одного из знакомых аутсайдеров, каких очень много за пределом активного круга общения любого взрослого. Чтобы сохранить эмоциональную близость с другом, участникам нашего опроса приходилось контактировать с ним чаще на протяжении второй половины периода наблюдения – после того как они уехали из дома, – чем в течение предыдущих месяцев, пока все они учились в одной школе и виделись ежедневно.

Однако дружат мужчины и женщины по-разному. Результаты многочисленных исследований, проведенных за последние лет двадцать, наводят на мысль о том, что у женщин, при том что они явно общительнее мужчин и обычно имеют более широкий дружеский круг, близких отношений куда меньше. У мужчин градация дружеских связей не такая отчетливая, как у женщин. В результате женская дружба, как правило, оказывается более хрупкой: если подруги ссорятся, то уже навсегда. У мужчин не так: сначала они поругаются, а потом идут выпить пива вместе – и все снова налаживается. Это различие отчетливо наблюдается даже у детей семи-восьми лет. В таком возрасте девочки обычно обзаводятся закадычными подругами, а значит, если Сьюзи не позвала тебя на день рождения, то обидела насмерть. А для мальчишек дружба – нечто совсем другое: они как бы гоняют мяч через дорожку. Мне даже кажется, что не слишком важно, кто там по другую сторону дорожки – другой мальчишка или просто стена: пока мяч летает туда-сюда, существует взаимодействие, а это главное.

Способы, которыми мужчины и женщины спасают ветшающую дружбу, тоже разительно не похожи. В ходе долгосрочного исследования мы попросили каждого из участников периодически заполнять опросник, внося туда краткие сведения о каждом из тех людей, которых они считают друзьями: что делали совместно, когда в последний раз

связывались с ним по телефону или электронной почте, виделись лично и так далее. Когда мы стали анализировать дружеские отношения, которые выдержали испытание на прочность в течение полутора лет, пока продолжался эксперимент, выяснилось, что для того, чтобы не дать дружбе угаснуть, юноши и девушки прибегали к совершенно разным средствам. У юношей наиболее крепкой и стойкой оказывалась дружба с теми, с кем они чем-то занимались сообща во второй половине периода исследования: вместе ходили в клубы, занимались спортом, имели общее хобби, куда-нибудь вместе ездили или ходили в поход. Что для девушек не имело ровно никакого значения. У них крепость дружбы зависела совсем от другого – а именно от того, сколько времени они общались (причем не важно как – лично, по телефону или при помощи СМС).

Это заставляет предположить, что механизм мужской и женской дружбы – принципиально разный. У мужчин дружба питается совместными занятиями, практически любыми: от выпивки или спорта до общего увлечения. У женщин, напротив, дружба держится на разговоре. Поэтому и телефон, и социальные сети вроде «Фейсбука» идеально подходят для женщин, но являются практически чуждой территорией для мужчин. Пожалуй, полученные нами результаты отчасти объясняют, почему женщины склонны часами «висеть» на телефоне – зато, как известно каждой женщине, средняя продолжительность звонка от мужчины (а особенно – подростка) составляет всего 7,3 секунды. Ведь им нужно только сказать: «В семь вечера в баре» – и всё!

Прочность родственных связей по сравнению с дружбой отчасти объясняется тем, что они обычно тесно переплетены между собой. Иными словами, друзья – за исключением самого тесного круга – обычно связаны только лично с вами, но не друг с другом; такой тип отношений легко представить в виде звезды с расходящимися лучами, в центре которой находитесь вы сами. Родственники же, как правило, общаются между собой гораздо больше, чем ваши друзья, так что получается уже не звезда, а причудливый узор-плетенка. Кроме того, среди родственников нередко есть «хранитель рода» (обычно «хранительница»), считающий своим долгом немедленно оповестить весь клан, едва что-то важное произойдет с одним из его членов, так что мы оказываемся избавлены от лишних усилий. Любые новости и сплетни передаются, как эстафетная палочка, так что все автоматически узнают о близящихся свадьбах, рожденьях и смертях. Но за очень редкими исключениями в дружеских кругах не существует «хранителей дружбы», которые занимались бы чем-то подобным. Каждому приходится проделывать эту работу самостоятельно.

Крепость социальных связей имеет важное следствие. Среди родственников человек все время на виду, а потому он воздерживается от поступков, которые другие сочтут неприемлемыми. Информация о вашем поведении по отношению к другим гораздо быстрее распространится по густо переплетенным и непрерывно функционирующим родственным каналам, чем по единичным и редко используемым дружеским. Как влияет на человека ощущение, что за ним наблюдают, продемонстрировали Мелисса Бейтсон и ее коллеги из Университета Ньюкасла. Они выяснили, что если над офисной «коробкой честности», куда сотрудники кладут деньги в возмещение затрат компании на чай, кофе, сахар и т. п., повесить фотографию пары глаз, люди отдают больше денег, чем когда фото изображает цветок в горшке. Тот же эффект дало изображение глаз на табличке с просьбой убирать за собой мусор, повешенной в большой закуской. Позднее метод приняла на вооружение полиция одного крупного британского города, и после того, как по всему центру развесили билборды с изображением пары глаз, уличная преступность снизилась на 17 %. Похоже, мы крайне восприимчивы к слежке.

То, что человек, общаясь с другими, острее сознаёт, что за ним наблюдают, подтвердилось и в эксперименте, проведенном Оливером Карри, еще одним членом моей исследовательской группы. Нас, в частности, интересовало, как плотность круга общения влияет на альтруистические поступки. Мы попросили примерно триста человек составить список из восьми самых близких друзей своего же пола и оценить степень их общения между собой, а также указать, насколько тесна их собственная связь с каждым из этих друзей:

критерием оценки служила частота общения. Затем мы спросили, готовы ли испытуемые пожертвовать почку одному из этих друзей или одолжить ему 5 тысяч фунтов, если бы тот попросил. Эксперимент показал: те, чьи друзья общались между собой, выказывали готовность пожертвовать почку или деньги гораздо охотнее, чем участники со «звездообразной» конфигурацией дружбы. Нам ведь важна репутация: если ты не помог другу в беде, это нанесет ей явный урон – точно так же, как если «зажал» угощение для друзей, когда подошел твой черед, или занял деньги без отдачи. Прежде чем машинально нажать на кнопку «нет», мы задаемся вопросом: «А что подумают о нас друзья?» Кроме того, в тесно переплетенных кругах альтруистические поступки способствуют еще большей эмоциональной сплоченности: такие друзья общаются чаще, и им важно быть уверенными в поддержке друг друга.

Плата за любовь

Выше мы рассмотрели некоторые различия между дружескими и родственными узами. Понятно, что это совершенно разные вещи. Но чем и то и другое отличается от романтической любви? И к чему из двух она ближе? В каком-то смысле, конечно, любовь отделяет от них сексуальная составляющая. Родственным связям, например, не позволяет перейти в романтические так называемый эффект Вестермарка – отсутствие влечения между близкими родственниками. Объяснений этого эффекта, впервые выявленного финским антропологом Эдвардом Вестермарком век тому назад, нет до сих пор. И действует он не стопроцентно (так как не имеет биологического механизма), но все-таки в большинстве случаев работает исправно – а эволюции этого достаточно. Похоже, феномен выявляется у всех членов семьи, живших вместе в то время, когда родился самый младший из них или по крайней мере когда он был еще совсем маленьким. Лучшая иллюстрация – детские браки, когда-то традиционно заключавшиеся на Тайване. Детей обручали и сочетали формальными брачными узлами в очень раннем возрасте, часто чуть ли не в младенчестве, а потом их воспитывали вместе в доме одной из родительских пар. Такие браки впоследствии оказывались бесплодными и часто даже не завершенными, потому что в супругах так и не просыпалось никакого сексуального влечения друг к другу. Ведь они выросли вместе – а потому просто продолжали относиться друг к другу как брат и сестра. На те же грабли позднее наступили и израильтяне в кибуцах, когда, вдохновившись социалистическими фантазиями, начали растить детей в коммунальных яслях и детских садах, чтобы избавить родителей от домашних забот. Одновременно предполагалось, что дети, воспитанные в одной среде, проникнутся таким духом общности, что браки второго поколения кибуцников будут заключаться только в пределах общины. Увы, результат оказался противоположным: все дети, выросшие в коммунальных яслях, кинулись искать себе супругов за пределами общины, потому что никому не хотелось вступать в интимные отношения с товарищами по детским играм.

Конечно, случается и обратное. Родители и дети, братья и сестры, разлучившиеся вскоре после рождения и встретившиеся годы спустя, часто испытывают сильное сексуальное влечение друг к другу. Это – косвенное свидетельство того, что за механизм руководит нами при выборе партнера. Нам свойственно тянуться к похожим на нас людям – то есть обладающим рядом общих с нами генетических особенностей, которые и проявляются в физическом сходстве. Такое впечатление, что мы пытаемся сохранить наш собственный набор генов, не дать его размыться.

Недавний анализ всех исландских браков с 1800 года (Исландия – достаточно маленькая страна, чтобы включить в выборку все население) показал, что наиболее успешными с биологической точки зрения союзами (то есть дававшими третье поколение – внуков) были браки между четвероюродными братьями и сестрами. Союзы между более близкой родней (двоюродной или троюродной) или более дальней (от пятой или шестой степеней родства и далее) оказывались значительно менее успешными. На самом деле

существуют вполне крепкие биологические доводы в пользу того, что идеальными супругами могут быть именно кузены той или иной степени. Ведь у них имеется некоторое количество общих генов, однако не настолько большое, чтобы у детей проявлялись наследственные заболевания или общее снижение жизнеспособности, называемое «инбредной депрессией» (не путать с соответствующим психическим состоянием). Браки между троюродными кузенами – пример баланса, компромисс между двумя важными задачами: сохранить и передать потомству совершенный набор собственных генов и в то же время избежать накопления ослабляющих рецессивных генов. Двоюродные, троюродные и т. д. братья и сестры уже способны испытывать влечение друг к другу. Браки между кузенами довольно распространены во многих странах мира, в прошлом они широко практиковались в Британии и во Франции – особенно среди богатых аристократов, которым важно было не дробить поместье и сохранить его за своим родом.

Чувственная любовь во многом не похожа на отношения с близкими родственниками, но и на взаимоотношения между близкими друзьями она тоже не слишком похожа. Несмотря на сходство с обоими типами привязанности, она – нечто особенное. Сила и прочность объединяет ее с родственными узами. Но, с другой стороны, она, как и дружба, способна угасать и распадаться, а уж если распадается, то окончательно и бесповоротно. Впрочем, в одном отношении чувственная любовь все-таки стоит особняком. Она настолько ярче и напряженнее и родственных, и дружеских привязанностей, что способна заслонить, затмить собой и те и другие.

Для исследования ближайшего круга общения и выявления дополнительных деталей мы с Максом Бертоном попросили около 540 человек заполнить составленную нами анкету. Как и ожидалось, среднее число самых близких людей оказалось примерно равным пяти, причем туда приблизительно поровну входили родственники и друзья. В числе прочих вопросов Макс добавил в анкету пункт: есть ли у опрашиваемого возлюбленная(ый). Когда мы разложили анкеты на две пачки – ответы одиноких людей и находящихся в романтическом союзе, – то с удивлением обнаружили, что у людей, имевших партнеров, оказалось на одного близкого друга меньше. У них, как правило, было только четверо близких людей, включая романтического партнера. Мы предположили, что это объясняется интенсивностью любовных отношений, требующих и времени, и внимания, которые в иных обстоятельствах могли бы быть потрачены на дополнительных друзей, и такая догадка находит подтверждение в нашем анализе процессов, сопутствующих распаду дружеских связей.

Но нас поразило другое: если вдуматься, мы расплачиваемся за любовь утратой не одного близкого друга, а *двух*, потому что по определению романтический партнер должен был появиться извне – ведь раньше он не входил в тесный круг пяти ближайших друзей – влюбляться в старых друзей человеку не свойственно. Значит, заводя роман, он теряет одного близкого друга и утрачивает связь с одним членом семьи из ближнего круга. За любовь приходится расплачиваться. Впрочем, как мы уже отмечали выше, родственные узы гораздо устойчивее к стрессам подобного рода, чем дружеские связи, а потому, если отношения с родственником, автоматически «отодвинутым» на второй план, скорее всего не испортятся навсегда, то невнимание к другу, который «отодвинут» туда же, не пройдет даром и немедленно вызовет обиду. Такое ощущение, что, когда нам приходится жертвовать сразу двумя членами нашего ближнего круга, мы стараемся минимизировать неминуемую потерю, переложив часть груза на более устойчивые отношения. Да, мы пожертвовали другом – навсегда. Но что касается отношений с близким родственником, мы как бы рассчитываем на то, что его меньше расстроит наше невнимание и что в будущем, когда мы опять сможем уделить ему время, он снова с радостью примет нас в объятия.

Некоторое количество участников анкетирования призналось, что у них, помимо официального романтического партнера (мужа или жены), имеется еще любовница или любовник (какими только откровениями не делятся люди в анонимном пространстве Интернета!). В нас моментально проснулось любопытство: интересно, а вдруг затраты сразу

на две любовные связи настолько велики, что требуют отказаться уже от четырех близких людей? В таком случае ближний круг ограничивался бы всего тремя друзьями. К нашему удивлению, ответ на этот вопрос был однозначным: «нет». У тех, кто сообщил в анкете о наличии «дополнительного» партнера, ближний круг тоже состоял из четырех человек! Что-то явно не сходилось. И тут Макс заметил, что ни один из участников не включил в пресловутый ближний круг своего официального партнера. Ведь «дополнительный» партнер появился как раз потому, что своего основного, официального они уже успели исключить из круга ближайших друзей, переместив его в круг номер два. Это кажется мне убедительным доводом в пользу гипотезы, согласно которой мы не можем без заметных потерь поддерживать одновременно более одной настоящей любовной связи. Любовь слишком ярко горит – она поглощает слишком много времени, сил и эмоций, чтобы пылать ею сразу с двух концов. Когда кто-нибудь возражает, что нет, запросто, скорее всего, он заблуждается, и либо вторая его связь носит сугубо сексуальный характер и лишена эмоциональных полутонов, либо ни одна из его любовных связей не является подлинной всепоглощающей страстью.

Когда выбирают за нас

Романтическая любовь – чувство настолько мощное, что порой встает между родителями и детьми, если родители не одобряют выбор, сделанный сыном или дочерью. Иной раз в результате таких ссор дочери в азиатских семьях становятся жертвами «убийств чести», в других случаях между родителями и детьми просто возникает отчуждение. Такое далеко не редкость. Эволюционная причина ссор – в том, что родители генетически заинтересованы в потомстве, которое произведут их собственные отпрыски, и во имя этого интереса всегда, на протяжении всей человеческой истории (да, наверное, и в доисторические времена) они стремились сами устраивать браки детей. Справедливо или нет, но родители полагают, что лучше знают жизнь, а потому им виднее, кто подходит их детям, а кто – нет. Эту главу я завершу тремя примечательными историческими примерами.

В эпоху позднего Средневековья португальские аристократы распоряжались будущим детей, чтобы сохранить земельные владения за своим родом. Прежде в стране существовала система дробления наследства: все семейное имущество распределялось поровну между всеми сыновьями. (Дочери тоже получали свою долю, но гораздо меньшую, сводившуюся главным образом к приданому.) Это было возможным в силу того, что мавров, которые властвовали над всем Иберийским полуостровом в течение предыдущих семи столетий, постепенно вытесняли и знатные португальские фамилии приобретали земли за сущие гроши. Дефицита земель не ощущалось, и каждое новое поколение сыновей могло без труда обзавестись внушительным поместьем, увеличив скромный унаследованный удел за счет близлежащих мавританских угодий. Но когда мавров окончательно изгнали и не осталось владений, от которых можно было бы и дальше «отщипывать» куски, португальская знать столкнулась с огромной проблемой: границы земельных угодий оказались зафиксированы. Отныне если продолжать их делить между наследниками, с каждым новым поколением величина надела и хозяйственная польза от него будут катастрофически убывать. То есть если в богатой землевладельческой семье родится слишком много сыновей, значит, в самом недалеком будущем ее потомкам достанутся уже крошечные, бесполезные с экономической точки зрения клочки земли. Иначе говоря, всего через пару поколений аристократы превратятся в крестьян. А потому знать учредила майорат – право первородства, при котором все имение переходило к старшему сыну. Разумеется, при такой системе младшие отпрыски оказывались «лишними», у них не оставалось никаких жизненных перспектив. А как известно, парням без перспектив терять нечего. Так что тут опять произошло неизбежное: обездоленные и нищие младшие сыновья начали сбиваться в разбойничьи шайки и наводить страх на всю Португалию. Вполне возможно, далеко не случайно и эпоха географических открытий, когда португальцы начали исследовать Новый Свет и испытывать морские пути в Индию, пришлась именно на этот исторический момент. Разве не лучший способ избавиться

от беспокойной молодежи – отправить ее на поиски удачи и богатства как можно дальше, да еще за чужой счет?

Разумеется, похожую проблему создавали и «лишние» дочери. Ведь если каждое имение достается всего одному сыну, ему требуется в жены всего одна дочь другого землевладельца. Что же делать с оставшимися дочерьми? Ответ португальцы нашли простой: отправлять их в женские монастыри. Эти девушки из благородных семей жили там в привилегированных условиях и держались особняком от остальных монахинь, занятых более приземленными трудами. Такие «невесты Христовы» поступали в обитель вместе с приданым (это было главное условие их приема), а потом их могли забрать обратно, если вдруг умирала старшая сестра и срочно требовалась замена, чтобы семье не упустить стратегически выгодного брака.

Второй пример возвращает нас в Крумхёрн – северо-западную область Германии, со славными жителями которой мы уже встречались в четвертой главе, когда обращались к местным метрическим книгам, тщательно проанализированным Экартом Фоландом. На протяжении XVIII и XIX веков у местных крестьян практиковалось нечто вроде минората – системы наследования, когда все имущество переходит к младшему сыну. Правда, имелась одна тонкость: ему предстояло откупиться от старших братьев. И хотя тем полагалась лишь символическая доля, нередко сыну-наследнику приходилось продавать часть своей земли. Миноратное право позволяло немного снизить частоту такого вынужденного дробления собственности, потому что давало родителям возможность дольше сохранять контроль над усадьбой: ведь младшему сыну можно передать землю лет на десять позже, чем старшему. Однако у осмотрительных жителей Крумхёрна, оказывается, имелся еще один туз в рукаве. Чтобы снизить риск дробления и оскудения родового наследия, они манипулировали шансами на выживание собственных сыновей, чтобы свести их количество к минимуму: достаточно двоих – сына-наследника и еще одного – «про запас», на случай его смерти (маневр, известный у демографов под названием «наследник плюс запасной»).

Опираясь на записи в крумхёрнских приходских метрических книгах, мы с Фоландом смогли показать, что смертность среди третьих и четвертых по счету сыновей в течение первого года жизни составляла целых 50 % – почти втрое выше, чем у первенцев и вторых сыновей. Надо полагать, это не было результатом детоубийства как такового, а скорее являлось следствием небрежного отношения: за такими детьми не очень-то присматривали или предпочитали не тратить лишних денег на врачей. Дочери же не страдали от родительского невнимания – ведь их всегда можно было удачно выдать замуж за соседских сыновей. Уровень их смертности никак не зависел от очередности рождения. Так что очень похоже, что крумхёрнские крестьяне все же контролировали количество выживших сыновей, чтобы не наносить излишнего урона родовому хутору, когда придет пора передавать его сыну-наследнику.

И, наконец, пример из жизни тибетцев. Он почерпнут из этнографических исследований, проводившихся среди жителей гималайской долины Ладакх (ее еще называют Малым Тибетом) Джоном Круком, который когда-то очень давно, когда я писал диссертацию, был моим научным руководителем. Тибетцы столкнулись с похожей проблемой: земли их родного высокогорья не отличаются особым плодородием, но при этом всегда были (да и остаются) весьма густонаселенными. Чтобы не дробить и без того маленькие семейные наделы на совсем крошечные «лоскутки», бесполезные с сельскохозяйственной точки зрения, они ввели у себя редкую, даже в пору сказать, уникальную форму полиандрии (многомужия), при которой сыновья берут одну жену на всех. Таким образом, сыновья сообща занимаются обработкой семейного надела, и жена у них тоже общая. В целом, конечно, такая ситуация мало кого по-настоящему устраивает: женщине, скрепя сердце, приходится как-то уживаться с несколькими мужьями, а рано или поздно сексуальное соперничество неизбежно подтачивает и разрушает гармонию братских отношений. Одним из факторов, указывающих на последнее обстоятельство, в наши времена служит то, что младшие братья просто покидают семейную ферму с ее многомужием и находят себе жен на стороне. Однако они

могут поступить так только в том случае, если у них имеется самостоятельный источник доходов – как правило, работа в государственном учреждении.

Тибетская культура, очевидно, учитывала, что такой порядок угрожает устойчивости и единству семьи, судя по тому, что и здесь появились свои уловки: очень часто родители отдавали второго сына в монастырь, где он приносил обет безбрачия и делался монахом. А теперь представим себе: когда братья женятся, старшему из них обычно двадцать четыре года, второму – девятнадцать, третьему – четырнадцать, четвертому – скажем, лет девять (если в промежутках между сыновьями рождались дочери). При таком раскладе двое младших сыновей еще несколько лет не будут проявлять к общей для всех жене сексуального интереса, да и она не станет особенно ими интересоваться. А вот второй сын будет представлять серьезную угрозу и скорее всего вступит в соперничество со старшим. Удалив же второго сына (причем под благовидным предлогом – служить богам и вести святую жизнь), семья выигрывает время. Старший муж пока что может спокойно выполнять свой супружеский долг, давая жизнь новому поколению рода и не опасаясь конкуренции со стороны младших братьев. А к той поре, когда и они подрастут, старший брат уже вступит в более спокойный период жизни, когда секс уже не так волнует, и не будет видеть в младших братьях соперников. В целом система работает, хотя больше всего от нее проигрывают, как водится, «лишние» дочери, которым так и не удалось выйти замуж: они остаются в родительском доме, и на них взваливается самая тяжелая работа.

Использование религиозных институтов, требующих безбрачия для избавления от наиболее беспокойных членов семьи (лишних сыновей), – далеко не редкое явление. Еще один мой студент, Деннис Диди, изучал приходские книги графства Лимерик, куда вписаны сведения об ирландских крестьянских семьях второй половины XIX века. Ему удалось доказать, что мальчики, поступавшие учиться в местную семинарию, чтобы впоследствии сделаться католическими священниками, происходили из тех семей, где имелось особенно много сыновей. Мы не знаем, оказывали ли родители на них давление, или сыновья сами, видя сложное семейное положение, принимали решение. Но результат в любом случае был один: семья уменьшала нагрузку на родовое имущество, с тем чтобы сыновья, а впоследствии и внуки, которым достанется наследство, не попадали в экономически невыгодное положение от излишнего дробления земельной собственности – земля должна была кормить их. В этом смысле ирландцам-католикам пришлось легче, чем лютеранам из Крумхёрна: ведь у протестантов нет ни монастырей, ни целибата для священников, а значит, некуда сплавить лишних сыновей законным образом. Что и заставило их найти альтернативное решение.

Все эти примеры показывают, на какие изощренные выдумки пускаются люди ради выживания собственного клана. В трех разных странах люди столкнулись с одной и той же проблемой – и нашли, в общем-то, похожие решения, которые в каждом из случаев соответствовали местным обстоятельствам и обычаям. А мы лишний раз убеждаемся, до какой степени родители стремятся контролировать шансы на выживание своего потомства, чтобы максимально способствовать благополучию рода в будущем, о чем дети порой даже не подозревают.

* * *

В этой главе мы неоднократно сталкивались с тем, что хотя одни человеческие связи прочнее других, они могут рваться и иногда действительно рвутся, причем катастрофически и бесповоротно. В следующей главе мы как раз и разберем, почему отношения рвутся.

7

Обман, хоть как его зови

Тогда у полной бочки зля,

*Вполне счастливые от хмеля,
Мы не считаем верст, канав,
Мостков, опасных переправ
До нашего родного крова,
Где ждет жена, храня сурово
Свой гнев, как пламя очага,
Чтоб мужа встретить как врага.*
Роберт Бернс. Тэм О'Шентер¹⁸

Будущее у близких отношений довольно неопределенное, если только они не предполагают создания семьи. Между любовниками, как и между друзьями, со временем неизбежно возникает охлаждение, если постоянно не укреплять и не оживлять отношения. Разумеется, любовникам это проще – просто потому, что они обычно живут вместе. Тем не менее нам, похоже, присуща врожденная тяга портить отношения, порой подталкивая их к пропасти из-за собственного эгоизма. Если мы заходим чересчур далеко, то даже самая крепкая связь не выдерживает и рвется. И тогда наступает стремительный и необратимый крах. Как говорил незабвенный циник Сэмюэл Джонсон о супружеском счастье, «за надежду, как и за всякое удовольствие, приходится платить: чем большие надежды мы возлагаем, тем большее разочарование испытываем».

Впрочем, истинная картина, как обычно, сложнее. Разумеется, удачное супружество очень важно для сохранения физического и душевного здоровья. Но, с другой стороны, время, увы, работает против брака. Так называемый медовый месяц длится обычно недолго – от двенадцати до тридцати шести календарных месяцев, после чего отношения супругов принимают довольно будничный характер, когда муж с женой просто не мешают жить друг другу. В их жизни веселье и радость перемежаются с повседневной рутинной, и постепенно каждый начинает воспринимать партнера просто как данность. Ссоры происходят все чаще и становятся все ожесточеннее, растет взаимное недовольство, возникает и растет риск разрыва, и наконец все разваливается окончательно.

Ломать – не строить

Ближние отношения не обязательно делятся вечно. Треть (а может быть, даже половина) всех современных браков в Европе и Америке заканчивается разводом. Мы опросили 540 человек, случался ли у них в недавнее время разрыв отношений с кем-то из близких людей. Целых 423 человека ответили, что за последний год они порвали в общей сложности с 913 людьми. Получается, за год мы в среднем теряем двух близких друзей. Впрочем, такие показатели можно все-таки считать немного завышенными: вполне возможно, нашу анкету охотнее заполняли как раз те люди, у которых недавно случился разрыв; и действительно, у большинства указанные ссоры и разлады произошли в течение месяца перед анкетированием, а не в остальные месяцы года. Но все равно можно сделать вывод, что ссорятся близкие довольно часто.

Чаще всего (и в этом нет ничего удивительного) люди рвали отношения с возлюбленным. Тем не менее такие случаи составляли всего 20 % от общего числа разрывов. Второе место по частоте занимали друзья из ближайшего круга: на их долю пришлось 15 %. Третье место в списке досталось родителям (еще 10 %), за ними следовали братья и сестры либо друзья за пределами круга номер один (по 8 % соответственно). Остальные вылетевшие из круга общения опрошенных представляли собой пеструю толпу родственников, свойственников, коллег, соседей по дому и приятелей из клубов по интересам. Однако в целом лидировала родня: 65 % всех таких разрывов произошло с близкими родственниками (не далее двоюродной степени родства).

Пускай кровь и не водица, но с родней мы вынуждены общаться чаще, и это неизбежно

вносит напряженность в отношения. Отчасти потому, что мы обычно воспринимаем родственников – особенно близких – просто как данность, не слишком церемонимся с ними, а потому и задеваем их чувства чаще, чем сами замечаем. Возможно, при этом мы подсознательно исходим из того, что родственные связи намного крепче дружеских. Это друзей надо лелеять, а родные и так никуда не денутся! Но, похоже, иногда мы переходим грань дозволенного – и в конце концов все рушится. С дружбой – особенно когда речь идет не о самой тесной дружбе – все происходит не так катастрофично: обычно если кто-то нас обидел, мы просто не желаем больше видеть обидчика, и отношения с ним сами собой хиреют и затухают. Но в случае семейной ссоры все гораздо сложнее: во-первых, нас объединяет общая история, а во-вторых, наши жизненные пути неизбежно будут пересекаться в будущем, хотим мы того или нет.

Отчего же распадались отношения у людей из нашей выборки? Выяснилось, что главными причинами разрывов являются четыре типа событий: человека оскорбили (прилюдно или нет), проигнорировали важное событие в его жизни (например, день рождения), о нем пустили сплетню или клевету, его пилили за плохое поведение. На эти четыре группы приходится около двух третей всех разрывов. Оскорбления были причиной четвертой части всех разрывов, на попреки приходилось около 20 %, на остальные две группы – по 15 %. Следующей по частоте причиной выступало соперничество – например, дружба с врагом или попытка отбить сексуального партнера. На причины такого характера приходилось около 10 % разрывов. Таким образом, примерно три четверти всех ссор и разрывов случались из-за угроз социальному статусу человека или из-за оскорбления его достоинства. Напротив, на причины более практического свойства – вроде невозвращенных долгов – приходилось всего 5 % случаев. Иными словами, большинство отношений распалось по тем самым причинам, которые лучше всего характеризуют сами эти отношения.

Родители гораздо реже сообщали о том, что порвали с детьми, чем наоборот: 10 % опрошенных оказались детьми, поссорившимися с кем-то из родителей, но лишь 3 % – родителями (причем исключительно матерями), прекратившими общение с кем-то из детей. Иными словами, восприятие отношений порой бывает весьма асимметричным. Скажем, вы можете разозлиться на меня и решить, что все кончено, а я могу увидеть в нашей ссоре ничтожное пятнышко на поверхности нашей в остальном крепкой и устойчивой дружбы. Женщины почти вдвое чаще сообщали о разрыве отношений с романтическим партнером, чем мужчины: на ссоры с возлюбленным приходилось около 25 % всех женских разрывов, но для мужчин аналогичный показатель составлял лишь 15 %. Зато мужчины вдвое чаще ссорились с братьями или сестрами, втрое чаще порывали с коллегами и в четыре раза чаще – с «запасным» романтическим партнером (тайной любовницей).

Похоже, наиболее опасный момент для отношений наступает через три года после их начала. Почти половина всех разрывов в нашей выборке случалась в промежутке между двумя и четырьмя годами с начала близких отношений. Вторыми по степени риска оказывались длительные отношения (десять лет и дольше). Что интересно, здесь тоже наблюдались различия между полами. У мужчин чаще, чем у женщин, случался разрыв отношений после трех лет, зато женщины чаще сообщали о крахе отношений, продолжавшихся всю жизнь. Кто-то подумает, это оттого, что мужчины в целом меньше дорожат отношениями и чаще реагируют спонтанно: «Баста, надоело!» Ну что тут скажешь...

Сандра Мюррей с коллегами в порядке эксперимента следили за судьбой почти двухсот бездетных супружеских пар в течение первых трех лет их брака. Они выяснили, что чем больше человек с самого начала идеализирует партнера, тем дольше остается доволен отношениями, и чем больше партнер идеализирует его, тем лучше они себя ощущают. Те, кто был особенно высокого мнения о партнере, все так же хорошо думали о нем и три года спустя, тогда как те, кто меньше идеализировал вторую половину, со временем начинали относиться к нему все хуже и хуже – причем независимо от справедливости своих оценок.

Иными словами, чем менее реалистичным был их взгляд (то есть чем более идеальным виделся им партнер), тем выше оказывалась вероятность, что отношения будут и впредь приносить радость. Возможно, вопреки расхожему мнению, переоценка партнера вовсе не обязательно грозит разочарованием при столкновении с прозой жизни. Оказывается, даже наоборот: чем в более розовом свете видится влюбленному предмет его любви, тем дольше не осыплются розовые лепестки. Так что чрезмерная идеализация в любви – отнюдь не порок, чреватый горьким охлаждением, а залог дальнейшей удовлетворенности жизнью. А может быть, все дело в том, что иллюзия – очень стойкая штука, а потому умирает последней.

Любовь – это боль

Поэты и отвергнутые влюбленные говорят о физическом страдании, которое причиняет несчастная любовь. И внешние, и внутренние признаки тут как при физической боли, хотя в первом случае имеет место телесное повреждение, а во втором – чистая психология. Оказывается, оба вида боли обрабатывает один и тот же участок мозга – зона передней поясной коры (ППК), которая расположена под внешней корой в центре мозга. Люди, имеющие активную ППК, особенно чувствительны к боли, и наоборот – люди, у которых ППК повреждена или разрушена, к ней обычно вовсе не восприимчивы. Настолько, что теперь хирурги даже намеренно уничтожают часть ППК у пациентов, страдающих от хронических, некупируемых болей.

Выяснилось, что тот же самый участок мозга срабатывает, когда мы ощущаем психологическую боль. Это продемонстрировал довольно корректный, пускай и немножко жестокий эксперимент, в рамках которого Нэнси Айзенбергер и ее коллеги просили испытуемых поиграть в компьютерную игру «Кибермяч», лежа в томографической капсуле. Перед каждым был монитор, на котором две фигурки перебрасывались друг с другом мячом, а испытуемый, лежавший в капсуле, был представлен парой рук в нижней части экрана. Испытуемым говорили, что эти фигурки изображают двух других игроков, лежащих в соседних капсулах; нажимая на правую или левую клавишу, можно было перебросить мяч одному или другому игроку, на свое усмотрение, когда кто-то из них бросал мяч в сторону виртуальных рук. Вначале две фигурки на экране включали игрока из капсулы в свою игру, бросая мяч ему в руки, но через некоторое время они начинали просто перекидываться мячом друг с другом, как бы игнорируя его. Когда испытуемого исключали из игры, у него в ППК наблюдалась повышенная активность, причем степень этой активности соответствовала силе обиды (ее участники эксперимента оценивали самостоятельно по его окончании). Интересно, что ППК активизируется заметнее (и обида ощущается сильнее), когда отвергающие или избегающие нас люди принадлежат к «своим», то есть к той же группе – расовой, социальной, религиозной – или просто внешне похожи на нас (как уже говорилось в предыдущей главе, мы активно стремимся сблизиться с людьми сходных социальных или внешних данных).

По-видимому, функция ППК – оповещать нас о ситуациях, в которых наши представления о мире расходятся с реальной картиной. В некоторых случаях речь идет о логических противоречиях (когда что-то явно не сходится – а значит, нужно понять, что именно не так); в других случаях – о каком-то ущербе или вреде (а значит, нужно выходить из опасной или болезненной ситуации); в остальных же случаях ППК реагирует на социальные расстройства, вызванные несоответствием наших ожиданий и тем, какой оборот приняли наши отношения с людьми. Почему же так происходит? Видимо, в ходе эволюции млекопитающих механизм социального оповещения вырос из системы оповещения о физической боли, поэтому мало что сравнится с ней по четкости и настоятельности сигнала.

Однако активность в ходе экспериментов по социальному отчуждению, помимо ППК, проявляла еще и правая часть префронтальной коры. Причем оказалось, что частота ее активизации находится в обратной зависимости как от степени активизации ППК, так и от степени огорчения испытуемого (засвидетельствованной им в самоотчете). Это навело на

предположение, что данный участок выполняет некую ингибирующую (тормозящую) функцию и гасит избыточные болевые сигналы от ППК. Активизация в правой части префронтальной коры происходит не потому, что человек переживает событие, а потому, что активно о нем думает. Таким образом, функция правой части префронтальной коры, возможно, заключается в том, чтобы управлять сигналами, поступающими от ППК, и другими эмоциональными реакциями и не давать им вырваться из-под контроля. Кстати, это один из немногих участков коры больших полушарий, имеющий прямую нейронную связь и с ППК, и с мозжечковыми миндалинами (которые управляют реакциями на эмоциональные сигналы и особенно – на агрессию). Участие лобных долей здесь особенно важно, ведь именно эта часть мозга отвечает за анализ психологических состояний и за количество социальных контактов, которые способен поддерживать человек (о чем мы говорили в третьей главе).

Одна из причин, почему болевой центр включается в ситуациях социального отчуждения, – в том, что он «отвечает», помимо прочего, за связь младенца с матерью. Детеныши всех видов млекопитающих, включая человеческих младенцев, умеют подавать голосовые сигналы тревоги и кричат в двух случаях: когда им больно (они поранились, замерзли и т. д.) и когда они разлучены с матерью. У млекопитающих матери чрезвычайно чутки к детскому крику, особенно если кричат их собственные детеныши. (Со временем, конечно, маленькие негодники догадываются, что плач – лучший способ добиться своего, и проливают крокодиловы слезы – иногда вполне искренне, – прекрасно зная, что окружающие не выдержат и пойдут у них на поводу. Но это уже другая история.) Вот за эти-то сигналы тревоги и отвечает поясная кора. Если взрослой обезьяне ее удалить, животное перестанет издавать тревожные крики; наоборот, электрическая стимуляция данного участка мозга заставляет обезьян подавать тревожный сигнал даже в отсутствие реальной угрозы.

О том, что социальная и физическая боль имеет одинаковый механизм, свидетельствуют и другие данные: дети, которые недавно перенесли физическую травму, испытывают огорчение от разлуки с опекуном чаще и сильнее, чем здоровые дети. Сходным образом и взрослые, страдающие от хронических болезненных расстройств, испытывают большую тревогу из-за своих личных отношений, чем здоровые люди, и их привязанность носит более тревожный характер (иными словами, они постоянно сомневаются в любви и верности партнера). Верно и обратное. Люди, имеющие крепкие социальные связи и уверенные в поддержке близких, испытывают меньшую физическую боль, будь то при онкологических заболеваниях, хирургических операциях или родах. Сознание того, что рядом с тобой надежный и любящий человек, облегчает даже электротравму.

Просматриваются и интригующие параллели между людьми, страдающими обсессивно-компульсивными расстройствами (ОКР), то есть неврозом навязчивых состояний, и теми, кто переживает разрыв близких отношений. И те и другие демонстрируют очень похожую одержимость навязчивой идеей. Разумеется, у страдающих ОКР навязчивые мысли крутятся не вокруг, скажем, измены или предательства – они могут, например, заикнуться на опасности подхватить какую-нибудь ужасную инфекцию. Так вот, у больных ОКР ППК необыкновенно активна, что, вероятно, и заставляет их видеть серьезные проблемы на пустом месте. У таких людей ППК преувеличенно реагирует даже на самые простые логические противоречия. Есть также данные о том, что у людей, склонных к неврозам, ППК чрезмерно активно реагирует на простые задачи по выявлению противоречий, которые точно не должны вызывать никаких огорчений. Таким образом, если у человека гиперактивная ППК, он более предрасположен к тому, чтобы излишне остро реагировать на малозначительные события повседневной совместной жизни, а стало быть, к обидам и, как следствие, к разрывам отношений.

Интересно, что вещества, применяющиеся как фармакологические средства для снятия физической боли (например опиаты) и психологических состояний вроде депрессии (антидепрессанты), можно эффективно использовать, так сказать, для перекрестного лечения: антидепрессанты уменьшают физическую боль, а опиаты облегчают душевные муки и

депрессию. Когда детенышам млекопитающих, разлученным с матерями, дают крошечные дозы опиатов, они почти перестают кричать и выказывают гораздо меньше тревоги и расстройства. Так что ничего удивительного, что эндорфинная система напрямую задействована в формировании чувства утраты и горя: когда женщин во время томографии мозга просили вспомнить о смерти близкого человека или о разрыве с любимым, у них наблюдалась гораздо меньшая активность в зонах расположения эндорфиновых рецепторов, что свидетельствовало об испытываемой боли. Из чего опять-таки следует, что эндорфины каким-то образом вовлечены в наши отношения с людьми.

Ген рецепторов эндорфина OPRM1 существует в двух формах – А и G, – которые различаются одним нуклеотидом (нуклеотиды – это химические «кирпичики» генетического кода), однако это единственное различие оказывает весьма существенное влияние на чувствительность к боли. Люди, гомозиготные по форме А (то есть унаследовавшие два экземпляра этого гена, по одному от каждого из родителей), менее чувствительны к боли, чем люди, имеющие хотя бы один нуклеотид G. Последним обычно требуются большие дозы анальгетиков (например, морфия после хирургических операций). И к ситуации социального отчуждения такие люди тоже более чувствительны: во время игры в «Кибермяч» у них наблюдается более высокий уровень активности в ППК. Так что мы опять сталкиваемся с эндорфиновым механизмом, о котором уже говорили во второй главе. Когда дружеское общение – и физический контакт – вызывают выброс эндорфинов, то соответствующие рецепторы, находящиеся в ППК и в других зонах, заполняются, и человек ощущает удовольствие и покой. В отсутствие какого-либо общения психологическое состояние остается более или менее нейтральным. Но если происходит событие, вызывающее негативные эмоции, – например, смерть близкого человека, или предательство, или уход любимого, – тогда выброс эндорфинов блокируется, соответствующие рецепторы в ППК остаются пустыми, и мы физически ощущаем боль. В менее серьезных случаях префронтальная кора может тормозить реакцию ППК. По сути, префронтальная кора («думающая» часть нашего мозга) осмысливает и оценивает ситуацию и как бы говорит нам: «Знаешь что? Все не так страшно, лучше забудь об этом». Но если с утраченным близким нас связывало по-настоящему сильное чувство, то этот участок коры бездействует.

Оказывается, у женщин детородного возраста гораздо больше эндорфиновых рецепторов в мозжечковых миндалинах, в ППК и в префронтальной коре (а также в ряде других участков мозга, в данный момент представляющих для нас меньший интерес), чем у мужчин (примерно на 25 %). Однако после менопаузы количество рецепторов сильно уменьшается – в частности, в миндалинах. Это значит, что у женщин в репродуктивный период болевой порог заметно выше, чем у мужчин (что важно при родах). Однако у мужчин, по всей видимости, происходит более интенсивный захват эндорфинов в мозжечковых миндалинах, а это, возможно, означает, что ощущение боли у женщин острее, чем у мужчин (у которых активность мозжечковых миндалин гасится за счет захвата эндорфинов). С учетом этого и принимая во внимание тот факт, что физическая и психологическая боль – во многом одно и то же, можно, пожалуй, сделать вывод, что женщины ощущают социальное отчуждение сильнее, чем мужчины.

Донжуан или верный муж?

Репродуктивная стратегия млекопитающих – внутриутробное вынашивание плода и последующее грудное вскармливание – неизбежно предполагает разницу между полами в поведенческих моделях. Сразу же после оплодотворения у самки пропадает дальнейший стимул к спариванию с другими самцами, так как оно не сулит никаких выгод с точки зрения размножения. Теперь ее заботит лишь благополучие потомства: она затаивается и отдает все силы вынашиванию и выкармливанию детенышей (и отчасти их воспитанию). Самец от всех этих забот отлучен, у многих видов млекопитающих он ничем не может помочь самке. В итоге единственный способ, каким самцы могут повысить собственную продуктивность, –

это спариться с возможно большим количеством самок. По этой причине млекопитающие в основном ведут беспорядочную половую жизнь (или, в лучшем случае, придерживаются полигамной брачной системы, при которой один самец держит гарем из нескольких самок). Лишь очень немногочисленные виды млекопитающих ведут моногамный образ жизни – в отличие от птиц, у которых, наоборот, большинство видов образует моногамные пары: ведь у них самец способен помогать самке и высиживать, и выкармливать птенцов.

Разумеется, когда самец реально участвует в выращивании потомства, это удерживает его возле самки. Тут все решается соотношением обстоятельств. Фактически самец выбирает, каким образом ему оставить как можно больше потомства в течение жизни: либо оставаться с одной самкой, либо, оплодотворив, сразу же покинуть ее и постараться оплодотворить как можно больше других самок. Несколько лет назад я показал с помощью математической модели, что у человекообразных обезьян выбор брачной стратегии зависит от интервала между родами, от количества самок в совместно кочующей группе, от удаленности таких групп друг от друга и от способности самца обойти территорию, которую он считает своей (точнее говоря, от расстояния, какое он может без труда пройти за день). Чем длиннее репродуктивный цикл у самки, чем меньше групп самок приходится на единицу площади и чем короче дистанция дневного обхода для самца, тем больше вероятность того, что самец станет верным мужем и никуда не уйдет от «своих» самок. Такой тип поведения избирают, например, гориллы, у которых самец остается с семьей (он всегда живет вместе с группой самок). На другом конце спектра оказываются орангутаны: самки этого вида живут поодиночке, и самцу выгоднее избрать стратегию донжуана. Шимпанзе оказываются примерно посередине между этими двумя крайностями. Современные представители племен охотников и собирателей, живущих на больших территориях, где насчитывается всего несколько довольно больших женских групп, по критерию верности обходят даже горилл: они постоянно живут в своих женских группах.

Однако совместная жизнь с женщиной еще не делает мужчину верным супругом. У него по-прежнему есть выбор – стать заботливым отцом, примерным семьянином – или бабником с масленным взглядом. Либо занять место где-то посередине этого спектра. Исследуя мужское сексуальное поведение на примере франкоговорящих канадцев из Квебека, Даниэль Перюсс выяснил, что около трети опрошенных мужчин постоянно ведет беспорядочную половую жизнь, хотя 90 % этих мужчин женаты. Лишь около двух третей оказались моногамны (то есть верны нынешней партнерше, не важно, были ли у них ранее другие партнерши или нет). Любопытно, что при анализе генов вазопрессиновых рецепторов у шведских близнецов, о котором я упоминал во второй главе, доля мужчин, наделенных как минимум одним экземпляром «гена неверности» (а значит, предположительно более склонных «ходить налево»), составила 36 % – что почти в точности соответствует доле «ходоков» в квебекской выборке.

Внимательно проанализировав квебекские данные, я смог показать, что это соотношение точно отражает тот выигрыш, на который могут рассчитывать мужчины при выборе определенной брачной стратегии – включая количество зачатых детей (не будь контрацепции). Из всех любовных связей в Квебеке две трети приходилось на мужчин, которые вели беспорядочную половую жизнь. Если частота проявления каждой из стратегий, умноженная на величину соответствующего выигрыша, постоянна, то мы имеем эволюционное равновесие: ведь если все мужчины переключатся с одного варианта поведения на другой, более выгодный в данной ситуации, то каждому из них в итоге достанется меньшая доля, поскольку общая сумма выигрыша остается неизменной. А значит, им снова придется вернуться к первоначальной стратегии. Иными словами, это соотношение является саморегулирующимся; как только наметится заметный сдвиг от соотношения 33:67, то выигрыш тоже сместится в пользу реже выбираемой стратегии, и ситуация начнет выправляться естественным образом. Вероятно, исходное соотношение этих выигрышей определяется готовностью женщин вступать в связи с мужчинами, которые либо уже женаты, либо не собираются хранить им верность. Это подозрительно напоминает ситуацию, когда

женщины при выборе случайных партнеров руководствуются тактикой «поиска хороших генов» (о чем мы говорили в пятой главе).

Итак, по-видимому, в обычных условиях приблизительно треть мужчин предрасположена к романам «на стороне». Мужчины этой категории проявляют независимость от брачной системы, которая разрешена или считается предпочтительной в местной культуре (будь то моногамный брак, многоженство или даже свободная любовь). А баланс, похоже, определяется стратегией женщин, тем, кого они видят в мужчине – отца семейства или носителя качественного генома. Когда женщины меньше думают о будущих отцовских качествах партнера, соотношение будет сдвигаться в пользу мужчин, ищущих только удовольствий, а там, где женщины смотрят на мужчин как на потенциальных отцов своих будущих детей, обстоятельства будут больше благоприятствовать верным, преданным мужчинам, а не распутным донжуанам. Поэтому даже если некоторые мужчины и предрасположены к донжуанству, это еще не значит, что они непременно ударятся в разгул: все будет зависеть от того, какую брачную стратегию они оценивают как более выигрышную, от того, кем выгоднее быть здесь и сейчас – ловеласом или верным и заботливым отцом семейства.

Без женщин тут, разумеется, не обходится. В ходе исследования 48 американских пар обнаружилось, что женщины, чей ГКГ более схож с ГКГ партнера, чаще отвергают его сексуальные заигрывания, реже получают оргазм, имеют больше внебрачных партнеров и испытывают большее влечение к другим мужчинам, не считая своего основного партнера, особенно в благоприятные для зачатия дни. У мужчин же никакой зависимости сексуального интереса к партнерше от наличия общего с ней ГКГ не выявилось.

Все это позволяет предположить, что главным фактором, способствующим разрыву брачных отношений, является доступность альтернативных партнеров. Не важно, насколько индивид склонен к загулам: если пойти не к кому, толку от них будет мало. Скотт Саут и его коллеги продемонстрировали это, используя статистику разводов в США. На примере белых американцев в возрасте от двадцати до тридцати лет они показали, что риск развода – это U-образная функция от численного соотношения полов на местном «брачном рынке». Иными словами, в местности, где преобладают холостые мужчины данной возрастной группы, инициаторами развода чаще выступают женщины, и наоборот, в случае численного перевеса незамужних женщин развода требуют мужчины. В другом, более масштабном исследовании, охватившем взрослое население страны в целом, ученые выяснили, что соотношение полов на рабочем месте служит наилучшим предсказателем частоты разводов: меньше всего разводов случается там, где мужчин и женщин поровну. Как мы видим, здесь опять-таки все сводится к доступности альтернативных партнеров, которые могут оказаться привлекательнее, чем уже имеющийся. В то же время, что интересно, есть ряд факторов, которые снижают частоту разводов: реже разводятся люди, имеющие больше детей в браке, вступившие в брак сравнительно поздно и владеющие жильем. Другим хорошим «амортизатором» разводов является образованность мужа (если он потратил на учебу в общей сложности 16 и более лет), что, видимо, указывает на наличие у него высокооплачиваемой работы. Все это заставляет предположить, что люди взвешивают все «за» и «против», пытаются понять: а не лучше ли им сохранить отношения и воздержаться от опрометчивых поступков? Удалось выявить лишь два фактора, которые обычно снижали вероятность развода: если брак был вторым по счету или если пара уже жила вместе до брака. Впрочем, я догадываюсь, что оба эти признака просто коррелируют с неким неучтенным третьим (например, супруги принадлежат к одной из религий, осуждающей как разводы, так и добрачное сожитие), а сами по себе ни на что не влияют.

Верь глазам своим

Если мужчины определенного типа особенно привлекают женщин, значит, у них больше шансов вступать во внебрачные связи. Что в свою очередь означает, что соблазнов

для них тоже больше, поскольку они получают специфические сигналы от женщин, уловивших, у кого козыри на руках. В пятой главе мы уже отмечали, что более симметрично сложенные мужчины, вне зависимости от статуса и достатка, кажутся женщинам более привлекательными и чаще вступают в сексуальные отношения. Более того: их чаще выбирают в любовники женщины, уже состоящие в постоянной связи. А еще такие мужчины меньше дорожат своими долгосрочными отношениями с женщинами, чем мужчины с признаками асимметрии.

Впрочем, тут процесс скорее всего двусторонний. Исследователи в Альбукерке провели эксперимент. Мужчин сажали по двое и предлагали им состязаться за свидание с реальной женщиной, с которой они общались через видеосвязь. Симметрично сложенные мужчины выказали заметно больше решимости и напора в попытке завладеть вниманием женщины. Когда такого мужчину просили объяснить сопернику, почему из них двоих женщина скорее всего выберет именно его, симметричные чаще очерняли и принижали соперника. Получается, что симметрия телосложения обратно пропорциональна порядочности и надежности – по крайней мере, у мужчин. Немалую роль играет и рост: по данным уже упоминавшегося в пятой главе исследования личных дел американских курсантов, у более рослых из них под конец репродуктивного периода оказалось больше детей – причем не потому, что жены им достались более плодовитые, а потому, что рослые выпускники академии чаще женились (очевидно, разводясь с прежними женами).

Народная мудрость гласит, что глаза – зеркало души, и недвусмысленно советует не доверять людям, которые избегают глядеть нам в глаза. Наука подтверждает: действительно, о надежности и честности человека вполне можно судить по его глазам. Во-первых, в мозгу есть специальная зона (так называемая веретенообразная извилина в верхней части височной доли), где имеется скопление так называемых бабушкиных клеток – нейронов, помимо прочего, особенно восприимчивых к чертам лиц. С самого рождения мы привыкаем всматриваться в человеческие лица и учимся считывать с них информацию о настроении и намерениях. Мы обрабатываем эту информацию молниеносно: обычно требуется меньше 40 миллисекунд, чтобы, глядя на чье-то лицо, правильно оценить психологическое состояние человека.

Один из важнейших сигналов, посылаемых лицом, – конечно же улыбка. Но улыбки, как и смех, бывают очень разными. Две главные разновидности – это расслабленные произвольные улыбки, при которых возникают характерные морщинки у внешних уголков глаз, и «вежливые» улыбки – нарочитые, контролируемые сознанием (а потому не дающие морщинок). Произвольные улыбки принято называть дюшенновскими, а неискренние – соответственно недюшенновскими. Реагируем мы на них тоже по-разному, ведь по улыбке легко понять, кто перед нами – открытый и щедрый человек или притворщик. Один из моих студентов, Марк Меху, сумел показать, что при общении с глазу на глаз люди чаще улыбаются дюшенновскими улыбками, выполняя задания, требующие взаимодействия, чем при выполнении других контрольных заданий. Кроме того, мы проявляем больше щедрости к человеку, который часто искренне улыбается, и, напротив, сколько бы человек ни изображал недюшенновские («вежливые») улыбки, это несколько не влияет на нашу щедрость по отношению к нему. В более позднем эксперименте Меху доказал, что мы к тому же воспринимаем самих людей с дюшенновскими улыбками как более великодушных (но при этом не обязательно как более привлекательных или внушающих больше доверия).

Что касается доверия, то одни лица вызывают его больше, чем другие, даже без улыбок. В одном эксперименте испытуемых просили поиграть в игру на доверие: им предлагалось поделиться денежным вознаграждением с другим человеком, чья фотография появлялась на компьютерном экране. Участники проявляли заметно большую щедрость к людям, чьи лица вызывали у них больше доверия. Ангелика Теодориду (чей эксперимент я уже упоминал во второй главе) выяснила, что оценки изображенных людей как приятных и порядочных у большинства испытуемых почти совпали. Другим важным фактором выступает сходство лица с собственным. Лайза Дебрюин обнаружила, что если участникам эксперимента

показать портрет человека противоположного пола, составленный из их собственных черт, то он будет внушать им больше доверия, чем фоторобот, скомбинированный из нескольких незнакомых лиц. Из чего Дебрюин делает вывод, что, возможно, мы склонны доверять людям, которые больше похожи на нас самих, а это, вероятно, свидетельствует о родственном отборе (так называется эволюционный механизм, заставляющий нас отдавать предпочтение родне).

Иногда истолковать полученные результаты бывает непросто. Психолог Дуг Кенрик и его коллеги выяснили, что женщины, оценивавшие своих избранников как наделенных высокой степенью лидерства по сравнению с другими мужчинами, одновременно отмечали их меньшую привязанность к партнерше, независимо от ее внешней привлекательности. Мужчины же считали, что привлекательные партнерши-лидеры обычно гораздо меньше привязаны к своему партнеру, чем менее привлекательные и при этом лишенные лидерских качеств.

Судя по всему, мозг производит такие оценки автоматически. Помимо того что это происходит мгновенно – практически с первого взгляда, – похоже, тут работают некие готовые схемы, задействованные в считывании чужих намерений и психологических состояний. Два участка мозга играют особенно важную роль в выполнении этой задачи: мозжечковые миндалины (эволюционно более древний участок, обрабатывающий эмоциональные сигналы, особенно страх) и орбитофронтальная кора (более молодой участок в передней части мозга, ответственный за анализ подкреплений, а также социальную и интенциональную оценку). Пациенты с повреждениями, вызванными кровоизлиянием в правой части орбитофронтальной коры, сталкиваются со значительными трудностями, когда пытаются оценить, вызывает ли чужое лицо доверие. То же самое наблюдается у пациентов с повреждениями миндалин, хотя в данном случае должны быть затронуты обе: если повреждена только одна миндалина, человек все еще может правильно оценивать лица на надежность или подозрительность.

Таня Сингер, Рэй Долан и их коллеги провели специальное томографическое исследование. Испытуемым показывали 120 лиц и просили определить возраст (школьный или студенческий) или надежность (вызывает этот человек доверие или нет), нажав на одну из двух кнопок (вопрос о возрасте был выбран просто как контрольный, ученых интересовала только социальная оценка – в данном случае на надежность/ненадежность). При выполнении задачи на оценку надежности (но не возраста) явно активизировались пять участков мозга, а именно: мозжечковые миндалины, орбитофронтальная кора, островок, веретенообразная извилина и верхняя височная извилина (ВВИ). Участие веретенообразной зоны неудивительно: как мы уже видели, она играет свою роль в опознавании лиц. Роль ВВИ тоже, пожалуй, не должна вызывать особенного изумления, потому что через нее проходит зрительный тракт и она, похоже, участвует в оценке движения: таким образом, ее активность может просто отражать попытки мозга реконструировать выражения лиц, показанных на фото, поскольку в реальности они появляются благодаря движению лицевых мышц. Возможно, это связано с тем, что обычной подсказкой, помогающей определить надежность или ненадежность, служит улыбка: данное исследование позволило выяснить, что счастливые лица чаще оцениваются как вызывающие доверие, чем грустные, а тем более сердитые. Впрочем, ВВИ находится между височно-теменным узлом и полюсом височной доли, а обе эти зоны, как мы видели в третьей главе, задействованы в вынесении суждений о чужом психологическом состоянии и оценке чужих намерений. Однако главным открытием стала мощная активизация мозжечковых миндалин, островка и орбитофронтальной коры. Правда, в ней такой эффект наблюдался только при вынесении положительных суждений о лице и отсутствовал при отрицательных оценках – в отличие от островка, который реагировал с точностью до наоборот (только на лица, не вызывающие доверия). В повседневной жизни островок, по-видимому, отвечает главным образом за регистрацию и обработку автономных реакций организма, формирование эмоций (например, отвращения) и мотиваций.

Зеленоглазое чудовище

К числу наших инстинктивных реакций в романтической сфере, похоже, относится ревность. Вероятно, изначально она появилась для защиты брачных отношений. И, видимо, вполне работает как «предупредительный выстрел», если отношениям вдруг начинает что-то угрожать: заявляя о своих правах собственника, можно приструнить заблудшего партнера. Самцы гамадрилов до того ревнивы, что если одна из их самок просто позволит приблизиться чужому самцу, самец сразу же яростно нападает на нее и больно кусает за загривок. Поэтому самки научаются повсюду следовать за своими самцами и стараются никуда не отходить, даже нечаянно. И мы, кажется, ушли от гамадрилов не слишком далеко. Ведь в жизни на каждом шагу нас встречает агрессия – в виде этакого напористого хама, добивающегося своего всеми правдами и неправдами (поверьте, я таких навидался). И было бы странно, если бы тяга к насилию не влезла и в сферу близких человеческих отношений, не только любовных, но и дружеских.

Несмотря на то что мы ужасаемся подобному поведению и осуждаем его, считая самих себя цивилизованными людьми, агрессия и насилие никогда не исчезают совсем, они таятся где-то рядом, готовые, чуть что, поднять свою уродливую голову. Особенно это касается любовных отношений. Мартин Дейли и Марго Уилсон проанализировали общую картину супружеских убийств и выяснили, что в 80 % случаев, когда мужа убивали жен, это происходило по причине действительной или мнимой неверности жены или угрозы ухода с ее стороны. Убийство представляет собой крайнюю форму более общего феномена – принуждения. Насилие и принуждение часто становятся первой реакцией мужчины и на угрозу неверности, и на угрозу ухода жены – особенно в патриархальных обществах, где мужчина имеет абсолютную власть над женщиной. В не столь отдаленном прошлом абориген из австралийского племени уолбири мог совершенно безнаказанно побить жену, а то и заколоть копьем – и не за угрозу ухода, а за малейшую жалобу или за пренебрежение обязанностями! И ему ничего за это не грозило: ни штраф, ни даже публичное осуждение. Столь явное потакание супружеским убийствам процветало не только в традиционных племенах. В англосаксонском праве – которое вплоть до настоящего времени применяется в Великобритании и США – убийство жены, совершившей супружескую измену, считается настолько простительным, что за него полагается менее суровое наказание, чем за любое другое убийство. То же самое относится и к римскому праву, применяемому, например, во Франции (где есть характерный термин *crime passionnel* — «преступление, совершенное под воздействием страсти»).

Во многих обществах мужчины прибегают к ограничению физической свободы женщин, чтобы снизить риск супружеской измены. Такая мера варьируется от заточения женщин в гаремы до принятых в данной культуре ограничений на перемещение. Например, в старину на Сардинии женщинам запрещалось покидать пределы своей деревни: их пугали тем, что там, вдали от дома, на нечистой земле, им угрожает малярия или дурной глаз, хотя мужчины спокойно уходили со стадами на дальние пастбища. Страх перед малярией, безусловно, оказывался действенным, особенно для беременных женщин, однако трудно не заметить, что смысл подобных запретов состоял в другом: оградить женщин от встреч с посторонними мужчинами. В старину в Китае девочкам из высших сословий туго бинтовали ноги, что с годами приводило к полной деформации ступни. Хотя на поверхности лежит внешняя цель такого изуверства – маленькие ножки (мужчины во всех странах и культурах считают большие ступни у женщин серьезным недостатком), – вследствие такой жестокой деформации женщина лишалась способности нормально ходить: она могла только ковылять, прихрамывая на обе ноги, а пройти больше нескольких сотен метров не могла вообще. Короче говоря, этот обычай не давал женщинам «сбиться с пути»¹⁹. В некоторых наиболее

19 Такой обычай распространялся только на высшие сословия: в случае измены женщины мужу его род оказывался опозорен и нес немалые денежные убытки. А вот в крестьянских хозяйствах вклад женщин был

строгих современных обществах, исповедующих ислам, женщинам не разрешается выходить из дома иначе как в сопровождении родственника-мужчины. Но даже в этом случае они обязаны надевать особую верхнюю одежду – паранджу, чадру или никаб, – которая скрывает от посторонних лицо и тело. Разумеется, такие ограничения есть не только у мусульман. Можно вспомнить намбудири – наиболее ортодоксальных и богатых представителей индуистской касты брахманов (жрецов-землевладельцев) в штате Керала на юге Индии. Еще в 1960-е годы женщинам касты разрешалось появляться на публике, только если они с головы до пят закутывались в покрывало и брали зонтик, чтобы прятать лицо. Невеста не могла присутствовать на собственной свадьбе: на церемонии ее заменяла девушка из низшей касты найяр, а сама она, оставаясь невидимой, наблюдала за торжеством из укрытия. Однако ограничения женской свободы практикуются не только в традиционных обществах. Из исследованной Марго Уилсон и Мартином Дейли обширной выборки в 12 300 канадских женщин 6 % сообщили о том, что мужья активно мешают им видеться с другими мужчинами либо всячески пытаются ограничить их круг общения.

Подобные запреты являются не чем иным, как свидетельством подозрительности мужчин, не доверяющих ни другим мужчинам, ни собственным женщинам, – подозрительности, за которой отчетливо просматривается древний призрак неуверенности в собственном отцовстве. Если предоставить женщинам излишнюю свободу, в том числе и сексуальную, то их партнеры рискуют стать рогоносцами и в итоге воспитывать не своих, а чужих детей.

Впрочем, многое зависит от того, насколько эффективно мужчины могут контролировать женскую сексуальность – или насколько уверены в том, что жены не обманывают их с другими мужчинами (то есть от понимания женских сексуальных предпочтений). В некоторых обществах мужчины просто не способны помешать внебрачным связям женщин, и в таких случаях мужчины неизбежно прекращают притворяться, будто их гложут сомнения в собственном отцовстве, а вместо этого посвящают свои силы, время и богатство воспитанию детей своих сестер (ведь подобное родство по крайней мере не вызывает сомнений). В таких обществах и происхождение, и порядок наследования определяются почти исключительно по материнской линии. Такие обычаи процветают, например, на многих островах Полинезии – что, к своей нескрываемой радости, обнаружили Флетчер Кристиан и другие участники мятежа на корабле «Баунти» в 1789 году.

Но если мужчины имеют возможность контролировать сексуальное поведение женщин, их сводит с ума сама мысль о возможности измены. У сомалийских кочевников афар мужчину, оставившегося на женщину, имеет право убить ее муж (а если женщина незамужняя – то отец или брат). В таких обществах существует представление о семейной чести, для которой и добрачный секс (во всяком случае, для девушек), и супружеская измена – настолько серьезные оскорбления, что единственно возможной карой за них является смерть. Сравнение культур показывает, что меньше всего внебрачных связей у женщин в аграрных обществах, где земля наследуется по мужской линии, где ярко выражена социальная стратификация и где мужчины ведут себя максимально агрессивно. Наоборот, больше всего таких связей в обществах с подсечно-огневым земледелием, в которых отсутствует земельная собственность; здесь преобладает многоженство, а мужчины почти не заботятся о детях.

Чтобы понять причины стойкой предрасположенности к насилию в том или ином социуме, мы проанализировали родовые исландские саги. Большинство из них было записано в начале XIII века как истории отдельных кланов. В целом их считают достаточно достоверными свидетельствами о событиях, которые произошли в жизни конкретных исландских семей или общин в течение XI и XII веков. Среди викингов некоторые мужчины вообще имели репутацию, как сказали бы сейчас, психопатов. Тогда их называли берсерками (буквально «медвежья шкура»). Все они были могучими богатырями, прославленными

столь важен, что крестьяне просто не могли себе позволить поступать по примеру знати и калечить им ноги.

воинами, которые бесстрашно сражались, нанося удары не раздумывая (и, по некоторым сведениям, употребляли перед битвой природные галлюциногены). К таким героям относились с опаской в обычной жизни, но они очень ценились по время набегов на побережья окрестных стран. Скандинавские конунги нередко нанимали берсерков в свою личную дружину (фактически в качестве телохранителей). Проблема была в том, что, возвращаясь с войны, берсерки терроризировали соплеменников, зачастую злоупотребляя своей воинской славой и физической силой, чтобы отнять имущество у других членов общины, и провоцировали кровную месть, которая затем ложилась проклятием на несколько поколений. Проанализировав исландские родословные, мы выяснили, что если в каком-то роду имелся берсерк, то мужчины в этой семье гораздо реже погибали от рук убийц. Отчасти по этой причине берсерки передали следующим поколениям больше генов: не только потому, что сами плодились успешнее среднего, но и потому, что давали такую же возможность своим родственникам. Таким образом, семья не без уroda оказывалась в выигрыше. Кстати, как и сам «урод». Иными словами – хорошо ли, плохо ли, нравится нам это или нет, – в средневековой Европе происходил эволюционный отбор в пользу мужского насилия, и нам до сих пор приходится расхлебывать последствия такого отбора. Мы сталкиваемся с той же проблемой, что и викинги: как контролировать его выплески?

Любопытно, что склонность к насилию мы обычно можем определить по лицу – по крайней мере, у мужчины. В одном исследовании испытуемым показывали фотографии 87 преступников, совершивших сексуальное насилие, отводя 2 секунды на просмотр каждого фото. Поскольку не все насильники отличаются жестокостью, истории преступлений этих мужчин очень сильно различались, как и склонность к зверству, «написанная» у них на лицах. Основываясь на беглом взгляде, испытуемые давали на удивление точные оценки склонности того или иного человека к насилию. Лучшими подсказками, похоже, служили явная мужественность черт лица, выраженность надбровных дуг и черты лица, свидетельствующие о физической силе. Повторю: все эти мужчины были осуждены за преступления сексуального характера, то есть для исследования были выбраны далеко не случайные люди, когда-то сидевшие в тюрьме или имевшие криминальное прошлое.

Исследование психопатов позволяет сделать предположение, что им свойственны совершенно особые поведенческие и неврологические черты. Если прибегнуть к клиническим терминам, это типично нарциссические, импульсивные натуры, склонные к манипуляции, имеющие пониженную восприимчивость к эмоциональным (например тревожным или пугающим) сигналам, начисто лишены самокритики и абсолютно не способны к сопереживанию. На неврологическом уровне психопатология обычно ассоциируется с маленькими (ниже нормы) мозжечковыми миндалинами и их пониженной активностью. К тому же нейронная связь между миндалинами и префронтальной корой значительно слабее нормы, что говорит о пониженной способности гасить эмоциональные реакции, а также замечать признаки огорчения или страдания у других людей. Действительно, многие из перечисленных симптомов свойственны и тем, у кого в результате инсульта или несчастного случая оказывается повреждена префронтальная кора (и в особенности ее орбитофронтальный и вентромедиальный участки). Подобные же проявления случаются и у здоровых людей, в чьей личностной характеристике отмечается склонность к психопатии (то есть у людей без выраженных *клинических* симптомов психопатологии, но с явной к ней предрасположенностью). Связь лобных долей с миндалинами, по-видимому, позволяет нам сдерживать природную склонность впасть в слепую ярость в ответ на любой вызов. При отсутствии этого сдерживающего импульса человек превращается в пресловутого берсерка.

Кстати, есть данные о том, что даже у здоровых женщин среднего возраста высокий уровень тестостерона неблагоприятно сказывается на функции связи между мозжечковыми миндалинами и лобными долями. В связи с этим обнаружено половое различие между тем, как левая и правая миндалины связываются с орбитофронтальной корой *противоположной* стороны мозга (у мужчин эта связь выражена слабее), при том что характер связи с

орбитофронтальной корой на *той же* стороне одинаков у обоих полов. Из-за этого, возможно, мужчины с чрезвычайно высоким уровнем тестостерона (к ним, вероятно, следует отнести и психопатов) просто хуже управляют своими эмоциональными реакциями на угрожающие ситуации. Миндалины играют важную роль в сознательном оценивании биологически значимых стимулов, особенно угроз, так что, возможно, это объясняет, почему мужчины в целом менее восприимчивы к угрожающим ситуациям (меньше поддаются панике) и их реже пугают неожиданные звуки.

Различия между полами сказываются и в способах выражения агрессии, присущих мужчинам и женщинам. Психолог-эволюционист Энн Кэмпбелл в книге «Женским умом» отмечает, что мужчины обычно реагируют на угрозы или вызовы, связанные с физической агрессией, а женщины больше склонны реагировать на агрессию вербальную или психологическую. Поскольку мужская реакция обычно принимает форму физического воздействия, она оказывается краткосрочной и наносит меньше психологического вреда, и мужчины, таким образом, легче разрешают конфликты с друзьями, чем женщины. А женские конфликты, как правило, выливаются в словесную стычку и чаще сопровождаются оскорблениями, поэтому психологическая боль ощущается и острее, и дольше. Оскорбления, как мы уже видели в первом разделе этой главы, становятся причиной примерно четверти всех разрывов отношений с близкими.

Разнятся у полов и причины ревности. Данные, полученные в ряде исследований, свидетельствуют, что мужчины ревнуют, если у партнерши случается интрижка на стороне, гораздо больше, чем женщины в аналогичной ситуации; возможно, поэтому они меньше склонны прощать такую измену, чем женщины. Зато женщины обычно испытывают больше беспокойства и опасений, если партнер эмоционально увлекается другой женщиной – даже если между ними не возникает сексуальных отношений. По сути, женщины всерьез тревожатся только тогда, когда происходит покушение на материальные ресурсы: ведь это означает, что партнеру придется делить свои доходы и достаток между двумя семьями. Тут снова встает проблема порога многоженства (см. четвертую главу).

Однако даже представителей одного пола ревность охватывает далеко не одинаково. Уилл Браун и Крис Мур измерили симметрию телосложения у группы мужчин и женщин, а потом попросили их указать, насколько часто и сильно они ревнуют своего романтического партнера. Поскольку симметрия считается информативным показателем качества генов (только лучшие гены способны придавать телу идеальную симметрию вопреки дестабилизирующему, хаотическому воздействию окружающей среды), то более симметрично сложенные люди должны, по идее, выглядеть более желанными в глазах противоположного пола, а значит, и ощущать бо́льшую уверенность в своей способности удержать при себе партнера или найти ему замену. И, следовательно, они должны быть менее подвержены ревности. И наоборот – коль скоро асимметричные особи менее привлекательны, они должны сильнее ощущать угрозу со стороны соперников. Данные опроса показали, что менее симметрично сложенные люди действительно чаще и сильнее чувствуют ревность, чем сложенные более симметрично, причем это верно для обоих полов. Напротив, ревность, не связанная с любовными отношениями (то есть зависть к чужому материальному успеху, например к продвижению по службе), никак не коррелировала с телесной симметрией ни у одного из полов, да, по правде сказать, мы этого и не ожидали: симметрия телосложения никак не влияет на успехи в работе. Иными словами, романтическая ревность и зависть к чужому экономическому или физическому успеху – это две совершенно разные вещи.

Нейробиолог Таня Сингер и ее коллеги обнаружили поразительную разницу между мужчинами и женщинами в том, как реагирует их мозг, когда они наблюдают за чьим-либо наказанием. У обоих полов наблюдалась реакция сопереживания в главных болевых центрах мозга (в островке и в ППК). Однако если человек, подвергающийся наказанию, ранее совершил какой-либо проступок или вел себя нечестно, то у мужчин наблюдалась несколько пониженная реакция в болевых центрах и более заметная реакция в центрах вознаграждения

– и в левой части орбитофронтальной коры, и в участке, который называется прилежащим ядром. Более раннее исследование, проведенное Доминик де Кервен и ее коллегами, показало, что данный участок проявляет активность, когда испытуемый имеет возможность наказать нарушителя правил в игре; таким образом, можно предположить, что активность в этом участке свидетельствует об удовлетворении от справедливого наказания. А вот у женщин указанный эффект не проявлялся вовсе: в обоих случаях у них наблюдалась активная реакция в болевых центрах. Женщины неизменно испытывают сострадание к жертве наказания, а вот мужчины склонны к злорадству, когда считают, что жертва получает по заслугам. Похоже, берсерками и психопатами рождаются, а не становятся.

* * *

До сих пор мы рассматривали процессы, лежащие в основе наших повседневных отношений. Но есть особый вид отношений, во многом сходный с любовными, однако далеко не всегда включающий сексуальную подоплеку. Я имею в виду тягу к харизматическим лидерам, будь то живые люди или, скажем, религиозные персонажи. Эта замороженность по многим признакам похожа на любовь и действительно может перейти в сексуальные отношения. Таков крайний предел спектра, позволяющий многое понять в механизме более приземленных отношений.

8

В постели с дьяволом

С кивком задорным головы,

Смеясь, она сказала:

«Со мною заповедей вы

Нарушили немало

В досужий день!»

Роберт Бернс. Святая Ярмарка²⁰

В 1652 году итальянский скульптор Джан Лоренцо Бернини завершил работу над последним заказом в капелле Корна-ро довольно непримечательной церкви Санта-Мария делла Виттория на улице Двадцатого сентября в Риме. Его «Экстаз святой Терезы Авильской» – замысловатая алтарная группа, изображающая испанскую монахиню, которая переживает мистическое озарение после того, как ей открылся лик Господа, – впоследствии стал считаться одним из величайших образцов итальянского барокко. Надо сказать, что, когда Бернини работал над этим заказом, его самолюбие оказалось задето. Ведь он был любимым мастером семейства Барберини, в частности кардинала Маттео Барберини, когда это влиятельнейшее духовное лицо вознеслось еще выше и в 1623 году заняло ватиканский престол, приняв имя папы Урбана VIII. Но в 1644 году, когда Урбан умер, папой сделался Иннокентий X, человек совсем иной закваски. Он куда меньше восхищался талантами Бернини и откровенно предпочитал другого скульптора – Франческо Борромини. Папские заказы иссякли, и Бернини клокотал от ярости у себя в мастерской. Прошло время, и венецианский кардинал Федерико Корнаро задумался о бренности своей жизни и решил заранее воздвигнуть себе достойный памятник. И заказал Бернини духоподъемную скульптурную композицию, чтобы украсить место собственного упокоения. Некоторые считают, что откровенная эротика, сквозящая в религиозном экстазе святой Терезы, – это камень скульптора в огород римского папы, который пренебрег талантом Бернини и отдал предпочтение его главному сопернику.

Как бы то ни было, «Экстаз» интересен не только как барочный шедевр, но и как

20 Перевод С. Я. Маршака.

наглядное выражение того, что религиозное исступление имеет далеко не случайное сходство с куда более приземленными разновидностями любви. Мы видим все те же верные приметы: страстный взгляд, прикованный к предмету обожания, мечтательное, отрешенное выражение лица, томление, потерю интереса к таким прозаическим вещам, как еда или даже сон. С давних времен в католичестве существовала традиция мистической любви к святым, к Деве Марии и даже к самому Господу. Разумеется, такая любовь по определению не может приносить сексуального удовлетворения, однако ей присуща та же страстная мощь, которая характерна для неразделенной земной любви.

Влюбленность в Бога

Эта мистическая традиция имеет давнюю историю. Всего через сотню лет после распятия Христа в пустынях Северной Африки некто Монтан положил начало экстатической форме христианского мистицизма. Согласно учению Монтана, исступление позволяет человеку напрямую связаться с Богом. Ведь люди, утверждал этот ересиарх, – всего лишь лиры, на струнах которых играет Господь. Хотя церковные иерархи, разумеется, смотрели на Монтана с подозрением, в последующие века целый поток одержимых одиночек, воодушевившись его примером, хлынул в пустыню, ища там мистических озарений. И многие из этих фанатичных аскетов обрели такую славу, что со временем их стали называть отцами-пустынниками. Знаменитый святой Антоний был среди этого множества всего лишь первым среди равных. Здесь, под солнцем пустыни, аскеты изнуряли себя постом и молитвой ради нисхождения на них божественного света и духовного озарения – что вряд ли получилось бы у них в дождливой и перенаселенной Европе.

Этому движению суждено было разрастаться и процветать на протяжении всего периода раннего христианства. В более позднюю эпоху к числу мистиков принадлежали живший в XIII веке доминиканский монах майстер Экхарт, его знаменитый современник святой Франциск Ассизский, немецкая монахиня XII века Хильдегарда Бингенская (она прославилась высказыванием: «Я лишь перышко, носимое дыханием Господа» и великолепной церковной музыкой), англичанка Марджери Кемп, жившая в XV веке, и конечно же святая Тереза Авильская. Эту традицию продолжили капуцинский монах падре Пио и итальянская святая конца XIX века Джемма Галгани. Почитайте любые их сочинения – и вы сразу поймете, что они питали глубочайшую любовь к самому Иисусу Христу. Вот что писала в XIX веке святая Тереза из Лизьё в своей «Истории одной души»: «Как же сладок моей душе был этот первый поцелуй Господа! Это был поцелуй любви. Я чувствовала себя любимой и говорила: “Я люблю Тебя и вверяю Тебе себя навеки”». И далее: «Тогда, исполненная безумной радости, я воскликнула: “О Господи, Любовь моя... мое призвание, наконец-то я нашла его! Мое призвание – *это Любовь!*” ...Зачем говорить о безумной радости? Нет, это выражение неправильно. Скорее это мирное, безмятежное состояние мореплавателя, увидевшего маяк, который должен привести его в гавань... О лучезарный маяк любви, я знаю, как до тебя добраться. Я открыла тайну, как завладеть твоим пламенем»²¹. Невозможно читать «Историю одной души», не поражаясь этому всеохватному чувству страстной неразделенной любви, этому отчаянному стремлению быть вместе со своим предметом страсти, угождать ему, служить ему и жертвовать собой, претерпевая любые страдания.

В экстатических формах, в которые порой выливается религиозное чувство, нетрудно увидеть симптомы обычной «земной» влюбленности. Разница лишь в том, что тут человек влюбляется в существо, которого в реальности не существует, или же – например, в случае Девы Марии, или великого множества христианских святых, или даже самого Иисуса Христа, – которые существовали, но давным-давно умерли. Почему-то происходит нажатие на те же самые кнопки – быть может, потому что, даже влюбляясь в обычного человека, мы в

21 Пер. А. и О. Дьячковых.

действительности тоже влюбляемся в воображаемый образ, находящийся у нас в голове.

Увы, некоторые из нас воспринимают все это чересчур буквально. В конце XI – начале XII веков в Нидерландах бешеным успехом, на глазах превращаясь в живого кумира, пользовался странствующий проповедник Танхельм Антверпенский: послушать его стекались огромные толпы. Еретик был так ослеплен и собственной славой, и любовью к Деве Марии, что в конце концов устроил пышную церемонию посреди чистого поля, позвав тысячи своих почитателей на собственное обручение с Богородицею. (К сожалению, невеста в тот день, видимо, была занята другими делами, так что ее заменяло священное изваяние.) По сути этот Танхельм был чем-то вроде сегодняшних телевизионных проповедников, способных стремительно наэлектризовывать толпы людей, приводя их в состояние религиозного иступления.

Это чувство влюбленности в Бога свойственно не только христианам – оно встречается и в других авраамических религиях. Нет ничего изысканнее любовной поэзии, составляющей сердцевину суфийского стиля каввали в исламе. Суфизм – это мистическое направление внутри исламской традиции, и, подобно большинству мистических сект авраамических религий (в иудаизме это каббала, а в христианстве – гностицизм), оно навлекало на себя подозрения и даже открытые гонения со стороны господствующих ветвей внутри своей же религии. Традиция каввали в Пакистане и Иране, одной из вершин которой стало творчество покойного великого Нусрата Фатеха Али Хана, – это особая форма пения, использующая зажигательные ритмы и старинные тексты суфийской любовной поэзии, причем во время исполнения и сам певец, и слушатели приходят в состояние иступленной радости. Многие из этих стихотворений относятся к традиционным газелям – старинному поэтическому жанру, восходящему еще к доисламской арабской поэзии VI века, где говорится и о боли утраты, и о разлуке, и о красоте любви. Особой силой воздействия газели наделяет двусмысленность поэтических оборотов, поэтому их можно воспринимать одновременно и как стихи о страстной плотской любви, и как выражение чистой, духовной любви к Богу.

О ты, с прекрасными длинными черными волосами,
Не пленяй меня своей колдовской сетью, —

умоляет певец и продолжает:

Взгляд, что пронзает,
Успокаивает сердце;
Раскинь тени от кос твоих,
Чтобы меня ласкала их темнота.

И снова:

Ты заставляешь меня плакать...
Я молил о любви, но получил лишь скорбь.

А можно вспомнить и чуть застенчивые слова из ветхозаветной «Песни песней» – этого, пожалуй, самого необычного любовного стихотворения (или, вернее, цикла любовных стихотворений) из когда-либо написанных. Ее включили в христианский свод Библии, несомненно, только потому, что текст можно было толковать (впрочем, с большой натяжкой, прямо скажем) как обращение к Богу:

Отперла я возлюбленному моему,
а возлюбленный мой повернулся и ушел.

Души во мне не стало, когда он говорил;

я искала его и не находила его;
звала его, и он не отзывался мне.

Харизма, секс и религия

Похоже, что это чувство экстатической религиозной любви с ужасающей легкостью способно превращаться в нечто совсем иное и отнюдь не духовное, а именно – в самый что ни на есть земной секс. При всех своих метафизических и нравственных контекстах религия в целом обнаруживает на удивление тесную связь с сексом. Во всяком случае, судя по народным преданиям, половые сношения играли особую роль в обрядах многих языческих и не вполне языческих религий. Например, в европейской традиции секс ассоциировался с колдовством (ведьм, помимо прочего, обвиняли в том, что они совокупаются с самим дьяволом); а в современных, с некоторых пор вошедших в моду реконструкциях древних европейских языческих культов обряды отправляются иногда нагишом, а в завершение участники действия совокупаются без разбора (так, во всяком случае, рассказывается об этом в самых пошлых репортажах «желтой прессы»).

Учитывая сказанное, наверное, не стоит удивляться тому, что секс очень часто просачивался и в основные, главенствующие направления религии. В эпоху позднего Средневековья такие секты, как Братья и сестры свободного духа, движение Кристерунг Клауса Людвига и мюнстерские анабаптисты, – все они выступали за свободную любовь. Каждое из этих течений, достигая вершины, привлекало тысячи последователей, а потому становилось серьезной угрозой в глазах светских и церковных властей. Несмотря на попытки главенствующей ветви христианства искоренить ереси, секты анабаптистов и братьев свободного духа просуществовали несколько столетий, в итоге породив множество новых религиозных движений – хотя, надо сразу оговориться, далеко не все из них сейчас проповедуют секс как путь к райскому блаженству. Например, от анабаптистов отпочковалось несколько сект праведников, ставивших превыше всего нравственную чистоту; среди них не последнее место сегодня занимают меннониты, амиши и гуттериты. С другой стороны, некоторые течения, произошедшие от Братства свободного духа, похоже, не слишком далеко ушли от исконных учений секты-родоначальницы. К ним относятся рантеры, проявившие себя в Англии в эпоху Кромвеля, в 1650-е годы; из их собственных сочинений явствует, что повсеместные обвинения в свальном грехе отнюдь не являлись исключительно пропагандой их противников.

В православной России еще в конце XIX века ходили рассказы о хлыстах: отправляя свои обряды, приверженцы этой секты плясали до умопомрачения вокруг костра или чана с водой, непрерывно распевая псалмы, а потом в иступлении валились на землю и совокупались с кем попало. Разумеется, можно вспомнить и знаменитые индуистские храмы, украшенные изваяниями совокупающихся пар, иногда переплетенных в крайне замысловатых позах. Наверное, подобные скульптуры немало способствовали энтузиазму, с каким в 1960-е годы западная молодежь принимала индуизм и создавала религиозные коммуны.

Если вдуматься, в том, что секс прорывается в религию, нет ничего особо удивительного. Ведь он сумел проникнуть почти во все прочие сферы человеческой жизни, особенно в те области, где требуются напряженные переживания. Приток эндорфинов и других нейромедиаторов, обычно сопровождающий наступление экстаза, по-видимому, переполняет человека особенно теплыми и нежными чувствами к остальным участникам совместно переживаемого важного действия – настолько сильными, что только самым суровым религиозным и моральным запретам под силу удержать «крышку» на бурлящем котле наших эмоций, а нас самих – в рамках общепринятых приличий. Однако в отсутствие таких сдерживающих сил ситуация стремительно вырывается из-под контроля. Вот только

что вы вроде бы спокойно занимались своим делом – как вдруг налетает армия гормонов, и вы, не успев ничего понять, уже оказываетесь в совершенно ином состоянии сознания. Сколько раз вам случалось говорить: «Да я ничего такого и в мыслях не имел, бес попутал...»? Нейромедиаторный вихрь подхватывает нас, лишая воли и разума, уносит ввысь, чтобы в следующий миг швырнуть, обессиленных, на землю.

Впрочем, сейчас нас больше интересует то, какую роль в успехе того или иного движения играют харизма и сексуальная привлекательность его основателя. Среди приверженцев многих средневековых христианских сект – в том числе секты Танхельма из Антверпена и Братства свободного духа – заметно преобладали женщины. Яну Брокельсону – последнему вожаку мюнстерской общины анабаптистов перед ее уничтожением в 1535 году – под конец карьеры пришлось нести на себе все тяготы окормления не менее пятнадцати женщин (в их число не входила его собственная жена, которую он оставил в Нидерландах).

Хотя официальная церковь, разумеется, всячески порицала подобную сексуальную разнузданность сектантов, в истории имеются яркие примеры того, как отдельные представители самого что ни есть мейнстрима с особым пылом предавались именно данной стороне своего религиозного призвания. Не последними в ряду этих духовных особ были римские папы эпохи Возрождения, из которых особенно прославился папа Александр VI из рода Борджиа. Говорили, будто он прижил ребенка с собственной дочерью, а одного из других многочисленных незаконных отпрысков назначил кардиналом в нежном возрасте 18 лет (к тому времени юноша уже три года находился в сане епископа Памплоны). Уже на нашей памяти в СМИ прокатилась череда громких скандалов и разоблачений многочисленных телевизионных проповедников. Билли Джеймс Харджис, Джим Баккер, Джимми Сваггарт, Эрл Полк и Тони Аламо запомнились публике отнюдь не по причине своей святости, а как раз наоборот.

Есть и множество других примеров, наделавших в свое время не меньше шума. Так, в викторианской Англии проповеди преподобного Генри Принса привлекали огромные толпы восхищенных последовательниц, покуда он в ответ на неодобрение вышестоящего епископа не объявил себя пророком Илией (а впоследствии пересмотрел это решение, повысив себя в звании до Господа Бога). Затем Принс и вовсе покинул чересчур тесное лоно англиканской церкви, открыв, что называется, собственную лавочку примерно на шесть-десять сектантов. В основном это были женщины, которых он без особой фантазии окрестил «невестами Господними». В царской России, уже в предсмертные годы обреченной империи, прославился «безумный старец» Распутин – как уникальным даром целителя, так и необыкновенной силой воздействия на женщин, не в последнюю очередь – на саму царицу Александру Федоровну и ее фрейлин. Ходили темные слухи о его сексуальной силе и тайных оргиях.

В таких делах вожаки отколовшихся сект, как правило, не отличались излишней скромностью. Джона Хамфри Нойеса, главу Онайдской общины, основанной им в 1848 году в городе Онайда на севере штата Нью-Йорк, недаром называли «отцом Нойесом»: к 58 годам он стал отцом по крайней мере восьми детей. В начале XX века такие деятели, как Джошуа II (настоящее имя – Франц Креффилд), Кришна Вентра (ранее известный как Френсис Пенковиц) и Брат XII (в чьем свидетельстве о крещении значится гораздо более прозаичное имя – Эдвард Артур Уилсон), – все они трудились во имя Божие и не щадя сил окормляли своих ревностных последовательниц. Как известно, 17 июля 1831 года Джозеф Смит, основатель церкви Святых последних дней (также именуемых мормонами), очень кстати получил от Бога откровение, что мужчинам надлежит иметь сразу много жен – или, как тактично выразился сам Господь, вступать в «множественный брак». Рассказывали, что упомянутое откровение было преподобному Смиту оттого, что его жена Эмма отнеслась к желанию супруга завести вторую жену без особого энтузиазма. По счастью, Бог подоспел на выручку и издал соответствующий эдикт, а с Господом не поспоришь. Смит очень серьезно отнесся к выполнению взятых на себя обязательств и будто бы взял в жены тридцать женщин в возрасте от четырнадцати до сорока лет, причем не менее трети этих женщин состояли в

браке с другими мужчинами.

Продолжая эту освященную веками традицию уже в наше время, Дэвид Кореш из секты Ветвь Давидова, как рассказывали, стал отцом двадцати одного ребенка в своей общине – главным образом потому, что объявил о своем праве спать с каждой последовательницей своей церкви, даже если она замужем за другим членом конгрегации. Как ни удивительно, но мужья, похоже, восприняли идею с не меньшим энтузиазмом, чем их жены. А еще в пору вспомнить скандально знаменитого Ошо, или Бхагвана Шри Раджниша, основателя общины Раджнишпуран в Орегоне, которого даже окрестили «секс-гуру». Рассказывали, что он был настолько харизматической личностью (во всяком случае, в молодости), что многие женщины влюблялись в него от одних только звуков его голоса.

Но почему женщины испытывают такое влечение к подобным религиозным лидерам? И почему сами мужчины ведут себя таким образом? Напрашивается самый легкий ответ: женщины по своей натуре более религиозны, чем мужчины, а потому на них легче воздействовать. Безусловно, это трюизм, и он нисколько не объясняет, почему у женщин появляются какие-то другие желания, кроме участия в богослужении. Один из возможных ответов может затрагивать куда более фундаментальное явление. Я имею в виду то, о чем мы уже говорили в четвертой главе, – а именно, что в женской стратегии выбора партнера очень важную (хотя и не единственную) роль играет фактор статуса – и богатства, которое с ним обычно ассоциируется. Разумеется, я не хочу этим сказать, что религия вообще возникла как некий побочный продукт человеческого ухаживания. Не намекаю я и на то, что единственная цель, которую преследует религиозная деятельность мужчин, – это открывающиеся репродуктивные преимущества. Я лишь высказываю мысль, что религию часто эксплуатировали в откровенно сексуальных целях. А происходило это потому, что мужчины обнаружили: такая стратегия прекрасно срабатывает. Что удивительно похоже на очередной пример полового отбора, принцип которого в том и состоит, чтобы не упустить случай, когда появляется какая-нибудь новая черта, позволяющая по-новому оценить качества партнера.

Встает вопрос: объясняется ли то, что мужчины получили подобный козырь и стали им повсюду пользоваться в собственных целях, только тем, что женщины от природы более религиозны и потому более подвержены влиянию духовного лидера? Считается, что, хотя среди священников и религиозных авторитетов мужчин гораздо больше, чем женщин, именно женщины составляют подавляющее большинство конгрегации почти во всех религиях. Данные исследований подтверждают: женщины чаще и легче вовлекаются в разного рода религиозную деятельность. Станным образом, как только религия перестала открывать доступ к выгодным должностям (например, в основных западных религиях), мужчины резко утратили интерес к религиозному поприщу. За последние полвека профессиональный престиж духовенства упал там настолько, что в священники стали возводить женщин, что ранее категорически возбранялось. Впрочем, наверное, нет ничего удивительного в том, что среди глав наиболее харизматических сект по-прежнему преобладают мужчины.

Во-первых, религия привлекает женщин в силу их большей эмоциональной и социальной восприимчивости. Женщины выражают эмоции более бурно, чем мужчины, о чем свидетельствуют не только их описания собственных чувств, но и мимика, и физиологические реакции (например, гальваническая электропроводность кожи), причем особенно это касается выражения негативных эмоций вроде тоски или отвращения. Часто высказывались мнения о том, что большая эмоциональная реактивность женщин является социальным стереотипом, выработанным под влиянием воспитания, но, хотя в какой-то степени это и верно, имеются веские основания полагать, что в основе лежат биологические различия, а гендерные модели поведения их просто усиливают. Недавние исследования с применением МРТ показали, что мозг мужчины и женщины по-разному реагирует на эмоциональные сигналы, и это вполне согласуется с представлениями о том, что женщины глубже мужчин откликаются на эмоциональные события. Например, вспышки активности при мысли о печальных событиях регистрируются в мозгу испытуемых независимо от пола,

однако у женщин эти реакции протекают намного интенсивнее, чем у мужчин, и при этом полнее охватываются оба полушария мозга. Кроме того, женщины значительно лучше справляются с тестами на определение чужих психологических состояний. Отчасти поэтому женщины оказываются гораздо уязвимее мужчин (их постоянно мучают мысли о повседневных неприятностях и тревожит неопределенность будущего), а также точнее угадывают чужие мысли и чувства. Возможно, именно по этим причинам женщины больше склонны к поиску упорядочивающих систем – вроде религии, – которые помогают им справляться с тревогой и страхом перед будущим. С учетом огромной роли религии в утешении человеческой души становится понятно, почему женщины легче поддаются религиозному внушению.

Вторым предрасполагающим фактором, вероятно, является то, что для женщины харизма – один из главных моментов в стратегии выбора партнера. Харизматические личности – будь то политические или религиозные лидеры, звезды спорта, музыканты и даже изредка писатели – особенно притягивают женское внимание; но самым бурным успехом пользуются поп-кумиры – у них просто отбоя нет от поклонниц, готовых на все. Секрет такой притягательности связан либо с их статусом (а значит, потенциальным богатством), либо с их хорошими генами (о наличии которых как бы свидетельствует их интеллектуальное или физическое превосходство). Этот эффект настолько мощен, что распространяется даже на «виртуальных» личностей – вплоть до самого Бога. Такое распространение естественного влечения на виртуальные персонажи, возможно, объясняется тем, что даже когда мы просто влюбляемся в кого-нибудь, мы, по сути, выстраиваем в уме некий воображаемый образ. Иными словами, мы влюбляемся в образ, который сами же и создали, причем он лишь частично соответствует реальному человеку. Я еще вернусь к этому в следующей главе, когда попробую объяснить, почему люди умудряются влюбляться по Интернету.

Третьим фактором может выступать чисто женская склонность крепко привязываться эмоционально к потенциальному партнеру. Хотя большинство людей рисует себе человеческое ухаживание так: пылкие мужчины осаждают застенчивых и разборчивых женщин, – реальность выглядит немного иначе, потому что выбор партнера – процесс двусторонний. Обоим полам есть что терять, ставки очень высоки, хотя конечно же женские и мужские стратегии достижения желанной цели (а она заключается в том, чтобы залучить в сети лучшего из доступных партнеров) могут сильно различаться, как и сами цели. Да, мужчины действительно ухаживают за женщинами, а те действительно проявляют разборчивость (причем женщины, вероятно, тщательнее продумывают свои решения, о чем говорилось в четвертой главе). И все-таки женщины порой проявляют огромное упорство и настойчивость в преследовании своей цели, если уж они положили глаз на конкретного мужчину. Мужчины обычно не столь неколебимы в своих стратегиях ухаживания, они легче сдаются, если видят, что их усилия вряд ли увенчаются успехом.

«Точка Бога»

Некоторый свет на соответствующие процессы проливает нейровизуализация. Недавние исследования с ее применением показали, что при мысли о Боге или других духовных сущностях активизируются те же участки мозга, что и при определении чужих психологических состояний (см. третью главу). То есть человек воспринимает эти духовные сущности как реальных людей. Несколько лет назад нейробиолог Эндрю Ньюберг и антрополог Юджин д'Аквили выяснили, что в мозгу у людей, достигших состояния религиозного экстаза путем медитации, наблюдается уникальная картина. У них заметно снижается уровень активности в левой задней части теменной доли, зато бурно активизируется все правое полушарие, которое обычно принято ассоциировать с бессознательными, эмоциональными реакциями. Известно, что зона теменной доли, снижающая свою активность во время мистических состояний, отвечает за нашу пространственную ориентацию, и ее «отключение» почти наверняка указывает на то, что

человек полностью отрешается от реального мира, что вполне согласуется с тем, как обычно описывают состояния экстаза. Ньюберг и д'Аквилли доказали, что, когда нейроны в теменной доле начинают отключаться, они передают ряд импульсов через лимбическую систему (опять же не без участия миндалин) в гипоталамус, который выстраивает контур обратной связи с зонами внимания в лобных долях (отвечающих за торможение пучка нейронов в теменной доле) и самой теменной долей. Когда выстраивается такой циклический контур, происходит полное выключение рефлекторной дуги, ответственной за пространственную ориентацию, и это приводит к экстатическому освобождению: человек ощущает единение с Бесконечностью Бытия, что характерно для вхождения в состояние транса. Этот пучок нейронов в теменной доле ученые назвали «точкой Бога».

Участие гипоталамуса подводит нас к мысли о роли эндорфинов: как-никак, гипоталамус – главный центр их производства. Что еще важнее, многие религиозные практики (особенно те, что призваны вызывать экстатические состояния) связаны с болью или повышенной нагрузкой на организм. В некоторых случаях речь идет даже о намеренном причинении боли. Самым известным и мрачным примером подобного рода в христианстве было средневековое движение флагеллантов. Его участники расхаживали по улицам городов, охваченных чумной эпидемией («Черной смертью»), и бичевали себя, доходя до полного иступления, попутно собирая огромные толпы зевак. В католическом монашестве долгое время существовала традиция покаяния, или наложения епитимьи. Монахи и монахини, читая в одиночестве покаянные молитвы, хлестали себя веревочной плетью с узлами, отчего покаяние оказывалось особенно выстраданным. В русской православной традиции существовали уже упоминавшиеся выше секты хлыстов и скопцов (названия говорят сами за себя), адепты которых тоже достигали религиозного экстаза при помощи самоистязания. (Так как скопцы, в числе прочего, еще и отрезали груди женщинам, излишне и говорить, что эта секта недолго пользовалась популярностью. А вот более умеренная секта хлыстов просуществовала с 1360-х по 1890-е годы.)

Разумеется, подобные методы практиковали не только христиане. В исламе существовали собственные варианты. Так называемые кружащиеся дервиши из суфийского тариката (ордена) Мевлеви, возникшего в 1273 году, дотанцовываются до иступленного самозабвения, используя завораживающее плавное движение вертящегося волчка. Более радикальные воющие дервиши из тариката Рифайя, основанного потомком Хусейна, внука пророка Мухаммеда, наносят себе удары острыми предметами. Они широко известны благодаря ежегодно отмечаемой шиитами Ашуре – дню поминовения Хусейна, принявшего мученическую смерть в октябре 680 года в Кербеле, на территории современного Ирака. В этот траурный день огромные толпы проходят по улицам города, направляясь к гробнице имама, и дервиши хлещут себя до крови цепями.

Другие недавние исследования с применением нейровизуализации заставляют предположить, что в состояниях религиозной убежденности (особенно веры в неусыпный и живой отклик Бога на наши поступки) задействованы многие из тех же зон мозга, что помогают нам определять психологические состояния других людей. Важное открытие, имеющее прямое отношение к предмету нашего интереса, состоит в том, что религиозные *знания* и религиозные *переживания*, похоже, базируются в совершенно разных отделах мозга. Религиозные знания активизируют участки височных долей, находящиеся возле ушей, тогда как религиозные переживания возбуждают зоны, находящиеся в левой части лобной доли, в теменной и височной долях. Первое явление объясняется, по-видимому, координацией связей между умопостигаемыми фактами, а второе, возможно, отражает более тесную связь с участками мозга, задействованными в определении чужих психологических состояний.

За гранью отчаяния

Как правило (почти не допускающее исключений), влюбленность всегда направлена на

одного конкретного человека. Действительно, нам почему-то трудно влюбляться в двух разных людей одновременно. Впрочем, в некоторых случаях такая фиксация доходит до настоящей одержимости, и тогда наблюдается редкое, но хорошо распознаваемое явление, которое носит название синдрома Клерамбо – в честь французского психиатра Гаэтана Гасьяна де Клерамбо, впервые описавшего его в 1921 году. Этот синдром, проявляющийся у женщин вдвое чаще, чем у мужчин, характеризуется навязчивым бредом: женщине кажется, будто в нее страстно влюблен некий известный или высокопоставленный человек. Эта бредовая мысль может угнездиться настолько прочно, что ее не в силах поколебать никакие опровержения со стороны предмета страсти. Любые попытки положить конец нежелательным проявлениям внимания истолковываются превратно: больным кажется, будто их пассия просто хочет таким образом испытать силу их чувства и решимость. Если мнимый влюбленный выказывает грубость или злость, то одержимая лишь удваивает старания, поскольку убеждается, что ее первоначальные подозрения об интересе к ней со стороны этого человека оправдались. Хотя такой эротический бред часто встречается у людей, ранее страдавших другими видами психической патологии, он может являться лишь верхушкой айсберга. Иными словами, он может отражать обычные женские представления о стратегиях ухаживания, только в доведенном до крайности виде. Ведь и аутизм – это всего лишь торчащий над поверхностью пик огромной «подводной горы», какой является вполне нормальный мужской когнитивный тип, по природе своей менее склонный к общению.

В характере проявления синдрома Клерамбо наблюдаются удивительные половые различия. Среди мужчин он обычно встречается у более молодых, относящихся к низшим классам людей; а еще очень похожее явление, принимающее форму гипертрофированной ревности, наблюдается у молодых людей, которых бросила возлюбленная. Среди женщин, наоборот, эротический бред диагностируется, как правило, у дам постарше и чаще всего – у замужних или тех, кто ранее бывал замужем. Мужчины часто делают объектом своей страсти женщин моложе себя, тогда как женщины, как правило, закидываются на мужчинах старше себя или имеющих более высокий статус.

Синдром Клерамбо стал серьезной проблемой для знаменитостей. Среди самых известных реальных примеров – случай Маргарет Мэри Рэй, которая вначале маниакально преследовала телеведущего Дэвида Леттермана, а потом – бывшего астронавта НАСА Фрэнклина Стори Масгрейва. Рональду Рейгану тоже пришлось столкнуться с этим синдромом, что едва не стоило ему жизни: некто Джон Хинкли совершил на него покушение, отчаянно пытаясь привлечь внимание актрисы Джоди Фостер, которую он преследовал. Татьяне Тарасовке повезло гораздо меньше: ее сокурсник по американскому университету, Просенджит Поддар, зарезал студентку, якобы пытаясь спасти ее от какой-то опасности. На самом деле он мстил за то, что она отвергла его ухаживания. Отразился этот синдром и в художественной литературе. Он является центральным сюжетным мотивом в романе Иэна Макьюэна «Испытание любовью», хотя в данном случае и одержимый эротическим бредом, и предмет его страсти – оба мужчины, что необычно. Кроме того, синдром фигурировал по меньшей мере в трех эпизодах сериала о работе следователей «Мыслить как преступник», снятого телеканалом «Си-би-эс». Я бы добавил, что, читая сочинение святой Терезы из Лизьё, невозможно отделаться от подозрения, что и она, быть может, в легкой степени, страдала синдромом Клерамбо.

С точки зрения эволюции такого рода навязчивая страсть далеко не бессмысленна. Ведь, раз вы решительно остановили свой выбор на конкретном партнере, тогда наилучшая стратегия – вцепиться в него изо всех сил и не упускать. И горе нерешительным! Нужно ясно объявить о своих намерениях, упорно бить в одну точку, и тогда даже до самого непробиваемого тупицы наконец дойдет. Иногда этого оказывается достаточно: как только предмет страсти понимает, что вы им интересуетесь, ему остается лишь принять волшебный вызов – и немедленно капитулировать. Настойчивость – это стратегия, которая часто оправдывается и срабатывает в брачной игре. Нетрудно увидеть определенные преимущества в таком психологическом настрое, суть которого сводится к следующему: «Если видишь

идеального партнера, просто хватай его/ее, пока кто-нибудь тебя не опередил». Хотя женщины очень ценят внимание к себе, мужчин, наверное, пронять настойчивостью даже легче – хотя бы потому, что они в большей мере, чем женщины, удовлетворяются доступными вариантами.

Проблема во многом порождается стечением обстоятельств. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить время на поиски мистера или мисс Совершенство. Происходит принципиальный компромисс между противоположными задачами: искать до бесконечности – или просто приступить к выполнению той биологической задачи, ради которой все это и затевается: к размножению. В какой-то момент, возможно, уже не слишком важно, от кого зачинать потомство, лишь бы партнер не оказался бесплодным и имел хоть сколько-нибудь приличный набор генов. Вряд ли вы найдете что-то много лучше, если продолжите отвергать ухажеров в надежде встретить наконец свой идеал. Кидаться на первого встречного, возможно, не стоит, однако и растягивать процесс выбора до бесконечности смысла не имеет: шансов на успех это не увеличивает. Как показали исследования, проведенные в 1970-е годы, оптимальная стратегия – проанализировать качества первых 13 потенциальных партнеров, а затем выбрать из этой группы. Потому что дальше вряд ли вам встретится что-то выдающееся. Позднее Питер Тодд и Джефф Миллер на основе компьютерного моделирования разработали теоретическую стратегию «Попробуй дюжину»: предлагалось изучить первую дюжину потенциальных партнеров, решить, кто из них лучше, а затем подождать, пока не появится новичок, который затмит всех предыдущих кандидатов, и тогда вцепиться в него и уже больше не выпускать. Поскольку жизнь не бесконечна, дальнейшее промедление грозит только ухудшением шансов.

Этому есть два объяснения. Во-первых, задача поиска партнера, как я уже отмечал в четвертой главе, является статистической. Даже если Идеальная Пара действительно существует, она (или он) сама прекрасно знает себе цену (хотя бы потому, что за ней все увиваются), а потому она согласится только на Идеальную Пару противоположного пола, никак не меньше. Мистер Совершенство ждет, когда же появится мисс Совершенство. Как только они нашли друг друга, подходит очередь мистера Вице-совершенство, который ищет свою мисс Вице-совершенство, и так далее, пока очередь не доходит до вас. Но поскольку вы все это время бездействовали, надеясь, что мистер или мисс Совершенство примут ваши знаки внимания, вы потратили впустую слишком много времени, прежде чем наконец осознать, что вам в любом случае придется довольствоваться синицей в руках и забыть о журавлях. А все это время ваши биологические часы продолжали неумолимо тикать, и ваши репродуктивные возможности таяли на глазах. Иными словами, мы биологически запрограммированы на то, чтобы отслеживать ситуацию только на местном сегменте брачного рынка и по понятным причинам не затягивать с выбором.

Второй фактор заключается в том, что Идеальная Пара – это фикция. Как ни печально, никто из нас не является образцом совершенства – хотя бы потому, что к совершенству предъявляется слишком много требований, часто противоречащих друг другу, а потому совершенство на каком-то одном уровне обязательно обернется недостатками или изъянами на другом. Однако у нас остается психологическая потребность верить, будто идеал существует, так что потом, уже сделав выбор, мы приписываем своему избраннику все мыслимые достоинства. Иначе нам просто недоставало бы решимости остановиться на ком-то одном – особенно после того, как рассеется розовый туман влюбленности. Даже если вы остаетесь с каждым избранником лишь краткое время, а потом находите нового партнера, вам всякий раз необходимо убеждать себя, что именно нынешний избранник и есть мистер (или мисс) Совершенство. Как только вы поймете, что это всего лишь заблуждение и самообман, ваша потеря интереса и привязанности к партнеру станет настолько очевидной, что ее лишь слепой не заметит.

* * *

Религиозная любовь вполне безопасна. Почти нет риска, что предмет страсти предаст вас или обманет. Подобно трубадурам средневековой Европы, вы можете обожать своего возлюбленного на расстоянии, не обременяя себя всеми трудностями и неудобствами повседневных отношений. Но даже если предмет любви вас иной раз огорчает, легкая форма синдрома Клерамбо позволит вам утешиться мыслью, что любимый всего лишь проверяет ваши чувства на прочность. Такие ситуации типичны для всех авраамических религий. В Библии полно примеров, когда преданность и любовь к Богу подвергает испытаниям, порой крайне жестоким, если не сам Господь, то с его поущения Сатана. Кто дрогнет – тот сойдет с дистанции, а кто устоит и не поколеблется в своей вере в Возлюбленного, в итоге восторжествует.

Но такие отношения безопасны и в другом смысле. Поскольку все это совершается в уме, в мыслях, можно просто вообразить себе идеального партнера. Ваши мечты никогда не разрушит вторжение грубой действительности. Возлюбленный скроен по вашим меркам – ведь вы сами выступаете в роли портного. Он лишен любых пороков и изъянов, потому что вы можете сотворить такой образ Возлюбленного, чтобы в нем нашли отражение именно те черты, которые вы ищете в идеальном партнере. В следующей главе мы рассмотрим другой случай виртуальной любви – так называемую «любовь по Интернету».

9

Любовь и измена по интернету

*С куста я розу сорвала
Беспечною рукой.
Ее любимый мой унес,
А вот шипы – со мной.*
Роберт Бернс. Берега Дуна²²

Нам посчастливилось стать очевидцами одного из тех замечательных моментов в истории, когда человеческая жизнь преобразилась до неузнаваемости. Пока мы медленно вступали в новое тысячелетие, мир вдруг обрел новое измерение – Интернет. С тех пор как появилась почтовая служба, пожалуй, самую революционную перемену в способ нашего дистанционного общения друг с другом внес «Фейсбук» и другие социальные сети. Никогда еще не было так легко заводить дружбу и находить любовь: доступность интернет-сайтов знакомств, мейлы от дружелюбных нигерийских спамеров, предлагающих несусветные богатства в обмен на номер вашего банковского счета, обещания вечной любви от красавиц из России – настолько расширить наш горизонт не удавалось ни лондонской «пенни-почте» 1850-х, ни массовой телефонизации 1930-х. Теперь достаточно нажать на несколько клавиш – и мы становимся односельчанами всемирной деревни.

Создатели «цифрового» мира мечтали (и до сих пор мечтают) проложить электронные пути общения, которые откроют нам дивные дали, позволят исследовать и покорить новый Дикий Запад, причем все это – не покидая уютных пределов собственного дома. Чудо Всемирной паутины сделает наши связи столь обширными и всепроникающими, что наш круг общения обогатится дружбой с множеством новых знакомых, живущих в разных уголках света. Гордиев узел, образовавшийся из-за ограниченности наших личных контактов и до недавних пор привязывавший нас к узким местным миркам – к горстке коллег по работе или товарищей по увлечениям, – наконец-то будет разрублен. Мы сможем общаться буквально со всем миром.

В каком-то смысле все это сбылось. Однако главной помехой на пути цифрового прогресса явилась сама человеческая природа. Технари позабыли (или вовсе не задумывались) о том, что ограниченность нашего круга друзей вызвана не только

22 Перевод С. Сухарева.

техническими проблемами коммуникации или недостатком свободного времени: дело еще и в нашей естественной способности поддерживать качественные дружеские отношения всего с горсткой людей. Да, нехватка времени – безусловно, важный фактор, а цифровой мир предлагает нам удобную возможность обращаться к нескольким людям одновременно. Но вот здесь-то и загвоздка: есть тонкое различие между такими понятиями, как «обращаться» и «общаться». Мы можем обращаться хоть ко всему миру, словно маяк, который бесконечно мигает, посылая сигналы всем проходящим мимо кораблям, – но со многими ли из этих проходящих кораблей мы способны поддержать осмысленную беседу? А потом, когда некоторые суда все-таки приближаются к нашему берегу – можем ли мы откликнуться сразу на все приглашения взойти на борт и повеселиться вместе?

Миражи и аватары

Во многом секрет успеха «Фейсбука» – в том, что эта социальная сеть позволяет людям поддерживать связи с давнишними друзьями, оказавшимися вдалеке. Раньше подобные отношения просто постепенно угасали, а потом и вовсе сходили на нет, причем за относительно короткое время. Еще каких-нибудь сто лет назад личный мир каждого человека оставался довольно маленьким и тесным: мало кто уезжал далеко, а те, кто уезжал, часто теряли связь с родными местами и жившими там людьми. Но в современном мобильном обществе люди регулярно переезжают, меняя место учебы и работы. При этом в каждом новом месте мы обретаем (и затем оставляем) небольшой круг друзей. Наш круг общения в целом становится фрагментированным – ведь он складывается из нескольких обособленных кругов, которые обычно никак не пересекаются между собой. Наши друзья детства из родного города конечно же могут знать наших родителей, братьев и сестер, но вряд ли они знакомы с остальной, более дальней родней, а наши друзья студенческих лет наверняка не встречались ни с первыми, ни со вторыми. Позднее мы обзаводимся еще двумя-тремя (и так далее) группами друзей в разных городах, где нам довелось поработать, и таким образом обрастаем новыми кругами общения, пересекающимися разве что в «Фейсбуке» или в лучшем случае на одном из мероприятий, куда мы созываем «всех-всех-всех» (обычно это какой-нибудь юбилей).

В каком-то смысле такая фрагментация делает нас очень уязвимыми. Наш социум в каждом отдельно взятом месте остается маленьким, у нас больше риска оказаться в изоляции. Если мы по какой-либо причине теряем близкого друга, последствия такой утраты могут сказаться острее, потому что нам больше некуда податься, а рядом нет ни родни, ни приятелей или друзей, которые могли бы нас поддержать и заполнить образовавшуюся пустоту. Современная жизнь гораздо больше способствует изоляции и социальному отчуждению, чем любая другая эпоха в истории человечества.

Интернет предлагает нам решение этой проблемы, позволяя поддерживать контакты с друзьями, которые оказались далеко от нас, часто на других континентах. Как средство для поддержания дружеских отношений он обладает огромным потенциалом, и масса людей эффективно пользуется им с этой целью. Еще у Интернета есть то безусловное преимущество, что он дает нам возможность разговаривать – по крайней мере, в переносном смысле – сразу с несколькими людьми. В принципе он позволяет нам выстраивать расширенный круг общения с теми людьми, кого мы «зафрендрили», то есть номинально взяли в «друзья», даже если в действительности мы мало что о них знаем.

Разумеется, Интернет не мог не сыграть свою роль и в области романтических отношений. Поиск подходящих партнеров никогда не был делом легким, особенно с тех пор как люди сделались более мобильными и их круг общения все больше и больше стал сводиться к коллегам по работе. В традиционных обществах браки заключались при участии всей общины. Каждый высказывал свое мнение. Для общины в целом было важно, кто на ком женится. Все со всеми советовались, а если и не советовались, то все равно получали советы. Предложения и подсказки передавались через обширную сеть родных и соседей. Тем самым

советчики как бы ручались за надежность предлагаемых вариантов. Но в современном мире мы лишены такой роскоши. Нашему разобщенному и фрагментированному социуму очень не хватает подобных возможностей и гарантий.

Социальная и экономическая мобильность населения, заявившая о себе одновременно с ростом урбанизации в конце XVIII века и достигшая пика в годы промышленной революции XIX века, уничтожила многие традиционные способы, ранее предоставлявшие доступ к потенциальным партнерам. Старая добрая деревенская сваха могла помочь только в пределах местной общины. Человек, покинувший родные места, должен был заботиться о себе сам. И в течение XIX века проблема только обострялась – ее усугубляло неуклонно возраставшее число женщин, которые во второй половине столетия ради заработка уезжали далеко от дома и нанимались в прислуги к богачам. Это неизбежно привело к появлению профессиональных брачных агентов. Первое брачное бюро открылось в Лондоне в 1751 году – оно предлагало свои услуги благородным господам и дамам, желавшим познакомиться и заключить союз. Однако процветающим бизнесом брачное дело стало лишь к концу викторианской эпохи. В 1880-е и 1890-е годы огромную популярность обрели частные объявления, причем отнюдь не только в отдаленных уголках Нового Света и Австралии, где женщин тогда не хватало. Публикации такого рода пользовались большой популярностью и в Лондоне викторианской и эдвардианской эпох. *Matrimonial Post, Matrimonial Herald, Matrimonial Record, Fashionable Marriage Advertiser, International Matrimonial Gazette, Matchmaker, Matrimonial Circle u Matrimonial Times* – все эти рекламные издания, специализировавшиеся на сватовстве, благополучно просуществовали вплоть до Первой мировой войны. Но не она разрушила эту огромную отрасль. Репутацию газет подорвала их популярность у деятелей секс-индустрии. Сутенеры и проститутки сообразили, что колонки частных объявлений – отличное место для рекламы своих услуг, если замаскировать их под обычные брачные объявления. Естественно, что порядочные женщины быстро прекратили обращаться в газеты, боясь, что им начнут поступать совсем не те предложения, на которые они рассчитывали.

Новое оживление на рынке брачных объявлений произошло лишь в 1960-е годы, когда возросшая экономическая мобильность опять привела к тому, что многие одиночки оказались в затруднительном положении, не видя в своем окружении подходящей пары. Тенденция продолжилась и в век цифровых технологий, когда на смену печатным изданиям пришли аналогичные интернет-сайты знакомств. И тогда, примерно на рубеже тысячелетий, их ряды пополнило бесчисленное множество специфических сайтов, предлагавших контакты русских или индонезийских девушек, ищущих супружеского счастья на Западе. Интернет просто оказался высокоскоростной заменой (к тому же с планетарным охватом) прежних колонок частных объявлений. Многие сайты знакомств работают по тому же принципу, что и их предшественники: пользователям нужно коротко рассказать о себе, а полученную информацию сотрудники виртуального бюро размещают в своих базах данных – или позволяют посетителям сайта напрямую получать доступ к авторам заинтересовавших их объявлений. Компьютеры просто ускоряют и совершенствуют обработку личных данных. Сейчас многие подобные сайты используют новейшие достижения в области психологии, особенно эволюционной психологии, вроде тех исследований, о которых я рассказывал в четвертой главе. В большинстве случаев пользователям нужно внести небольшую плату за регистрацию на сайте, и об успехе этого сегмента рынка косвенно свидетельствуют цифры: оборот подобных сайтов исчисляется миллиардами долларов. Более того, согласно одному обзору, 15 % всех пользователей Интернета входит в него с целью познакомиться, завязать отношения, найти романтического партнера.

Виртуальная любовь

Главная трудность, связанная с этой новой волной интернет-сайтов знакомств, заключается в том, что невозможно понять, кто на самом деле скрывается за тем или иным «профилем» или адресом электронной почты. Мы вернулись в зыбкий мир эдвардианских

матримониальных изданий, где неведомые нам дельцы прокручивали сомнительные аферы. И это касается не только сайтов знакомств – такова специфика интернет-культуры вообще. В Сети легче легкого сотворить себе любую личину. Вот потому-то нигерийские подростки, сидящие в единственном на всю деревню интернет-кафе, способны забивать нам почтовые ящики безграмотными сообщениями с обещаниями сказочных богатств – в обмен на наш номер банковского счета – или же душещипательными клятвами в вечной любви... опять-таки в обмен на наши банковские данные или хотя бы на скромный денежный перевод. Не видя изображения человека, ведущего с нами переписку, мы не в состоянии проверить, кто на самом деле это юное милое создание, которое умрет от ужасной болезни, если мы не подружимся с ним сию же секунду, – вправду ли такое юное и милое? А может, дряхлый старикан или подросток-рэпер, мающийся от безделья? Всё – включая тщательно продуманные фотографии – может оказаться вымыслом. Интернет – темный лес, где за каждым кустом нас подстерегают охотники. Идеально задуманная система оказалась наводнена преступниками, цель которых – эксплуатировать наши слабости и недостатки и извлекать из них выгоду. А наживаться на всем этом позволяют человеческое отчаяние, вызванное одиночеством и зловещим призраком еще более одинокой старости, а также наша природная доброта и доверчивость.

Вот где корень проблемы. Даже в реальной жизни, когда после первого опыта общения с человеком в нас просыпается интерес, мы просто выдумываем себе образ, в который затем и влюбляемся. Эти романтические «розовые очки» помогают нам преодолеть собственные строгие принципы, отбросить привычную сдержанность в общении и вступить в игру. Сквозная тема горестных историй многочисленных жертв интернет-мошенничеств – та ошеломительная быстрота, с которой они перешли от здорового скептицизма к безоглядной, безудержной, отчаянной любви к совершенно незнакомому (а порой даже знакомому) человеку «по ту сторону» телефона или имейла. Слушая одну историю за другой, убеждаешься в том, что всякий раз такая перемена совершалась будто внезапно, за одну ночь, – и нередко спустя всего несколько недель или месяцев после начала переписки.

В обычной жизни мы видим человека каждый день и постепенно соотносим его воображаемый образ с реальным. В виртуальном же мире этого не происходит. По Интернету мы влюбляемся в воображаемый образ, но у нас нет реального якоря, который удержал бы нас, не дал унести в буйное море фантазии. Беспомощных, нас затягивает все дальше и дальше – в самый центр паутины.

В точности неизвестно, сколько людей стали жертвами мошенничества в Интернете и каких лишились денег. Большинство скорее всего просто стесняется обращаться по таким поводам в полицию. Тем не менее, даже по самым скромным приблизительным подсчетам, ежегодно интернет-мошенники обманым путем завладевают миллиардами долларов. И немалую долю этих средств жертва отдает добровольно: она расстается со значительными суммами, наивно веря, что партнер по переписке искренне любит ее и просто нуждается в некоторой финансовой помощи, чтобы купить билет на самолет и жить потом с нею вместе в любви и гармонии всю оставшуюся жизнь... Многие из этих жертв – одинокие незамужние женщины, ищущие немного «нежной любящей заботы» (говоря стандартным языком брачных объявлений) и внимания, и конечно же они очень тяжело переживают подобные удары – как финансовые, так и психологические.

Вот один из недавних примеров: пятидесятидвухлетнего уроженца Гренады Дэвида Чекли приговорили к шести с половиной годам тюрьмы за мошенничество, совершенное в отношении тридцати женщин в Соединенном Королевстве. С большинством из них он познакомился через интернет-сайты и выманил у них в общей сложности около полумиллиона фунтов стерлингов. Некоторые лишились бизнеса, несколько человек – дома, большинство – сбережений и все – чувства собственного достоинства и веры в людей. Ласковыми словами он проложил путь к их сердцам и коварно воспользовался их благодарностью за то, что кто-то – хоть кто-то – всерьез заинтересовался ими, предложив дружбу и любовь. Дэвид казался внимательным и обходительным, поначалу играя в

великодушные и рыцарственность. А потом попросил займы несколько сотен фунтов, якобы чтобы проверить какую-то важную сделку. Жертвы неизменно и охотно одалживали ему требуемые суммы. Со временем потребности Чекли все возрастали. И всякий раз он ухитрялся привести убедительную причину того, что он пока не может вернуть предыдущие займы.

Романтический спаминг – это настоящее психологическое искусство, при том что часто им занимаются люди не слишком образованные. Зато они природные психологи: чуют слабые места своих жертв и ловко пользуются брешами в их линии обороны, демонстрируя отточенное мастерство в ремесле обмана. И все же трудно не удивляться тому, с какой легкостью жертвы верят в явную ложь, которую порой признаёт и сам обманщик (приводя благовидную причину, в силу которой ему пришлось скрывать свое истинное лицо, заявлять о мнимой сделке или изображать интерес к благотворительности). Ниже я приведу весьма типичную цепочку событий, выстроенную на основе реальных случаев из жизни.

Жертва – обычно образованная, имеющая профессию женщина лет сорока-пятидесяти, имеющая взрослых детей, – пытается оправиться от неудачного брака или спастись от растущего одиночества после смерти мужа. С каждым днем все больше страшась одинокой старости, она начинает поиски спутника жизни (часто без особого сексуального интереса) на сайтах знакомств. Что кажется ей вполне безопасным, ведь пользователи платят за регистрацию на сайте, а это наверняка отпугивает возможных злоумышленников. Происходит несколько «очных ставок» с несколькими кандидатами, но все они, к ее огорчению, оказываются совершенно не подходящими. А потом вдруг приходит робкое сообщение, которое не похоже на кучу других, совершенно заурядных откликов, поступавших раньше. Она заинтригована. Она отвечает. У ее корреспондента экзотическое имя, а на фото – когда оно наконец появляется – непременно запечатлен знойный средиземноморский красавец. Разумеется, впоследствии она припомнит, что о своем возрасте он говорил туманно, как и о многих других вещах. Да и имя, которое он назвал, могло бы навести на некоторые подозрения: если вдуматься, оно совсем не походило на имена, которые обычно носят жители Греции/Италии/Испании или откуда там еще он якобы был родом. Но она ведь тогда находилась на грани отчаяния.

Следует обмен мейлами, а затем раздается телефонный звонок. Судя по голосу, он никакой не европеец. Более того, по-английски он говорит так плохо, с таким акцентом, что становится ясно: он скорее всего откуда-нибудь из Западной Африки. Она разоблачает его, но он только смеется и открыто сознается в обмане, приводя какое-нибудь правдоподобное оправдание: мол, ему не хотелось отпугивать ее с самого начала, хотелось дать ей шанс понять, какой он на самом деле хороший, и так далее. Ей знакома такая стратегия, вполне возможно, она и сама к ней успешно прибегала, поэтому она готова его простить. Кривая улыбочка – ну да ладно, все это пустяк по сравнению с главным: ведь он кажется таким нежным, великодушным и... любящим. Следует новый обмен мейлами, а потом – робкое признание в любви. Несмотря на все эти маленькие обманы, она уже убедила себя в том, что тоже влюбилась. Он хотел бы приехать к ней, но у него нет денег. Он как бы случайно упоминает о каком-то бизнесе, только ему нужно немного начального капитала, чтобы его запустить. Если дело выгорит, оно принесет хорошую прибыль, и тогда он сможет купить билет на самолет и прилететь к ней.

В какой-то момент она допускает ошибку – нечаянно упоминает (как часто случается при невинном разговоре с людьми, которым доверяешь), что недавно получила приличное наследство. Слово за слово, и вскоре они уговариваются встретиться в каком-нибудь нейтральном месте – разумеется, полностью за счет жертвы. Следует несколько недель райского блаженства. Впервые за многие годы она чувствует себя любимой. Все обманы и уловки забыты и прощены. Сталкиваясь с реальностью, мы всегда охотно идем на компромисс с собственными запросами, чтобы избежать досадного «мига Золушки», когда приходится возвращаться с бала в одиночку. Это тот самый выбор викария за отсутствием других женихов, описанный Джейн Остин. Наша дама, убедив себя в том, что наконец-то

перед ней раскрылись ворота рая, отключает тормоза и отдается на волю волн. А затем ей сообщается о крупной сделке. Только нужен крупный заем на несколько месяцев. Дело надежней некуда. Она колеблется. Тогда в ход идет грубый эмоциональный шантаж: раз ты меня так любишь, как же ты можешь отказать мне в такой малости? Она сдается вопреки собственному благоразумию, подавив назойливые сомнения и тревогу. Они расстаются: он спешит на важную сделку, она – домой. Там она сразу же вышлет ему денег и начнет вить гнездышко.

А потом наступает развязка. Он звонит – или, чаще всего, присылает мейл и сообщает, что сделка не удалась, все лопнуло, деньги пропали. Он просто места себе не находит... такой ужас... ничего уже не исправишь... такое бывает... что ты теперь будешь думать обо мне... что мне сделать, чтобы покрыть ущерб... и так далее, и тому подобное. Но теперь уже поздно. Она завязла по уши, и вода скоро сомкнется у нее над головой. У нее теперь два выхода: выйти из игры и потерять все – деньги, любовь, уважение к себе – или вступить на более «щадящий» путь и позволить доить себя и дальше, тешась надеждой накопить что-нибудь на будущее, но на самом деле подвергаясь все большей эксплуатации.

Женщины, по-видимому, больше склонны поддаваться на такое «романтическое мошенничество», хотя и мужчины нередко становятся жертвами хорошеньких юных девушек, желающих найти идеального мужа, Прекрасного Принца, и посвятить ему всю жизнь. Единственное различие – в том, что обольстительница должна и правда быть молодой и привлекательной, иначе фокус не сработает. Иногда афера совершается не ради денег, а с целью заполучить вожделенный британский паспорт. После свадьбы невеста быстро исчезает – или просит о разводе. В итоге все сводится к обычному разбою, каким занимался когда-то легендарный Дик Терпин на большой дороге под Йорком, только с поправкой на цифровые технологии и реалии XXI века. И, подобно Терпину, скрывавшемуся под маской и длинным плащом, интернет-мошенники успешно прячутся под личинами. И, как в классическом цирковом «волшебстве» с чтением мыслей и тому подобным, мошенничество лучше всего удается, когда мошенник выдает о себе минимум информации, предоставляя жертве самой придумать и поверить в нужную историю. Сам себя человек убеждает как никто.

Кибервойны

В целом люди делятся на два типа – кибероптимистов и киберпессимистов, то есть на тех, кто считает, что Интернет способен решить все наши проблемы, и на тех, кто относится к подобным утверждениям крайне скептически. Похоже, что промежуточного мнения попросту не существует. Киберпессимисты полагают, что Интернет негативно влияет на нашу социальную жизнь, потому что мы тратим на него время, которое могли бы посвятить общению с друзьями из реального мира. В этом есть определенная логика, особенно когда речь идет о детях и подростках, ведь они, согласно статистике, с каждым годом просиживают в Сети все больше и больше часов. На обретение навыков, необходимых, чтобы успешно преодолевать сложности взрослого мира, уходят десятилетия, и тут, как при любом обучении, не обойтись без практики. Мы должны уметь принаравливаться к другим людям, соотносить собственные желания с потребностями и желаниями окружающих. В Интернете все проще, там всегда можно просто молча выйти из Сети и исчезнуть – в отличие от реальной жизни, где такое поведение обязательно кого-нибудь обидит. А самое главное, человеку очень важно понимать мимику собеседника, считывать с его лица более тонкие сигналы, правильно их толковать и соответствующим образом реагировать. Овладеть этим искусством можно только при непосредственном общении, причем далеко не сразу.

Обучение адекватному пониманию языка лица и тела – процесс долгий, гораздо более долгий, чем нам кажется. Куинтон Дили, один из моих соавторов, провел томографию мозга примерно сорока мальчикам и мужчинам в возрасте от восьми до пятидесяти лет, когда они решали задачу на распознавание выражений лиц. Задача была совсем простая. Испытуемым показывали фотографии лиц – спокойных либо выражающих страх или отвращение – и

просили назвать соответствующие эмоции. Включавшиеся при этом зоны мозга оказались «обычными подозреваемыми»: зрительная система, участвующие в опознании лиц нейроны в веретенообразной извилине височной доли, а также участки правой части лобной коры, которые обычно отвечают за эмоциональные реакции. Тут ничего принципиально нового не обнаружилось.

Удивило другое: уровень активности, наблюдавшейся в лобной коре, напрямую зависел от возраста. Наибольшим он был у самых юных испытуемых, а у тех, кто постарше, активность в лобных зонах падала до базового уровня, зато компенсировалась повышенной активизацией веретенообразной извилины (по крайней мере, в случае ознакомления с лицами, выражающими отвращение). Похоже, в детстве и юности нам действительно приходится затрачивать немало усилий, чтобы расшифровать эмоции по выражению лиц, потому-то столько работы происходит в «умных» зонах мозга, сосредоточенных в лобных долях. Но с годами, по мере обретения опыта, работа все больше автоматизируется и передается другим зонам мозга, которые вполне успешно справляются с ней в автономном режиме. Но как по-вашему, в каком возрасте происходит такая передача? Не раньше двадцати пяти лет! Что само по себе интересно, ведь именно в этом возрасте мозг формируется окончательно. Но все-таки поразительно, что это происходит так поздно: значит, человеку в самом деле требуется очень много времени и практики, чтобы довести эти навыки до автоматизма.

Нам приходится учиться ориентироваться в реальном социуме, справляться со всеми превратностями и форс-мажорами. Это дело небыстрое. Обретение социальной компетенции, включающей умение определять чужое психологическое состояние, приходит уже после того, как дети осваивают такие базовые свойства повседневной жизни, как причинно-следственные связи или постоянство объемов – что, скажем, если веревку изогнуть, она не станет короче. Мало научиться распознавать определенные зрительные сигналы, которые подает чужое лицо, и определять выраженную на нем эмоцию, – в том механическом смысле, в каком мы распознаём, например, сигнал, передаваемый маяком, по чередованию длинных и коротких вспышек. Нам нужно улавливать еще и тончайшие нюансы, свидетельствующие о глубине эмоции, порой замаскированной, а также разницу между подлинным чувством и наигранным. Мы должны отличать самопроизвольную, искреннюю, «дюшенновскую» улыбку от нарочитой, осознанной, «фальшивой» по характерным мелким морщинкам в уголках глаз. И пока мы не научимся этого делать, улыбка для нас будет оставаться «просто улыбкой», и чужая «аватарка» запросто нас обманет.

Необходимость осваивать все эти социальные тонкости – вот отличный довод против злоупотребления Интернетом в юном возрасте. Но есть и другие причины, по которым киберпессимисты смотрят на глобальную Сеть с опаской. Одна из них – это то, что время, говоря языком экономистов, неэластично. Его невозможно сжать, чтобы потом использовать более эффективно. Это оказывается важным в сфере дружеских отношений и нашей способности их поддерживать. Как я уже объяснял в шестой главе, эмоциональное качество наших дружеских связей (к родственным это относится в меньшей степени) зависит от количества времени, которое мы затрачиваем на общение. Чем больше мы общаемся с человеком, тем большую эмоциональную привязанность к нему испытываем. Время, проведенное в Интернете, – это время, которое мы отнимаем от живого общения с друзьями или с семьей. Именно это и критично – особенно для мужчин. Это показали наши долгосрочные исследования, посвященные разговорам по мобильному: юноши смогли сохранить отношения с друзьями после отъезда из дома, если чем-то занимались вместе в течение длительного времени. У девушек из нашей выборки все обстояло иначе: для них важнее всего оказалось то, сколько времени они разговаривали друг с другом. А эту потребность вполне удовлетворяют телефон и чаты в Сети. Наверное, именно поэтому более двух третей пользователей «Фейсбука» – женщины. Мужчины в целом чувствуют себя в этой среде не очень уютно. Впрочем, есть подозрение, что и для девушек технические средства служат, по сути, временным выходом из положения, вынужденным подспорьем, которое

позволяет «перебиться» в период разлуки. Если очень долгое время не видется и не общается лично, то никакие технологии мира не спасут дружбу от медленного сползания к краю бездны, что зияет за гранью нашего круга в 150 человек.

40 % нашего времени, отведенного на общение, мы посвящаем пяти ближайшим друзьям и родственникам и около 60 % – пятнадцати близким друзьям и родственникам. Простой подсчет показывает, что, если бы мы попытались столько же общаться со всеми, кто входит в более широкий круг, нам попросту не хватило бы времени. На общение мы тратим примерно пятую часть от тех ориентировочно 18 часов, которые бодрствуем. Если отдать хотя бы 5 % времени, уделяемого каждому из пятнадцати близких друзей, всем 150 членам большого приятельского круга, нам потребовалось бы для этого 27 часов в сутки. А если бы мы захотели поддерживать все наши приятельские связи на том же уровне близости, что с нашими пятью ближайшими друзьями, то нам ежедневно пришлось посвящать непосредственному общению 43 часа. Очевидно, что суток нам бы не хватило, даже если не есть и не спать.

Так что, наверное, неизбежно – вопреки бодрым утверждениям кибероптимистов, будто Интернет предлагает невиданные возможности расширить социальный горизонт и обзавестись десятками тысяч новых друзей по всему миру, – на самом деле наш виртуальный круг общения приблизительно совпадает с повседневным, привычным кругом общения в реальном мире. Когда мы с Томом Поллетом и Сэмом Робертсом предприняли исследование кругов общения в Интернете, то обнаружили, что у людей, пользующихся чатами или социальными сетями вроде «Фейсбука», такие круги общения ничуть не шире, чем у тех, кто существует в «офлайне». Джудит Донат и дана бойд (которая всегда пишет свое имя так, с маленькой буквы) в своем анализе социальных сетей пришли к тому же выводу: сайты, созданные для общения в Сети, не позволяют человеку иметь больше близких друзей, хотя позволяют завести гораздо больше знакомых. «Позволяют» тут ключевое слово: ведь из возможности заводить больше знакомств (из разряда тех, что на жаргоне социологов именуется «слабыми связями») отнюдь не вытекает, что вы обязаны это делать. И правда, похоже, большинство к этому вовсе и не стремится: несмотря на интернет-ажиотаж, большинство из нас все-таки ограничивает круг общения в «Фейсбуке» числом друзей и хороших знакомых из своего реального окружения, не выходя за его рамки. Когда сотрудники самого «Фейсбука» перетряхнули свою обширную базу данных, то выяснили, что среднее число «френдов» у каждого пользователя составляет от 120 до 130 человек, что вполне вписывается в знакомое нам число 150, ограничивающее наш круг общения. Конечно, у некоторых имеются сотни, даже тысячи фейсбучных «друзей», но такое большая редкость. Большинство предпочитает ощущать, что круг их общения в «Фейсбуке» – тот же, что и в повседневной реальной жизни, разве что еще парочка «френдов» в придачу. Как уже говорилось, мы просто не в состоянии управляться с чрезмерным количеством дружеских связей.

Действительно, размещая сообщения на «стене» в «Фейсбуке», люди пишут так, словно беседуют в узком кругу. Ведь в реальном мире максимальное количество участников общего разговора – четыре человека: стоит вступить пятому, и, уверяю вас, уже через полминуты беседа разобьется на две разные. Можете сами убедиться на ближайшей же вечеринке. Поэтому когда мы постим свои сообщения, то мысленно обращаемся всего к нескольким друзьям. Остальные выступают в роли наблюдателей-невидимок: не будь их вообще, это мало что поменяло бы. То же самое впечатление сложилось у нас в ходе долгосрочного исследования. Трое из нашей скромной выборки 18-летних юношей и девушек в течение полутора лет отправляли в среднем больше ста сообщений *в день* – и, очевидно, получали такое же количество ответов (только представьте, 108 тысяч сообщений, отосланных и полученных за 18 месяцев!). Но по-настоящему удивило вот что (и получило подтверждение в ряде других исследований): 85 % всех этих сообщений отправлялось всего двум людям – лучшему другу и лучшей подруге. Наш реальный круг общения очень узок. По этой причине некоторые новейшие социальные сети вроде *Path* ограничивают число возможных «друзей»

(в *Path*, где воспользовались моими разработками, оно не должно превышать 150). Там сознательно стараются создать уютную, камерную атмосферу, чтобы пользователи чувствовали безусловное доверие к людям, с которыми будут делиться фотографиями и личной информацией.

Так в чем же секрет личного общения? Что отличает его от заочного, виртуального? Мы не знаем наверняка, но из наших исследований, по крайней мере, выяснилось, что люди ощущают заметно меньше радости от онлайн-общения, чем от непосредственной встречи с другим человеком. Татьяна Влаховиц и Сэм Робертс, члены моей исследовательской команды, провели анкетирование 43 человек, поручив им на протяжении двух недель вести своего рода дневник, записывая туда все случаи общения с пятью ближайшими друзьями и оценивая каждый случай по степени радости от этого общения. Личное общение набрало гораздо больше очков, чем телефонные звонки, мейлы, мессенджеры и социальные сети. И только общение по скайпу оценивалось так же высоко, как контакт вживую. Причина понятна: только скайп обеспечивает эффект присутствия собеседника. Хотя, честно говоря, я поразился столь высоким оценкам скайпа: все-таки он работает пока немного неуклюже, дергано. Но результаты, возможно, указывают на то, что по мере совершенствования технологий преимущества скайпа будут возрастать, и прежде всего – ощущение близости собеседника. Похоже, что всех акустических тонкостей, малейших нюансов интонации, которые мы воспринимаем при разговоре по телефону, все-таки недостаточно – хотя, как я уже упоминал во второй главе, нам важно слышать смех собеседника.

Но интуиция подсказывает мне, что одного звена по-прежнему недостает. Наши экспериментальные «замеры радости», разумеется, весьма приблизительны. Мы не пытались количественно оценить влияние каждого акта общения на качество отношений с данным человеком в целом. Мне думается, что на удивление высокие результаты, полученные скайпом, заслонили один серьезный момент, имеющий долгосрочные последствия, особенно когда речь идет о самых близких отношениях, то есть любовных. Если вдуматься, причина очевидна. При всей важности мимики близость все-таки во многом зависит от телесного контакта. Одно прикосновение стоит тысячи слов; одно касание нам скажет все о человеке и его чувствах. До тех пор пока наши технари не изобретут какой-нибудь новый виртуальный фокус, который позволит передавать тактильные ощущения, виртуальные коммуникации никогда не сравнятся с непосредственным общением вживую и не заменят его.

Виртуальная нереальность

В предыдущей главе мы говорили о частном случае «виртуального романа» – о влюбленности в Бога. В этом случае наблюдаются все те же признаки поклонения сотворенному себе кумиру, включая проекцию собственных идеальных представлений на некий туманный и всеобъемлющий предмет любви. Мне кажется, что существует ряд параллелей между двумя этими явлениями, которые объясняются самим устройством нашего мышления. Разница лишь в том, что страсть к Богу – безвредная и безопасная, поскольку ее объект вряд ли вторгнется в наш реальный мир, а «интернет-роман», напротив, чреват большим риском и эмоциональной травмой, потому что за виртуальными «аватарками» все-таки скрываются реальные люди.

Мне бы очень хотелось завершить эту главу на оптимистичной ноте и спеть дифирамбы «всемирной деревне». Но боюсь, не получится. По моему мнению, виртуальный мир таит в себе слишком много ловушек для неосмотрительных и простодушных людей, предоставляя массу укрытий для злоумышленников. В реальной жизни мы обычно склонны доверять людям, куда их поступки или обстоятельства не заставят нас насторожиться. Мы исходим априори из порядочности окружающих – отчасти потому, что иначе общество попросту перестало бы существовать. А поскольку такое доверие с незапамятных времен было крайне важным для выживания маленькой общины – а значит, и всех ее членов, – то в силу естественного отбора мы просто унаследовали эту потребность доверять другим и самим

проявлять по отношению к ним честность и доброжелательность. В маленьком тесном мирке, где все друг друга знают, мошенника разоблачить легко. Мы вычисляем его по бегаящим глазкам и прочим верным приметам, а слухи по общине расходятся быстро. Но в необъятном и анонимном мире Интернета все обстоит совсем иначе.

Есть только одно крошечное исключение из правила: многопользовательские ролевые онлайн-игры вроде *Second Life* или *World of Warcraft*. В этих виртуальных мирах естественным образом воспроизводятся обычаи и правила, существующие в реальном мире. Нарушители принятых в сообществе законов и неписаных правил подвергаются остракизму и наказываются. Что неудивительно, ведь эти онлайн-сообщества де-факто не что иное, как маленькие общины, решающие совместные задачи. И пользователи ведут себя там примерно так же, как в повседневной жизни: образуются маленькие компании добрых друзей, которые со временем проникаются друг к другу таким доверием, что начинают действовать заодно. Однако если не считать этих особых случаев, в интернет-пространстве не существует самоконтроля, который заменял бы контроль внешний, «полицейский». Там ведь нет ни общего дела, ни единой цели, требующей совместных усилий. Это всего лишь супермаркет, который предлагает товары и услуги разного качества и по разным ценам. Но если в реальном мире каждый из нас сумеет выбрать оптимальный товар по оптимальной цене, то в мире виртуальных отношений мы, измученные отчаянием и одиночеством, рискуем наделать непоправимых ошибок.

* * *

Пока что мы говорили исключительно о процессах и механизмах, позволяющих нам делать определенные заключения относительно романтических партнеров и других людей, с которыми нас связывают близкие отношения. Но до сих пор мы не задавались вопросами: как и когда любопытный феномен под названием «влюбленность» занял столь важное место в нашей психике? В следующей главе я наконец обращусь к рассмотрению двух этих важных эволюционных вопросов.

10

Дилемма эволюции

*Жены, проку нет в слезах —
У мужчин гульба в крови:
Ведь в природе ни на грош
Постоянства не найдешь.*

Роберт Бернс. Закон природы²³

Пока что мы установили две вещи: во-первых, что брачная система у человека довольно изменчива – по крайней мере, в том смысле, что возможен переход от моногамии к полигамии и обратно. Во-вторых, при всем разнообразии форм этой системы за ними явственно стоят одни и те же психологические процессы, тот феномен, который мы называем влюбленностью. Есть мнения, будто он встречается и у представителей других видов, но мне все-таки кажется, что влюбляться могут только люди – во всяком случае, с такой силой. Впрочем, в данной главе я хочу сосредоточиться на функциональной стороне дела: откуда вообще взялось это странное явление в человеческом роду? Моногамные брачные системы (а значит, и парная брачная психология, неразрывно с ними связанная) у млекопитающих встречаются крайне редко: моногамны лишь 5 % видов. Хотя в нашем собственном отряде приматов моногамия распространена шире, все равно она отнюдь не является общим правилом: моногамны всего 15 % видов приматов, причем большинство из них – это либо

23 Перевод Е. Чевкиной.

мелкие южноамериканские капуциновые и игрунковые, либо гиббоны (единственные моногамные приматы Старого Света). Но пусть у других видов и близко нет того накала чувств, который знаком людям (хотя некоторые из южноамериканских обезьян временами поразительно нас напоминают!), их брачное поведение может подсказать нам некоторые обстоятельства, объясняющие эволюцию человеческого поведения.

Копнем эволюционные корни

В контексте эволюции возникновение брачных пар имеет всего четыре основания. Во-первых, парные отношения позволяют самцу монополизировать доступ к спариванию с самкой и быть уверенным, что детеныши – его. Во-вторых, это дает потомству дополнительную защиту от хищников. В-третьих, уменьшается риск, что оно станет жертвой самцов-детоубийц своего же вида. В-четвертых, самец помогает выращивать детенышей. Каждое из оснований предполагает особый тип брачного поведения, а это в свою очередь позволяет нам проследить эволюционные корни романтических отношений.

Например, в первом случае парные отношения по-настоящему выгодны только самцу, поскольку самке в общем-то не важно, с кем спариваться. А раз так, то, надо полагать, именно самец будет всячески стремиться к поддержанию отношений, потому что ему как раз есть что терять, если самка уйдет от него и решит спариться с другим самцом. Поэтому он придерживается тактики «охраны брачного партнера». Такое поведение мы наблюдаем у антилоп клипшпрингеров – одного из самых моногамных видов на свете (о них мы уже говорили в третьей главе).

Второе и третье основания очень сходны: оба имеют непосредственное отношение к защите жизни детенышей. Разница лишь в том, от кого их приходится защищать – от обычного хищника или от представителя собственного вида. Хищники, разумеется, вечная проблема, но нападают они, как правило, на взрослых особей, а чаще на подросших детенышей. В данном случае оба родителя в равной степени заинтересованы в охране и обороне: и самка (речь идет и о ее жизни), и самец (если самка погибнет, он лишится возможности передать свои гены потомству – при условии, что остальные самки в популяции уже «заняты»). Напротив, «хищничество» со стороны представителей собственного вида чаще всего угрожает совсем маленьким детенышам и новорожденным. У обезьян самцы постоянно занимаются детоубийством – прежде всего по причине длительного периода вынашивания и лактации (а это, напомним, плата за крупный мозг). У млекопитающих (включая человека) самки не возвращаются в репродуктивное состояние и не могут зачать нового детеныша, пока не отлучат от груди предыдущего. Это следствие очень простого механизма: механическая стимуляция сосков, которая происходит, когда детеныш сосет молоко, вызывает мощный выброс гормонов, «перекрывающий» работу яичников и не позволяющий им восстановить нормальный овуляторный цикл. Такая система невероятно чувствительна – она зависит от частоты кормления (они должны происходить примерно раз в четыре часа), а не от общего количества времени, которое младенец проводит у соска. Как только детеныш начинает пить меньше молока, промежутки между кормлениями удлиняются и снова начинается овуляция. Поэтому для самца стремление избавиться от приплода – вполне осмысленная стратегия: лишившись сосунков, самка вновь обретает способность к размножению, и самец может спариться с ней гораздо раньше, чем если бы пришлось дожидаться окончания лактации.

С самцами-детоубийцами «договориться» невозможно, ведь их эволюционная задача – устранить непосредственную причину временного бесплодия самки, а затем оплодотворить ее. Они неотступно следят за самкой и, стоит той зазеваться, тотчас хватают детеныша. Особую угрозу детенышам представляют новички, лишь недавно присоединившиеся к группе: им не терпится начать размножаться как можно скорее, пока они еще достаточно сильны, чтобы монополизировать доступ к самкам. Таким образом, для самки достаточно привлекателен и выгоден вариант, при котором она постоянно находится при одном самце, а

тот выполняет роль телохранителя при ней и ее детенышах, защищая их и от хищников, и от самцов-конкурентов. По сути это – сделка: исключительное право на спаривание в обмен на защиту. Напротив, для самца это не оптимальная стратегия, так как он и сам мог бы податься в разбойники-детоубийцы.

Такую тактику вполне естественно окрестили гипотезой «крыши» (или гипотезой телохранителя). В этом случае самка выигрывает от партнерских отношений гораздо больше, чем самец. Ведь он – единственное спасение для ее детенышей. Что касается самца, то еще неясно, в каком случае он сможет произвести больше потомства: оставшись с самкой на всю жизнь или предавшись беспорядочным связям. Поэтому разумно предположить, что в данном случае именно самка проявит больше усердия, чтобы сохранить брачные отношения и удержать партнера.

Вариант описанной тактики возникает в больших группах, где имеется много самцов. В таких случаях самки в репродуктивном состоянии подвергаются постоянным домогательствам со стороны похотливых кавалеров. Крайний случай – одичавшие козы и овцы: каждую самку, у которой начинается течка, обступают самцы и буквально у нее на спине дерутся между собой за право спаривания. Я много лет изучал диких коз в Шотландии и Северном Уэльсе и никогда не переставал поражаться этому совершенно хаотическому зрелищу: самки разбегаются во все стороны от самцов, а те яростно сшибаются рогами, чтобы оказаться первым в очереди, когда наконец удастся поймать какую-нибудь из беглянок.

Агрессивные домогательства вызывают у самки реакцию стресса, которая приводит к выбросу как кортизола («гормона стресса»), так и эндорфинов в большом количестве; они в свою очередь препятствуют выбросу гормона, высвобождающего гонадотропин. В результате яичники не получают от мозга химической команды на овуляцию, и самка остается бесплодной. Единственное решение этой проблемы для самок (хотя козы никогда к нему не прибегают) – образовать постоянную брачную пару с самцом, который затем отгонял бы других претендентов. Похоже, именно такую тактику взяли на вооружение гориллы, хотя у них сразу несколько самок «вешаются» на одного самца – самого крепкого и сильного в окрестностях. Самец при этом, похоже, инициативы не проявляет.

Четвертое основание для брачного союза – совместная забота о потомстве. Здесь все зависит от способности обоих полов с одинаковой легкостью выполнять родительский долг – или, по крайней мере, организовать такое разделение труда, при котором один родитель заботится о детенышах, а второй добывает пищу, чтобы прокормить мать и детей. Первый вариант обычно наблюдается у птиц (именно поэтому около 85 % всех видов птиц моногамны), но это возможно лишь потому, что процесс выкармливания и воспитания у них, по существу, гендерно нейтрален. В выведении потомства у птиц имеется два ключевых этапа: сперва насиживание и защита кладки от разорителей гнезд, а затем – доставка корма благополучно вылупившимся птенцам. У млекопитающих стадии насиживания соответствует внутриутробное вынашивание (а заниматься этим может только самка), а второй этап представляет собой лактацию (опять-таки молоко вырабатывается только у самки). Иными словами, в обоих случаях самцы млекопитающих (включая человека) оказываются не у дел. Правда, второй этап еще оставляет какой-то шанс самцам, что можно наблюдать у очень небольшого количества млекопитающих. Самый яркий пример – семейство собачьих (куда, помимо собак, входят волки, лисицы, койоты и шакалы). Все без исключения представители семейства абсолютно моногамны, что для млекопитающих просто уникально. А причина в том, что самец способен прокормить и самку, и щенков, принося в логово полупереваренное мясо, пока самка заботится о многочисленном выводке. После удачной охоты самец, как обычно, съедает мясо, а потом в желудке несет его в свое логово. Там он отгрызает содержимое желудка, чтобы его могли съесть сука со щенками. Наполовину переваренное мясо служит отличной пищей для подросших щенков. Конечно, для травоядных такое невозможно: зелень, съеденная «по второму разу», совсем не так питательна, как полупереваренное мясо.

Прекрасную иллюстрацию родительского разделения труда мы наблюдаем у приматов.

Хотя и уникальную даже для них: у крошечных мармозеток и тамаринов из семейства игрунковых, обитающих в Южной Америке, самец самолично таскает на себе обеих детенышей. Самке они достаются всего минут на десять, чтобы она могла их покормить. Но и тогда самец сам решает, когда забрать их у матери: он буквально оттаскивает малышей от нее, пока они в него не вцепятся. По сути, самка игрунковых служит всего лишь молочным автоматом: со всем остальным справляется самец – условно говоря, и пеленки меняет, и сказочку на ночь рассказывает.

Все дело в том, что физиология тамаринов тоже по-своему уникальна: самки производят на свет двойню и возвращаются в репродуктивное состояние практически сразу же после родов, а не после отлучения детенышей от груди. Последнее означает, что, пока самец возится с новорожденными, уже поспевают второй приплод, так что оставаться рядом с самкой очень даже имеет смысл. Новая двойня родится примерно тогда, когда придет пора отлучать первую от молока. Таким образом, размножение у тамаринов, можно сказать, поставлено на конвейер. Поскольку самка способна приносить двойню благодаря тому, что самец берет на себя часть родительских хлопот, он, оставаясь моногамным, производит больше потомства, чем если бы выбрал иную стратегию и блуждал бы в поисках овулирующих самок.

Все приведенные примеры свидетельствуют, что оба пола равно заинтересованы в поддержании брачных отношений: они не способны успешно вырастить потомство в одиночку, без взаимопомощи. А значит, они одинаково дорожат партнерством. Еще важнее (особенно для млекопитающих) то, что, раз уж самец тратит время и силы на родительский труд, он должен проявлять заинтересованность в том, чтобы детеныши, о которых он заботится, были точно его собственные, а не чужие.

Самцы млекопитающих по жизни не уверены в собственном отцовстве, и это ставит их в эволюционно уязвимое положение, поскольку забота о чужом потомстве – это генетический альтруизм. Самоотверженность одних самцов попросту подталкивает других к тому, чтобы бросить собственное потомство и отправиться на поиски новых приключений, предоставив выполнение родительских обязанностей какому-нибудь простофилю. Собственно, именно это и наблюдается иногда у тамаринов: если к группе присоединяется новый самец и вызывается помогать какой-нибудь самке, носить ее детенышей и опекать их, то самец-производитель немедленно бросает свою партнершу, как только она забеременеет, уходит и пытается найти себе новую самку. Такое случается, потому что высокий уровень смертности среди самок в довольно тяжелых условиях приводит к переизбытку самцов и нехватке семейных участков. Молодые самцы-холостяки охотно «пристраиваются» к сложившимся парам и помогают им, дожидаясь, когда появится новая территория для размножения. В случае, если самцы прибывают к территориям своих родственников, они все равно генетически заинтересованы в потомстве, пусть и не в собственном, а самец-производитель не прочь передоверить потомство и заботу о нем новичкам, прекрасно понимая, что те отлично справятся – именно в силу родственных уз. Самке подмена, похоже, практически безразлична: был бы рядом кто-нибудь, кто вовремя «меняет пеленки», а остальное – дело десятое.

А что же человек?

Традиционно считалось, что брачные отношения возникли у людей для того, чтобы оба родителя могли заботиться о детях. Разумеется, никто не тешил себя иллюзией, будто наши прапрапрадеды нянчились с младенцами: ведь даже в наше время мужчины занимаются подобными вещами лишь в самых продвинутых странах, да и то когда никак нельзя отвертеться. Скорее предположение обосновывалось потребностью в разделении труда: как это бывает во всех традиционных обществах, женщины занимались детьми (в чем им *изредка* помогали мужья), а мужчины ходили на охоту, чтобы обеспечить семью едой. То есть речь шла о «собачьей» модели семейного поведения. Такое представление

господствовало с последней четверти XIX века, то есть с тех пор, как под влиянием идей Дарвина люди начали задаваться вопросами об эволюции человеческого института брака.

Однако затем произошла переоценка энергетических затрат, требующихся для развития большого мозга. Роб Фоули и Филлис Ли подсчитали, сколько дополнительной энергии (по сравнению с шимпанзе) необходимо для выращивания человеческого потомства. Как и можно было предсказать, исходя из факта, что человеческий мозг в три раза крупнее мозга шимпанзе, энергетические затраты оказались тоже куда существеннее. Полученные данные заставляют предположить, что эти возросшие затраты невозможно было компенсировать ни благодаря добыче мужчинами большего количества пищи, ни переходом на более калорийный мясной рацион. Оставался единственный способ – равномерно распределить их на гораздо более длительный период времени. Иными словами, проблема решалась замедлением роста и увеличением периода родительской опеки (что и наблюдается у людей).

«Собачью» модель родительской опеки поставила под вопрос и Кристен Хокс, высказав предположение, что охота на крупную дичь в племенах охотников и собирателей, возможно, никак не связана с добычей еды для семьи. Как мы уже говорили в четвертой главе, исследования охотничьей практики и у южноамериканского народа аче, и у восточноафриканского племени охотников и собирателей хадза показали, что мужчины, охотящиеся на крупную дичь, в действительности приносят домой слишком мало мяса, чтобы считать их усилия оправданными. И в любом случае всю добычу им приходится поровну распределять между всеми семьями общины. За исключением одного довольно специфического примера – инуитов (эскимосов), обитающих в арктических краях, где зимой почти нечем питаться, кроме мяса, в охотничье-собирательских обществах именно женщины добывают львиную долю калорий для прокорма семьи, занимаясь собирательством. Хокс развенчала миф о том, что целью охоты было обеспечение семьи пищей. Взамен она предположила, что, охотясь на крупную дичь, мужчины просто рекламируют свою генетическую пригодность. Еще бы: раз ты такой сильный и смелый, что не боишься охотиться на больших опасных зверей, не боишься леса, полного хищников, – значит, ты парень что надо!

Позже, изучая быт народа хадза (в Танзании), Хокс поразились огромной роли в нем бабушек. Именно они больше всего помогают дочерям воспитывать детей. Это дало толчок идее о том, что менопауза, возможно, является приспособительной стратегией, которая позволяет женщинам переключать внимание с собственного воспроизводства на воспроизводство дочерей. Так родилась известная «гипотеза бабушек». С тех пор появилось немало данных о том, что и в аграрных обществах наличие бабушки по материнской линии (но далеко не всегда по отцовской!) позитивно влияет на количество детей, которых женщина может успешно вырастить в течение жизни. В любом случае большинство случаев взаимной помощи и поддержки при совместной заботе о детях во всем мире, в любых обществах – традиционных и современных, – отмечено среди женщин, связанных узами близкого родства. Иными словами, после того как женщина забеременела, мужчина как бы и не нужен. Растить детей гораздо лучше получается у женщин, когда они помогают друг другу. Это наглядно демонстрируют негритянские общины в США. В условиях, когда мужчины сегодня здесь, а завтра там (даже если они не погибают в войнах между наркоторговцами), женщины часто образуют совместные домохозяйства, охватывающие несколько поколений по женской линии и действующие как единое предприятие: дочь рождает новых детей, мать зарабатывает, а бабушка хлопочет по хозяйству. Мужчин в доме нет – да они и не нужны. Идеальная картина – рай, да и только!

Ну а раз мужчины не могут толком позаботиться о детях и не приносят домой вкусностей (притом что бабушки и сестры управляют с детьми гораздо лучше их) – тогда зачем людям вообще понадобилось выстраивать брачные отношения, жить парами? В самом деле, с какой стати женщинам усложнять себе жизнь и эмоционально привязываться к единственному мужчине?

Из оставшихся возможностей довод о защите от хищников можно смело отмести. Уже

одно то, что люди практикуют разделение труда, при котором в охотничье-собирательских обществах мужчины и женщины добывают пищу раздельно (одни – мясо, другие – съедобные растения), свидетельствует, что страх перед хищниками вряд ли можно всерьез считать давлением отбора. Это конечно же вовсе не значит, что в традиционных обществах люди не боятся хищников. Однако собирательские группы, состоящие из одних женщин, справляются с этой опасностью вполне успешно. Как выяснили мы с Сюзанной Шульц, большинство приматов просто соотносят размер группы с масштабом угрозы. При этом женщины способны совместно справиться с задачей ничуть не хуже мужчин. Пусть они мельче и слабее – зато женская группа может быть многочисленнее. Возможно, для одиночной самки защита самца и правда необходима (что мы видим на примере многих моногамных антилоп и приматов), однако женщины живут группами и крайне редко гуляют в одиночку. Иными словами, страх перед хищниками при всей своей эволюционной значимости никак не объясняет возникновение брачных отношений у людей.

Не выдерживает критики и гипотеза охраны партнера. У млекопитающих подобная стратегия обычно наблюдается в двух обстоятельствах. Во-первых, когда самки предпочитают (или вынуждены в силу экологических условий) пастись отдельно, а во-вторых, когда они живут большими группами и самец вынужден отгонять конкурентов от своей самки, когда она в течке. Первый случай выдвигался в качестве объяснения моногамии у мелких антилоп и у приматов (включая южноамериканских обезьян, а также азиатских гиббонов). Разумеется, тот факт, что самки кормятся в одиночку на собственных территориях, делает моногамию возможной. Однако мне удалось доказать на примере мармозеток, тамаринов и гиббонов, что самцам было бы в пять раз выгоднее (если исходить из численности потомства за год) кочевать в поисках новых самок, а не оставаться все время с одной. Разумеется, более слабые самцы при этом проиграли бы сильным, монополизировавшим право на самок, – но такова жизнь. Эволюция не слишком печется о тех, кто слабее.

Стратегия охраны партнера обычно имеет место в больших группах с таким количеством самцов, что супружеская монополия оказывается под угрозой со стороны сразу множества конкурентов. Классический пример среди приматов – бабуины и шимпанзе, и оба вида решают проблему почти одинаково: самец буквально приклеивается к самке и не отходит от нее ни на шаг, пока она находится в течке и проявляет желание спариваться. Их брачный союз редко длится дольше нескольких дней, после чего самец оставляет ее и отправляется на поиски новой самки, способной к зачатию. Ни у одного из названных видов не возникает постоянных пар – хотя изредка самки бабуинов сильно привязываются к конкретным самцам, и такие отношения способны длиться год или два. Таким образом, нам остается всего одно правдоподобное объяснение, а именно – гипотеза телохранителя, или, иначе говоря, «крыши», – для защиты от детоубийства и домогательств со стороны других самцов.

«Крыша» в разбойничьем царстве

Важно помнить о том, что по сравнению с другими приматами люди живут неестественно большими сообществами – при том что даже традиционная охотничье-собирательская община никогда не бывает сконцентрирована целиком на одной и той же территории. Обычно такое сообщество, насчитывающее человек 150, разделяется на три-четыре группы по 30–50 мужчин, женщин и детей в каждой, которые вместе кочуют в поисках пищи по территории площадью в несколько сотен квадратных километров. Состав их довольно неустойчив: время от времени отдельные семьи решают перейти в другое место, зато взамен к группе прибывают новые семьи. В группе из полусотни человек может находиться десять-двенадцать мужчин брачного возраста. Для них всегда существует риск (даже если другие мужчины группы – ребята приличные и не станут приставать к их женам) что на стоянку забредет кто-нибудь из других групп той же общины. Как отмечает Терри

Дикон в книге «Символический вид», необходим какой-то механизм, который помешал бы этим случайным гостям увести у вас супруга или вашей супруге – положить глаз на одного из чужаков. Иначе получится настоящее разбойничье царство. Что для мужчин обернется, в частности, неуверенностью в своем отцовстве.

Однако для женщин ситуация, пожалуй, гораздо серьезнее. В отсутствие какого-либо диконовского механизма наступает сексуальная вседозволенность. Присутствие в группе большого числа мужчин – не говоря о мужчинах из соседних групп, которые могут появиться в любой момент, – создает серьезную угрозу. С проблемой сексуального преследования сталкиваются самки тех видов животных, у которых практикуется беспорядочное спаривание. У диких коз из-за жестоких драк и нападений самцов возможность самки пасть снижается почти вдвое. По счастью, у коз течка длится всего один день, так что самка возвращается к нормальному режиму кормления, как только самцы теряют к ней интерес. Но у человека готовность к совокуплению растянута во времени и не зависит напрямую от менструального цикла, так что проблема насилия становится ежедневной.

Ее масштаб нагляднее всего виден на примере крупных обезьян. У шимпанзе и орангутанов самцы постоянно пристают к самкам, когда у тех течка, пытаясь принудить их к совокуплению. И по крайней мере в одном смысле такая стратегия срабатывает: самцы шимпанзе действительно чаще всего спариваются с теми самками, к которым пристают настырнее всего. Эти домогательства неизменно мешают самке кормиться и нередко заканчиваются для нее увечьями. У тех самок, которые подвергаются многочисленным приставаниям, также значительно повышается уровень кортизола (что указывает на высокий уровень испытываемого ими стресса). А поскольку стресс обычно повышает риск бесплодия, чрезмерное внимание самцов оборачивается для самок серьезными потерями.

С той же проблемой сталкиваются птицы, гнездящиеся колониями. Мы уже говорили о карликовой щурке – маленькой африканской насекомоядной птице с очень ярким оперением. Этот вид гнездится большими колониями в песчаных обрывах вдоль рек, причем у каждой пары имеется отдельное жилище – подземная нора. Поскольку самки подвергаются домогательствам со стороны самцов-холостяков на вылете из норы и потом, когда прилетают обратно, то обычно им приходится перемещаться в сопровождении партнеров, которые выполняют обязанности телохранителей. Как и большинство птиц, щурки моногамны, так что решение проблемы существовало, как говорится, еще до ее возникновения. Просто щурки скорректировали пищевое поведение и летают на кормежку парой, так что самец одновременно охраняет самку от чужаков. А печальную иллюстрацию того, что может произойти при беспорядочном спаривании и в отсутствие телохранителя, мы можем наблюдать у уток. Селезни так увлекаются драками друг с другом, что в итоге иногда топят бедную самку, из-за которой и затеяли сыр-бор.

Если вы тешите себя иллюзией, что мы, люди, слишком хороши и нам подобное не грозит, то ознакомьтесь хотя бы со статистикой преступлений. Даже в наши вполне просвещенные времена насилие и жестокость прикрыты лишь тонкой пленкой цивилизованности и вырываются на поверхность, чуть ослабнет контроль государства, – например во время войн или гражданских беспорядков. Мы легко забываем о том, что многие из нас живут в привилегированных условиях, где насильственные преступления случаются редко, да и то в основном в городских трущобах. А в уютных благополучных пригородах количество таких преступлений вообще близко к нулю. Зато в других краях – например во многих странах Африки – насилие по сей день остается фактом повседневной жизни. И, разумеется, в прежние исторические эпохи точно так же дело обстояло в Европе. Тридцатилетняя война, раздиравшая Северную Европу с 1618 по 1648 год, явилась одной из самых разрушительных в истории человечества. Целые области Германии оказались разорены, общественные устои подорваны, католики и протестанты истребляли друг друга в бесчисленных сражениях. Не стала исключением и современная эпоха, взять хотя бы зверства солдат Второй мировой войны, включая изнасилования в покоренных городах. На протяжении всей человеческой истории разъяренные армии редко (если когда-либо вообще)

ограничивались тем, что отнимали имущество, еду и домашнюю скотину у несчастных крестьян, попадавших им по пути. Даже сегодня потомки Чингисхана и его братьев намного превосходят численностью потомков всех прочих людей в пределах бывшей Монгольской империи²⁴. По мрачному убеждению английского политического философа XVII века Томаса Гоббса, лишь навязанные человеку законы удерживают его от зверства. Пресловутая грань, отделяющая общество от хаоса, поистине очень тонка. И особенно остро ее хрупкость ощущается при нехватке женщин. Мужчины, лишённые доступа к женщинам, – это грозная проблема, как показал проведенный Филипом Старксом и Кэролайн Блэки анализ количества изнасилований, совершенных в США с 1960 по 1995 год. Исследовав статистику для каждого штата, они выяснили, что частота изнасилований прямо пропорциональна частоте разводов, и предположили, что такая зависимость отражает повышение сексуальной неудовлетворенности по мере того, как на «брачном рынке» оказывается все больше свободных мужчин. При этом важно, что разведенные мужчины желают поскорее снова жениться, а разведенные женщины – напротив, остерегаются повторно вступить в брак. Когда число мужчин, находящихся в поиске партнерш, начинает значительно превышать число доступных им женщин, беды не миновать.

То же самое мы видим на примере позднесредневековой Португалии. Как мы уже говорили в шестой главе, отказ земельной аристократии от дробления наследства и переход к майорату привели к переизбытку обездоленных, но налитых тестостероном младших сыновей, которым не светила женитьба. Они сделали такую помехой для общества, что к решению проблемы пришлось подключиться королю. Результатом, как сегодня доказано, явилась эпоха Великих географических открытий, начало которой положили португальцы. А некоторые историки в развитие этой концепции предположили, что и крестовые походы были не чем иным, как совместным проектом церкви и государства для снятия аналогичной напряженности, возникшей в других частях Европы несколькими веками раньше²⁵.

То, что женщине, как и всякой самке, насущно необходима «крыша», доказывает ряд современных примеров. Так, у народа аче в восточном Парагвае мужчина, занявший место «супруга» женщины после смерти или исчезновения последнего, часто убивает детей от прежнего союза – на том вполне понятном основании, что не желает обременять себя воспитанием чужого потомства. Дети каждого мужчины находятся в безопасности лишь до тех пор, пока жив отец, способный их защитить. Второй пример почерпнут у этнографов, исследовавших туризм. Оказывается, одиноким молодым туристкам часто выгодно вступить в связь с одним мужчиной из сугубо практических соображений, то есть предложить секс в обмен на защиту от нежелательных приставаний других мужчин. Одинокие женщины, оказавшиеся вдали от родни и привычного социального круга, становятся легкой добычей насильников – особенно в странах, где секс является малодоступным «товаром» для мающихся переизбытком тестостерона молодых мужчин. Марго Уилсон и Сьюзан Месник проанализировали национальную выборку, охватившую свыше 12 тысяч канадок. Выяснилось, что незамужние или не связанные постоянными отношениями женщины в течение предыдущих 12 месяцев подвергались сексуальным домогательствам в 2,5–5 раз чаще, чем имеющие партнера. Такие цифры были получены с учетом поправок на возраст, уровень доходов, образ жизни и склонность к риску. Наибольший разрыв в показателях наблюдался у женщин в возрастной категории от 35 до 54 лет. Когда венские этологи изучали

24 Около 7 % всех ныне живущих мужчин в пределах бывшей империи Чингисхана имеют Y-хромосомы, унаследованные непосредственно от него самого и его братьев. Это соответствует приблизительно 0,5 % всех мужчин, ныне живущих во всем мире. Печально известна его обычная стратегия после разграбления очередного города: мужчин убивали, а женщин насиловали, причем независимо от того, оказывали горожане сопротивление или нет.

25 Переход к системе майоратного права в Северной и Центральной Европе начался на несколько веков раньше, чем в Португалии, – главным образом потому, что весь Иберийский полуостров вплоть до начала 1400-х годов находился под мусульманским владычеством.

модели человеческого ухаживания в клубах и танцевальных залах, то исследовательницам приходилось появляться там в сопровождении мужчин-коллег; в противном случае они не могли заниматься сбором данных из-за бесконечных приставаний.

Кто кого больше любит?

Если примеры, приведенные в предыдущем разделе, служат достаточно убедительными доводами в пользу гипотезы «крыши», то остается вопрос: являются ли брачные отношения равно взаимовыгодными или одна сторона выигрывает больше? Вспомните: в первом разделе этой главы я перечислял четыре возможных основания для брачных отношений и отмечал, что варианты отличаются как раз тем, какой пол больше выигрывает от создания моногамной пары. Охрана партнера предполагает, что больше упреждающей «романтической» активности проявляет самец; гипотеза «крыши» – напротив, что в крепких узах больше заинтересована самка. Что касается защиты от хищников и заботы о потомстве, то тут создание постоянной пары одинаково выгодно обоим полам. К какой же модели относятся парные отношения у человека?

Традиционно брачные связи людей рассматривались как взаимовыгодные: ведь оба партнера участвуют в воспитании детей и испытывают романтические чувства. Однако это вовсе не очевидно. Хотя данной стороне человеческих взаимоотношений посвящено на удивление мало исследований, «народная психология» всегда отмечала, что, во-первых, именно женщины решают, каким отношениям развиваться, а каким – нет, а во-вторых, женщины обычно вкладывают больше усилий, чем мужчины, в завязывание и поддержание этих отношений. Недавние работы в области психологии привязанностей указывают на то, что мужчины – в особенности молодые – более предрасположены к «избегающе-отвергающему» типу привязанности, чем женщины. Такие люди обычно соглашались с утверждениями типа «Мне хорошо и без близких эмоциональных отношений», «Мне очень важно чувствовать свою независимость и самодостаточность» и «Я предпочитаю не зависеть от других и не люблю, когда другие зависят от меня». Неудивительно, что они меньше ищут прочного союза с партнершей и испытывают меньшую потребность в близких отношениях. Это не является уникальной особенностью европейской культуры: большую предрасположенность мужчин к «избегающе-отвергающему» типу отношений по сравнению с женщинами отражает обширная выборка по разным странам, охватившая 62 различных культурных региона. Хотя уровень отвержения в разных культурах существенно различается, исследование показало, что культурные особенности (например, наличие равноправия полов или гендерных стереотипов) почти не сказываются на проценте «отвергающего» подхода как внутри одного пола, так и между полами. Напротив, большинство межкультурных различий, похоже, вызвано изменением в уровне женского отвержения, что в свою очередь определяется внешними факторами. В странах с высоким уровнем смертности, рождаемости и заболеваемости СПИДом женщины (и в некоторой степени мужчины) более склонны к «избегающе-отвергающему» типу отношений с противоположным полом, и различие между подходами полов соответственно оказывается меньшим. Складывается впечатление, что женщины проявляют больше разборчивости и корректируют свое поведение в зависимости от обстоятельств: чем равнодушнее мужчина, тем дальше отодвигает женщина свои защитные рубежи.

То, что женщины более разборчивы при установлении близких отношений (см. главу четвертую) и глубже мужчин переживают эмоциональное отторжение (см. главу седьмую), по-видимому, тоже подтверждает: они больше заинтересованы в брачных отношениях. В свете этого напрашивается неизбежный вывод: у людей брачные отношения возникли для того, чтобы решить проблему мужского домогательства и снизить риск детоубийства. Вероятно, это произошло в обстоятельствах повышенной концентрации мужчин на небольшой территории, и женщине поневоле пришлось прибегнуть к конкретному мужчине как к «крыше». Именно так, похоже, все сложилось у горилл: у них образуются

однонаправленные отношения (самка прибивается к самцу) и звездообразный тип общественных связей (самки гарема никак или почти никак не взаимодействуют). Однако в результате складывается среда, где самцы при благоприятных обстоятельствах могут проявить себя заботливыми родителями или как-то иначе поспособствовать выращиванию молодняка.

Так, мне удалось доказать, что у мармозеток и тамаринов брачные отношения скорее всего возникли еще до появления отцовской заботы. В данном случае отец стал заботливым, по-видимому, потому, что именно самка подняла ставки в игре, сократив продолжительность репродуктивного цикла (промежуток между родами) и начав приносить сразу двойню. Обычно приматы рожают по одному детенышу в год, что делает беспорядочное спаривание выгодной стратегией для самцов: как мы уже говорили, большинство из них способны защищать территорию, позволяющую прокормиться на ней пяти самкам. Но обретя способность производить сразу по два детеныша и сократив интервал между родами до полугода, самки мармозеток и тамаринов так сильно перетасовали колоду, что самец просто утратил стимул уходить «налево». Он и так может оставить обильное потомство, даже если не будет спариваться ни с кем, кроме своей постоянной подруги.

На самом деле у людей с мармозетками и тамаринами немало общего. Женщинам тоже удалось существенно сократить интервал между возможными родами: в обществах, где нет ограничений рождаемости, этот интервал составляет три с половиной года – по сравнению с пятью-шестью годами у крупных обезьян. Если вдуматься, то с учетом размеров нашего мозга этот интервал у человека должен был бы приближаться к семи-восемью годам: почувствуйте разницу! Иными словами, мы, подобно мармозеткам и тамаринам, вдвое сократили интервал между родами. У людей неочевиден период овуляции, так что у мужчины имеется стимул спариваться в продолжение всего менструального цикла; то же самое наблюдается у мармозеток и тамаринов (в отличие от остальных обезьян). А еще нас с ними объединяет известная гибкость брачной системы: и у людей, и у игрунковых самцы склонны сбегать и заводить новые отношения на стороне, а моногамия в некоторых обстоятельствах способна превращаться в полигамию или даже в полиандрию.

То, что у горилл все сложилось иначе, скорее всего объясняется очень крупным размером самцов. Поскольку самцы внутри популяции значительно различаются между собой физической силой, а силачи особенно ценятся в качестве телохранителей, самки предпочитают скорее прибиться к наиболее крупным самцам, чем распределяться по группе более равномерно (тогда кому-то неизбежно достались бы слабаки, а это проигрыш во всех отношениях). Мы снова наблюдаем один из вариантов порогов полигамии – в данном случае это переломная точка на шкале относительного размера самцов, начиная с которой гораздо выгоднее сделаться второй, третьей или даже четвертой самкой при крупном самце, чем единственной подругой мелкого и щуплого. У наших предков никогда не было столь выраженного полового диморфизма, как у горилл и орангутанов, и, видимо, поэтому преимущества полноценной полигамии так никогда и не реализовались – во всяком случае, до тех пор пока не получило заметного развития сельское хозяйство, когда у мужчин наконец появилось нечто очень привлекательное в глазах женщин, а именно – земля. Похоже, что именно тогда, примерно десять тысяч лет назад, брачные отношения людей стали более односторонними, но мы до сих пор толком не приспособились к подобной структуре. Наверное, по этой причине полигамные домохозяйства в современных обществах обычно представляют собой несколько разных домохозяйств под одной крышей. В классической полигамной системе, преобладающей в Африке, на участке мужа у каждой жены имеется отдельная хижина, где она готовит, ест, спит и воспитывает детей. Муж посещает каждую из жен, ест и спит у нее согласно строгому графику (если бы он вдруг начал выказывать предпочтение одной из жен, у остальных это вызвало бы неосознанную тревогу). Только при сестринской полигинии (то есть когда все жены приходятся друг другу сестрами) гарем живет в буквальном смысле под одной крышей. Совместное проживание практикуется в 81 % обществ, где распространена сестринская полигиния, но лишь в 32 % обществ, в которых

жены не связаны родством. Похоже, сестры попросту лучше ладят между собой. И действительно, у мормонов, по сей день практикующих многоженство, сестры, состоящие в браке с одним мужчиной, ссорятся реже, чем жены, не являющиеся родственницами.

В общем, по мне, так почти все имеющиеся данные говорят в пользу единственной гипотезы – «крыши», а на долю прочих приходятся лишь единичные доводы.

Когда возникли брачные отношения?

Этот вопрос до сих пор не потерял актуальности и вплоть до недавних пор не имел ответа. Однако открытия последних лет чуть приподняли завесу тайны. И все-таки: брак – это нечто новенькое или наследие предков? Была ли Люси обручена с неким австралопитеком уже 4 миллиона лет назад? Или брачные узы возникли только с появлением нашего собственного вида – 200 тысяч лет назад? Долго считалось, что моногамия появилась вместе с родом *Homo* – то есть 1,8 миллиона лет назад. Если это так, то возникает забавное противоречие. Получается, парные брачные отношения возникли вовсе не для заботы обоих родителей о потомстве с необычайно крупным мозгом, ведь мозг стал стремительно увеличиваться намного позже, только с появлением древнего человека (приблизительно 500 тысяч лет назад). К древним людям относится так называемый гейдельбергский человек, *Homo heidelbergensis*, который считается общим предком и современного человека (*Homo sapiens*), и европейского неандертальца (*Homo neanderthalensis*).

Оуэн Лавджой был ярким приверженцем теории раннего возникновения моногамных брачных отношений у человека и в последней опубликованной работе на эту тему попытался доказать, что брачные узы и отцовская забота о потомстве появились уже 4,4 миллиона лет назад, когда по лесистым землям восточной оконечности Африки кочевали ранние гоминиды – ардипитеки (*Ardipithecus ramidus*). По мнению ученого, в пользу этой гипотезы говорят два ключевых анатомических свидетельства, поскольку они же являются признаками моногамии у других обезьян, крупных и мелких: во-первых, самцы были лишь незначительно крупнее самок, а во-вторых, утратили большие клыки, которые используются в драках за самку. Впрочем, одно дело – утверждать, что конкретный вид (или даже одна популяция внутри вида) придерживался определенной модели поведения, и совсем другое – распространять эту модель на всех его потомков. Вполне возможно, что ардипитек действительно был моногамен, но, даже если это так, он вполне мог представлять исключение из общей полигамности. Трудно делать далеко идущие выводы, основываясь всего на одном виде, представленном небольшим числом образцов. Зато известно, что у более поздних гоминид наблюдались значительные расхождения как в размерах тела, так и в половом диморфизме, хотя маленькие клыки сохранялись у всех (они имеются и у современных людей, в отличие от всех крупных обезьян).

Мои коллеги Эмма Нельсон и Сюзанна Шульц открыли способ атрибуции ископаемых образцов к той или иной брачной системе. Среди ныне живущих приматов у полигамных видов указательный палец заметно короче безымянного, в отличие от моногамных видов, особенно у самцов. Действительно, даже среди современных людей у мужчин указательные пальцы обычно короче безымянных (при том что у женщин эти пальцы имеют почти одинаковую длину). Это соотношение длины указательного пальца к безымянному (2D:4D) управляется эмбриональным тестостероном и отражает уровень тестостерона во внутриутробной среде. Среда, где развиваются зародыши мужского пола полигамных видов, готовит их к будущим битвам. К несчастью для Лавджоя, анализ соотношений длин пальцев у ископаемых образцов позволяет сделать совершенно бескомпромиссный вывод о полигамии не только ардипитека, но и большинства ранних ископаемых образцов современного человека нашего собственного вида. Обнаруженное у них соотношение длин пальцев очень близко к тому, какое наблюдается у современных зулусов, а они в высшей степени полигамны и по этой части сильно обогнали остальное человечество, зато вполне вписываются в нормы крайне полигамных орангутанов и шимпанзе. Современный человек

при известной склонности к полигамии (ему далеко до моногамии гиббонов – самых моногамных на свете обезьян, у самцов которых указательный и безымянный пальцы имеют почти одинаковую длину), уступает в этом отношении как прямому предку (гейдельбергский человек), так и неандертальцу. Лишь у австралопитеков длина пальцев, возможно, указывает на реальную моногамию – хотя даже они находятся в этом отношении на полпути между современным человеком и гиббоном. Иными словами, вряд ли моногамия была у них такой же устойчивой, как у современных гиббонов. Похоже, изменения произошли довольно поздно, уже в ходе собственно человеческой эволюции.

Сложность в том, что генетическая моногамия и психологический механизм, стоящий за образованием брачной пары, – не обязательно одно и то же. Как я указывал уже неоднократно, пары в полигамных культурах образуются примерно так же, как и там, где закон и обычай предписывают моногамию. Из чего следует единственный неоспоримый вывод: похоже, мы просто не способны поддерживать больше одной качественной брачной связи одновременно. Но поскольку у мужчин возникает желание заниматься сексом с кем-либо еще, будь то брачный партнер или нет, появление полигинии (многоженства) вероятнее, чем полиандрии (многожужия). Именно это мы и наблюдаем: общества, где распространена полиандрия, в мире крайне редки.

Появление современной модели брачного поведения во многом обусловлено численностью общины: с ее увеличением возрастала и угроза детоубийства. Теоретически мы можем оценить примерный размер общины у ископаемых популяций, потому что существует прямая связь между размерами социальной группы и неокортекса у приматов (причем у всех без исключения). Сопоставив величину мозга в отдельных популяциях ископаемых гоминид с соответствующими показателями, характерными для других приматов, мы получим довольно отчетливое представление о том, как менялась величина общины на протяжении нашей эволюционной истории (это можно проследить по графикам, которые я привожу в своей книге «Человеческая история»). Если вкратце, то долгое время численность человеческих сообществ оставалась постоянной, лишь слегка превышая обычный размер группы, наблюдаемый у современных шимпанзе (от 50 до 70 особей). Положение резко изменилось примерно 500 тысяч лет назад, когда община выросла до 150 человек – предельного для нас круга общения. Если самки шимпанзе едва выдерживают домогательства в группе до 50 особей (из которых 10–12 – самцы-производители), значит, когда численность человеческой общины перевалила за сотню (то есть мужчин репродуктивного возраста в ней было от 20 до 25), сексуальное давление на женщин наверняка усилилось настолько, что сделалось попросту невыносимым. Срочно понадобился защитник. Неясно, когда именно брачная система переключилась с условного промискуитета по типу шимпанзе на парность, однако данные по соотношению длины пальцев указывают на то, что произошло это довольно поздно – возможно, не раньше, чем появились анатомически современные люди, то есть примерно 200 тысяч лет назад. Проходило ли человечество через промежуточный этап вроде той полигамии, что наблюдается у горилл? Думаю, вряд ли, ведь у наших предков никогда не было столь ярко выраженного полового диморфизма, требующегося для появления полигинии.

Кода

К этому заключительному разделу мы шли долгим и извилистым путем, разбирая психологические и физиологические хитросплетения любви и измены, а также их функциональные последствия. В строго биологическом смысле любовные отношения существуют для того, чтобы облегчать задачи размножения, чтобы позволять отдельным людям как можно лучше заботиться о будущем генофонде своего вида. Но ради этого биологии приходится пробиваться сквозь сложные, многослойные процессы, протекающие на физиологическом и психологическом уровнях. Получающаяся в результате яркая и неповторимая картина и есть наша личная жизнь. Некоторые возмущаются, дескать, наука

разрушает волшебство и поэзию наших чувств и переживаний, но это говорят только те, кто ничего не смыслит даже в собственной психологии. Понимание механизма, который стоит за нашими чувствами, не меняет – и не способно изменить – сами эти чувства, хотя бы потому, что мы ощущаем их как эмоции, а не как «включение» отдельных участков мозга. Мы все равно будем влюбляться, даже зная, какие именно мозговые зоны при этом активизируются. И по-прежнему будем ощущать боль, когда нас отталкивают или отвергают, даже отдавая себе отчет в том, как именно генерируется это ощущение. А поэты будут по-прежнему нас вдохновлять, пробуждая воспоминания и эмоции своим виртуозным и недоступным нам искусством словесной игры.

Некоторые затронутые нами факты наверняка показались вам знакомыми из повседневной жизни, хотя вы, возможно, не всегда понимали, что за ними скрывается; другие стали неожиданностью. А кое-что могло встревожить, а то и поколебать чьи-то личные убеждения. К сожалению, наука не гарантирует, что новые данные обязательно совпадут с нашими устоявшимися представлениями. Но ведь наша задача – узнать что-то новое о мире, в котором живем, и знание это следует принимать без пристрастия, но с благодарностью.

Я надеюсь, мне удалось познакомить читателя с потрясающими научными достижениями последнего десятилетия. Большинство совершенных открытий никак не связано между собой, и моей задачей стало соединить их в единую картину. Что само по себе оказалось не так просто, ведь мы еще многого не знаем о связи физиологии с психологией, а психологии с поведением. Тем не менее хочется думать, мне все-таки удалось передать главную мысль – что за магией наших непосредственных чувств и ощущений таятся сложнейшие, поразительнейшие химические метаморфозы. Так что известное выражение «химия любви» совершенно справедливо, причем во всех смыслах.

Благодарности

Этой книгой я во многом обязан нашим выпускникам, диссертантам и моим коллегам, которые работали вместе со мной долгие годы и на чьи труды я в существенной степени опирался. Без вас ничего не получилось бы. Спасибо вам всем!

Библиография

Все эпиграфы взяты из стихотворений Роберта Бернса (1756–1796), чья нежная привязанность к жене, Джин Армор, по-видимому, никогда не препятствовала его романтической склонности влюбляться в каждую встречную.

Робин Данбар – известный британский антрополог и эволюционный психолог, специалист по поведению приматов.

Профессор Оксфордского университета. Автор ряда завоевавших широкую популярность книг, в том числе – «Лабиринт случайных связей. Рассказ о том, как мы общаемся, а главное – зачем», изданной в России. Всемирно известным его сделало «число

Данбара» – выведенное им предельное количество устойчивых социальных связей, которое может поддерживать человек.